

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЕВРАЗИЙСКАЯ СИНЕРГИЯ: единство народов России в эпоху глобальных перемен

Материалы
XVI Евразийского экономического форума молодежи

(Екатеринбург, 21–24 апреля 2026 г.)

Том 3

eurasia-forum.ru

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Вольное экономическое общество России
Уральский государственный экономический университет

**ЕВРАЗИЙСКАЯ СИНЕРГИЯ:
ЕДИНСТВО НАРОДОВ РОССИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН**

М а т е р и а л ы
XVI Евразийского экономического форума молодежи

(Екатеринбург, 21–24 апреля 2026 г.)

Том 3

Екатеринбург
2026

УДК 339.9(093)
ББК 65.9я43
Е22

Ответственные за выпуск:

доктор экономических наук, профессор,
и. о. ректора Уральского государственного экономического университета *Я. П. Силин*;
кандидат филологических наук, доцент,
проректор по социальной работе и молодежной политике
Уральского государственного экономического университета *Р. В. Краснов*;
доктор экономических наук, доцент, проректор по научной работе
Уральского государственного экономического университета *В. Е. Ковалев*

Редакционная коллегия:

доктор географических наук, профессор *Е. Г. Анимича*;
доктор экономических наук, профессор *Е. Б. Дворядкина*;
кандидат экономических наук, доцент *А. Ю. Коковихин*;
кандидат экономических наук, доцент *А. В. Курдюмов*;
кандидат педагогических наук *В. П. Соловьева*;
доктор экономических наук, доцент *Е. Н. Ялунина*;
доктор экономических наук, доцент *С. Г. Пьянкова*

Ответственные секретари:

Н. С. Громова, Е. А. Иванов, Я. И. Ленишева, В. А. Цибилов, И. А. Чечулин

Е22

Евразийская синергия: единство народов России в эпоху глобальных перемен :

материалы XVI Евразийского экономического форума молодежи (Екатеринбург, 21–24 апреля 2026 г.) : в 3 томах / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вольное экономическое общество России, Уральский государственный экономический университет ; ответственные за выпуск: Я. П. Силин, Р. В. Краснов, В. Е. Ковалев ; редакционная коллегия: Е. Г. Анимича, Е. Б. Дворядкина, А. Ю. Коковихин [и др.]. — Екатеринбург : УргЭУ, 2026. — Т. 3. — 265 с.

В издании представлены материалы XVI Евразийского экономического форума молодежи, посвященные вопросам развития интеграционных процессов в условиях глобальных трансформаций. Эти исследования позволяют комплексно рассмотреть тенденции евразийского взаимодействия, выявить новые практики сотрудничества и определить перспективные направления укрепления социально-экономических, культурных и гуманитарных связей. Тема Форума 2026 г. отражает особую значимость консолидации, взаимопонимания и солидарности как ключевых факторов устойчивого развития и эффективного ответа на современные вызовы.

Материалы XVI ЕЭФМ представлены в трех томах: том 1 — приветственные слова участникам Форума, материалы открытых лекций экспертов и тезисы работ финалистов Конгресса экономистов и финансистов (часть 1); том 2 — тезисы работ финалистов Конгресса экономистов и финансистов (часть 2), тезисы работ финалистов Конгресса предпринимательства и инжиниринга; том 3 — тезисы работ финалистов Конгресса управления и права, Конгресса стратегов и отдельных конкурсов. Все они объединены актуальной проблематикой и позволяют видеть мир таким, каким мы его знаем сегодня.

Для студентов, участвующих в научно-исследовательской работе, магистрантов и аспирантов, а также для широкой молодежной аудитории, интересующейся переменами в общественно-экономическом развитии.

УДК 339.9(093)
ББК 65.9я43

© Авторы, указанные в содержании, 2026
© Уральский государственный
экономический университет, 2026

КОНГРЕСС УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВА

ТЕЗИСЫ РАБОТ ФИНАЛИСТОВ КОНКУРСОВ

ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

**Международный конкурс
научно-исследовательских работ
молодых ученых и студентов**

Д. С. Брыкалова, Д. Мамбве
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

Оценка эффективности государственных и муниципальных проектов в сфере молодежной политики: доказательный подход на примере фестивальной экосистемы города Ставрополя

Ключевые слова: молодежная политика; фестивальная экосистема; человеческий капитал; эффективность государственных проектов.

В современных условиях государственная молодежная политика выступает важнейшим инструментом формирования человеческого капитала и обеспечения устойчивого развития территорий. Одним из ключевых механизмов ее реализации выступают фестивальные проекты, способствующие вовлечению молодежи в социальную, культурную и экономическую деятельность. При этом проблема оценки эффективности подобных инициатив сохраняет актуальность в связи с ограниченным использованием доказательных подходов.

Цель исследования заключается в оценке эффективности государственных и муниципальных проектов в сфере молодежной политики на примере фестивальной экосистемы города Ставрополя.

Теоретическую основу работы составляют концепции человеческого и социального капитала и подходы доказательной политики. Методология включает анализ нормативных документов, статистических данных, индексный анализ и результаты социологического опроса.

В исследовании фестивальная деятельность рассматривается как целостная экосистема, объединяющая различные проекты и институциональные связи. Для ставропольской модели характерна межвозрастная преемственность, обеспечивающая последовательное развитие молодежи от школьного этапа к профессиональной реализации. В работу включены агрегированные показатели по таким ключевым событиям, как всероссийские фестивали «Российская школьная весна» (2023–2025 гг.) и «Российская студенческая весна СПО» (2024–2025 гг.); фестиваль работающей молодежи «На высоте» (2022 г.); гранд-финал международной конкурс-премии уличной культуры и спорта «Кардо» (2023–2025 гг.). Кроме того, все перечисленные проекты реализуются на территории года Ставрополя в рамках Государственной программы Ставропольского края «Молодежная политика». Рассматриваемые проекты представляют собой лишь часть масштабной государственной социальной повестки города. В городской среде ежегодно реализуется значительно большее количество молодежных инициатив.

Анализ количественных показателей демонстрирует устойчивый рост вовлеченности: численность участников увеличилась более чем в четыре раза за период 2021–2026 гг., а среднегодовой темп роста составил около 37 % в соответствии с таблицей. Параллельно наблюдается расширение географии участия и партнерской сети.

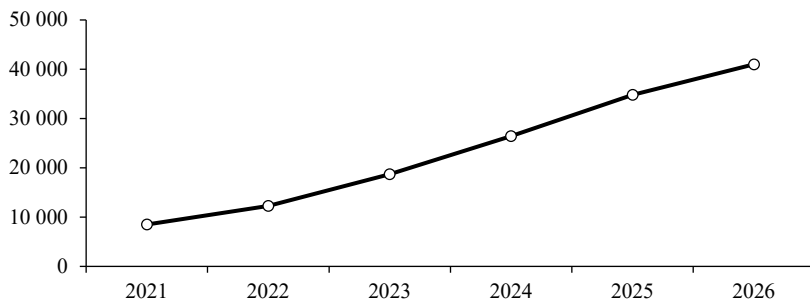
Совокупные показатели вовлеченности как индикаторы реализации государственной молодежной политики (2021–2026 гг.)

Год	Участники	Регионов	Партнеры
2021	8 500	12	45
2022	12 300	18	63
2023	18 700	32	95
2024	26 400	54	140
2025	34 800	68	210
2026*	41 000	75	260

Примечание. * Прогнозные значения.

Для комплексной оценки предложен интегральный индекс вовлеченности молодежи, отражающий уровень развития фестивальной экосистемы. Расчеты показывают рост индекса более чем в 16 раз, что свидетельствует о переходе системы в стадию устойчивого функционирования. Выявленная тенденция и визуализация траектории роста численности участников наглядно представлена в графическом отображении (см. рисунок).

Результаты социологического опроса подтверждают наличие значимых социально-экономических эффектов участия. Установлено, что фестивальные проекты способствуют расширению деловых связей (88,5 %), карьерному росту (63,5 %) и развитию предпринимательской активности (41,7 %). Выявлен накопительный эффект: повторное участие усиливает достигнутые результаты.

Динамика численности участников (2021–2026 гг.)

Сравнительный анализ региональных практик показал, что ставропольская модель отличается высокой степенью интеграции проектов и ориентацией на долгосрочное развитие молодежного потенциала.

Результаты проведенного исследования имеют практическую значимость, где фестивальная экосистема может рассматриваться как эффективный инструмент реализации государственной молодежной политики. Использование доказательного подхода и интегральных показателей позволяет повысить обоснованность управленческих решений и может быть рекомендовано к применению в практике государственного управления.

Научный руководитель: **Е. Ю. Шацкая**,
кандидат экономических наук, доцент

Выработка рекомендаций и предложений по улучшению вовлеченности молодежи в оценку регулирующего воздействия на всех уровнях государственного управления

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия; молодежная политика; государственное управление; общественное участие; нормативное регулирование.

Исследование посвящено поиску путей повышения участия молодежи в оценке регулирующего воздействия (ОРВ) на всех уровнях власти. Актуальность работы продиктована необходимостью улучшать качество нормативных актов через реальное общественное участие. Анализ текущей системы ОРВ в России выявил ключевые препятствия для молодежи: слабую информированность, правовую неграмотность и несовершенство цифровых инструментов. По итогам работы предложены меры по институционализации молодежного участия, цифровизации процедур и запуску образовательных программ.

1. *Анализ результатов исследования.* Формальное наличие публичных процедур не гарантирует реального участия граждан. Эффективность ОРВ напрямую зависит от вовлеченности разных групп населения, особенно молодежи, которая является носителем инновационных и цифровых компетенций. Чтобы оценить реальное положение дел, необходим переход от теории к эмпирике.

Результаты опроса демонстрируют парадокс: при высоком интересе к политике (70 %) и готовности обсуждать проекты нормативно-правовых актов (62 %) реально участвуют в консультациях лишь 18 %. Только треть опрошенных (35 %) знает о портале публичных консультаций. Это подтверждает наличие серьезного разрыва между потенциальной и реальной вовлеченностью.

2. *Основные барьеры вовлеченности.* Выделены информационные, образовательные, мотивационные, технологические и институциональные барьеры. Ключевой проблемой является отсутствие эффективной трансформации готовности молодежи к участию в реальные механизмы взаимодействия с органами власти.

3. *Рекомендации по повышению вовлеченности.* Предлагается создание молодежных экспертных советов, внедрение образовательных программ по ОРВ, цифровизация платформ участия, а также развитие мотивационных механизмов, включая стажировки и цифровые сертификаты (см. таблицу).

Комплекс мер по повышению вовлеченности молодежи в процессы ОРВ

Проблема (по данным опроса)	Предлагаемая мера	Ожидаемый эффект
Низкая осведомленность о портале публичных консультаций (35 %)	Информационная кампания в социальных сетях; размещение информации в вузах; создание коротких разъясняющих видео о процедуре участия	Рост уровня информированности до 60–70 %
Разрыв между готовностью участвовать (62 %) и фактическим участием (18 %)	Упрощение формы подачи комментариев; мобильная версия портала; интеграция с социальными сетями	Увеличение фактического участия до 40–50 %
Низкая правовая и регуляторная грамотность молодежи	Введение образовательных модулей по ОРВ; проведение деловых игр и кейс-чемпионов	Повышение качества предложений и снижение барьера участия

Проведенный анализ показывает, что низкая вовлеченность молодежи в ОРВ обусловлена не столько отсутствием интереса, сколько неэффективностью существующих институтов. Молодежь готова участвовать, но текущие процедуры не позволяют реализовать эту готовность. Следовательно, устранение организационных и цифровых барьеров является критически важным. Повышение участия молодежи в ОРВ — это не просто способ улучшить регуляторику, а необходимое условие для устойчивого развития всей системы государственного управления в России.

Научный руководитель: **А. Д. Жуковский**,
кандидат экономических наук, доцент

Н. С. Клутье

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, г. Санкт-Петербург

Чат-бот МФЦ Санкт-Петербурга и принцип «единого окна» как инструмент снижения административной нагрузки заявителей

Ключевые слова: административная нагрузка заявителей; государственные услуги; МФЦ; принцип «единого окна»; чат-бот МАХ.

В сфере предоставления государственных услуг, организуемых в том числе через Многофункциональный центр (МФЦ) по принципу «единого окна», существенная часть процедурных требований адресо-

вана заявителю¹. Эти элементы формируют административную нагрузку заявителей — издержки обучения, соблюдения требований и психологические издержки. Цифровые каналы, включая чат-боты, становятся частью фактических правил доступа к услугам и требуют оценки по измеримому эффекту, а не только по охвату.

Разработать прикладной дизайн доказательной оценки того, снижает ли чат-бот МФЦ Санкт-Петербурга, включая сервис в мессенджере МАХ, административную нагрузку заявителей и как результаты такой оценки могут использоваться в цикле оценки регулирующего воздействия и оценки фактического воздействия.

Используются процессный анализ с построением карты пути заявителя (*journey map*), адаптация модели стандартных издержек (SCM) для оценки административной нагрузки заявителей², а также квазиэкспериментальный дизайн DiD (разность разностей) с сопоставлением офисов и услуг пилотной и контрольной групп [1; 2; 3].

Официальные ресурсы Санкт-Петербурга фиксируют высокий объем обращений к цифровым сервисам: около 23 млн обращений в I квартале 2025 г.³ Сеть МФЦ сохраняет массовый поток заявок: в июне 2025 г. было обработано 680 тыс. заявок⁴. В 2025 г. запущены официальные чат-боты государственных услуг в мессенджере МАХ, включая чат-бот МФЦ⁵. При таком масштабе даже небольшое сокращение времени и числа повторных обращений дает заметную совокупную экономию издержек заявителей.

Предлагается измерять время до успешной записи, долю записей через чат-бот, продолжительность ожидания в офисе, долю повторных визитов, долю приостановок и отказов из-за неполного комплекта документов, нагрузку на колл-центр и стойки информирования, а также

---

¹ Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ; *One-stop shops for citizens and business* / OECD. — Paris: OECD Publishing, 2020. — URL: https://www.oecd.org/en/publications/2020/05/one-stop-shops-for-citizens-and-business_1fff6e8b.html (дата обращения: 26.04.2026).

² Методические материалы по оценке стандартных издержек (SCM) в процедурах оценки регулирующего воздействия и оценки фактического воздействия Минэкономразвития России.

³ *Петербуржцы* в I квартале 2025 г. подали около 23 млн обращений на получение государственных услуг и сервисов // Администрация Санкт-Петербурга. — 2025. — 28 мая. — URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_information/news/298985/ (дата обращения: 26.04.2026).

⁴ МФЦ Санкт-Петербурга в июне обработали 680 тыс. заявок на получение госуслуг — на 26,3 % больше, чем годом ранее // Портал госуслуг Санкт-Петербурга. — 2025. — 9 июля. — URL: <https://gu.spb.ru/mfc/news/745017/> (дата обращения: 26.04.2026).

⁵ *Петербург* запустил официальные чат-боты с госуслугами в мессенджере МАХ // Портал госуслуг Санкт-Петербурга. — 2025. — 30 сент. — URL: <https://gu.spb.ru/news/peterburg-zapustil-ofitsialnye-chat-boty-s-gosserv/> (дата обращения: 26.04.2026).

пользовательский опыт — понятность требований и удовлетворенность. Источниками данных выступают электронная очередь и CRM, логи чат-бота, данные колл-центра, ведомственная статистика и короткие опросы заявителей.

Предполагается сокращение времени до успешной записи и ожидания в офисе, снижение доли повторных визитов и обращений в колл-центр при отсутствии ухудшения показателей устойчивости очереди, включая неявки и отмены.

Предлагаемый подход позволяет переводить цифровые изменения в понятные для оценки регулирующего воздействия метрики издержек адресата, обосновывать масштабирование решений на основе данных, выявлять риски — неявки, цифровое неравенство, ошибки маршрутизации — и управлять ими через дизайн сервиса: напоминания, перенос записи и альтернативные каналы обращения. Результаты целесообразно оформлять в виде краткой записки оценки фактического воздействия и использовать при корректировке локальных процедур и стандартов информирования в МФЦ.

Научная новизна. Предложена воспроизводимая схема измерения административной нагрузки заявителей в контуре регионального ОРВ на основе адаптации SCM и DiD-дизайна применительно к цифровым интервенциям в системе МФЦ.

Библиографический список

1. *Callaway B., Sant'Anna P. H. C.* Difference-in-differences with multiple time periods // *Journal of econometrics*. — 2021. — Vol. 225, no. 2. — P. 200–230.
2. *Goodman-Bacon A.* Difference-in-differences with variation in treatment timing // *Journal of econometrics*. — 2021. — Vol. 225, no. 2. — P. 254–277.
3. *Sun L., Abraham S.* Estimating dynamic treatment effects in event studies with heterogeneous treatment effects // *Journal of econometrics*. — 2021. — Vol. 225, no. 2. — P. 175–199.

Научный руководитель: **М. С. Туrowsкая**,
кандидат экономических наук, доцент

К. Д. Ковлякова, Д. О. Ким, З. В. Луканина,
Ю. О. Лехельт, К. А. Соболев

Амурский государственный университет, г. Благовещенск

Платформа по интеллектуальному управлению совещаниями и решениями в органах власти

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия; цифровизация государственного управления; искусственный интеллект; эффективность совещаний; контроль исполнения поручений.

Оценка регулирующего воздействия (ОРВ) — это систематический анализ потенциальных последствий реализации проекта, программы или политики, направленный на выявление положительных и отрицательных эффектов, а также на разработку рекомендаций для минимизации рисков и повышения эффективности.

В условиях цифровой трансформации государственного управления особую актуальность приобретает оптимизация внутренних управленческих процессов, в первую очередь совещаний, где формируются ключевые решения и поручения.

На практике процесс организации совещаний в органах власти Амурской области остается неоптимизированным: отсутствует четкая повестка, обсуждения уходят в сторону, протоколы составляются вручную, а контроль исполнения поручений затруднен. Основываясь на статистических данных, проблема неоптимизированности процесса совещаний приводит к переработкам сотрудников (71 % задерживаются на работе¹, 72 % систематически перерабатывают²), потере до 40 % рабочего времени на документооборот и снижению качества управленческих решений³.

Цель исследования — комплексное обоснование внедрения платформы «СовИИ» (совещание с искусственным интеллектом) с применением процедуры ОРВ в соответствии с принципами доказательной политики.

В теоретической части раскрыты сущность, цели и задачи ОРВ как механизма обоснованного выбора способа правового регулирования.

---

¹ Удаленная занятость в России: экспресс-информация / Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ. — URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/976054144.pdf> (дата обращения: 03.04.2026).

² Труд и занятость в России. 2023: стат. сб. / Росстат. — М., 2023. — URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 03.04.2026).

³ Исследование «Оптимизация административных процессов в государственных органах: нагрузка и эффективность» / Центр стратегических разработок (ЦСР). — URL: <https://www.csr.ru/ru/research/> (дата обращения: 03.04.2026).

ния на основе анализа альтернатив, выгод и издержек. Описаны методы и ключевые этапы ОРВ. Приведено нормативно-правовое регулирование ОРВ в Российской Федерации и Амурской области, включая приказ Минэкономразвития России от 28 сентября 2023 г. № 676 «Об утверждении методики оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов», постановление Правительства Амурской области от 20 августа 2015 г. № 394 «Об оценке регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов Амурской области» и другие акты.

Практический анализ подтвердил необходимость проекта «СовИИ» на основе статистических данных и опроса государственных служащих Правительства Амурской области. Выявлены ключевые проблемы: отсутствие автоматизированной фиксации решений, потеря контроля за поручениями и необходимости внедрения данной платформы. Разработана бизнес-модель по Остервальдеру и календарный план реализации. Платформа обеспечивает автоматическое распознавание речи, генерацию протоколов, распределение поручений с указанием ответственных и сроков, интеграцию с системой электронного документооборота.

Проведена оценка регулирующего воздействия проекта «СовИИ». Внедрение потребует изменения административных регламентов, признания платформы государственной информационной системой и включения показателей ее использования в KPI. Оценены положительные эффекты: ускорение рассмотрения обращений граждан, повышение прозрачности, снижение коррупционных рисков, экономия времени государственных служащих и перераспределение ресурсов на социальные нужды. Разработан план реализации, а также проанализированы риски и меры их минимизации.

Результаты исследования подтверждают высокую практическую значимость проекта «СовИИ». Его внедрение соответствует целям национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика», позволит повысить эффективность государственного управления, сократить временные и ресурсные потери, улучшить контроль исполнения решений и качество услуг населению.

Научный руководитель: **В. В. Лазарева**,
кандидат экономических наук, доцент

В. С. Маркина, К. В. Бобровцева, А. А. Шагретдинов

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет), г. Челябинск

Государственное регулирование туристического бизнеса в Челябинской области

Ключевые слова: туристический бизнес; государственное регулирование; государственная программа; эффективность государственной программы.

Необходимость государственного регулирования: туристический бизнес нуждается в государственном регулировании для эффективного развития и привлечения инвестиций.

Методы исследования включают в себя принципы доказательной политики, предусматривающей использование объективных данных и научных методов для разработки эффективных управленческих решений в сфере государственного регулирования туристического бизнеса в Челябинской области.

Проблема: Челябинская область обладает значительным туристско-рекреационным потенциалом, однако его доля в структуре ВРП остается незначительной, а позиции в Уральском федеральном округе уступают лидерам Свердловской и Тюменской областям, что указывает на недостаточную эффективность текущих механизмов государственного регулирования и поддержки туристического бизнеса.

Регулирование развития туристической сферы, представленное на рис. 1, осуществляется на всех уровнях управления.

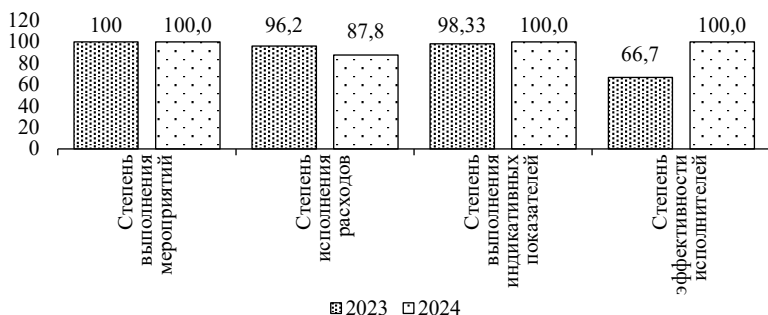
Поддержка туристического бизнеса: федеральный проект «Создание номерного фонда, инфраструктуры и новых точек притяжения», национальный проект «Туризм и гостеприимство», гранты, субсидии, меры по развитию отдельных видов туризма.

Результативность — программа демонстрирует высокую степень достижения целевых показателей. В 2024 г. фактический объем платных услуг превысил плановый на 71 %, а численность размещенных лиц — на 20 %. Средняя результативность по выделенным показателям, представленная на рис. 2, составила 100 % в 2024 г. против 98,33 % в 2023 г.

Структура финансирования, изображенная на рис. 3 и 4, на протяжении всего анализируемого периода доминирует над федеральным софинансированием (66 % в 2024 г.), что подчеркивает приоритетность развития туризма для центра и зависимость региона от федеральных трансфертов.

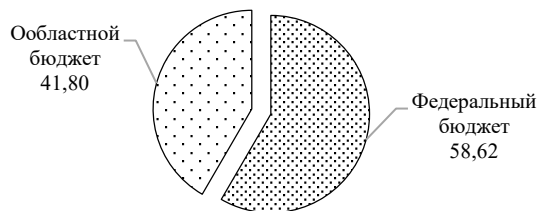

Рис. 1. Органы власти РФ федерального и регионального уровня и их функции в сфере туризма

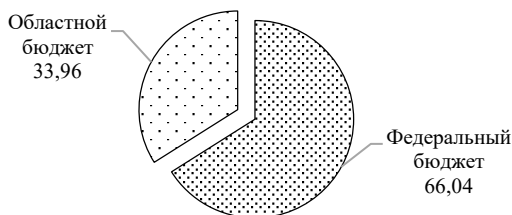

Рис. 2. Слагаемые эффективности, %¹

¹ Государственные программы Российской Федерации. — URL: <https://programs.economy.gov.ru/programs> (дата обращения: 18.03.2026).

Рис. 3. Долевая структура финансирования государственной программы Челябинской области «Развитие туризма Челябинской области» в 2023 г., %¹

Рис. 4. Долевая структура финансирования государственной программы Челябинской области «Развитие туризма Челябинской области» в 2024 г., %²

Перспективы развития: реализация государственной программы «Развитие туризма в Челябинской области» имеет высокую степень эффективности и создает возможности для расширения туристического бизнеса и повышения привлекательности региона.

Научный руководитель: **М. В. Никифорова**,
кандидат технических наук,
кандидат экономических наук, доцент

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: стат. сб. / Росстат. — М., 2025. — 1035 с.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: стат. сб. / Росстат. — М., 2025. — 1035 с.

Л. Р. Сеидова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Особенности процессов и инструментов проектного управления на примере Пермского края

Ключевые слова: проект; проектное управление; национальные проекты; социально-экономическое развитие; Пермский край.

Сегодня система государственного управления сталкивается с ограниченностью ресурсов, многозадачностью и необходимостью достижения измеримых результатов в установленные сроки, в связи с чем возрастающая роль принадлежит проектной деятельности.

Проектное управление представляет собой «способ организации деятельности, при котором выполнение важных стратегических задач структурируется на отдельные программы и проекты, и для управления ими применяется комплекс соответствующих инструментов и методов»¹. Основная цель внедрения проектного управления в государственное управление — это повышение эффективности реализации целей и задач социально-экономического развития.

Неотъемлемой частью проектного управления является проект. Проект — это «комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленный на создание уникального результата в условиях временных и ресурсных ограничений»².

Сегодня проектное управление в России — это многоуровневая система взаимосвязанных проектов, нацеленных на достижение стратегических целей развития страны. По поручению Президента реализуются национальные проекты, направленные на повышение качества жизни населения, формирование современной инфраструктуры и улучшение предпринимательского климата.

С 1 января 2025 г. в России приступили к реализации 21 национального проекта сроком до 2030 г. Они пришли на смену проектам 2019–2024 гг. и нацелены на дальнейшее развитие страны в соответствии с национальными целями.

---

¹ Шульмин С. А., Лутфуллин Ю. Р. Некоторые аспекты проведения проектного управления на основе применения современных бизнес-технологий // Инновации и инвестиции. — 2018. — № 9. — С. 112.

² Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти: распоряжение Минэкономразвития России от 14 апреля 2014 г. № 26Р-АУ.

Проектный подход стал ключевым инструментом управления социально-экономическим развитием Пермского края. За 2022–2024 гг. регион показал рост основных показателей, например ВРП вырос на 30 %, инвестиции в основной капитал — на 65 %, среднемесячная заработная плата — на 41 %. Уровень безработицы снизился с 0,64 % до 0,29 %, демографическая ситуация осложняется естественной убылью населения, снижением рождаемости и ростом смертности.

В рамках исследования изучена реализация национальных проектов на территории Пермского края. Так, в период с 2019 по 2024 г. реализовано 49 региональных проектов в рамках 14 национальных проектов. Общий объем финансирования превысил 120 млрд р.¹ Осуществлено более 7,5 тыс. мероприятий, в том числе введено в эксплуатацию 793 объекта, среди которых школы, детские сады, больницы, объекты спорта, объекты инженерной инфраструктуры и др. Достижение показателей составило 99,99 %.

Таким образом, Пермский край демонстрирует высокую активность и эффективность в достижении результатов национальных проектов России.

Совершенствование реализации процессов и инструментов проектной деятельности в государственном управлении требует комплексного подхода, учета законодательных, методологических, организационных аспектов, подготовки кадров и применения актуальных методов на всех этапах.

Сегодня Россия вошла в активную фазу внедрения искусственного интеллекта. В целях совершенствования проектного управления в рамках исследования предлагается разработка нового национального проекта «Умная страна: цифровая трансформация и интеграция». Основная суть проекта — создание единой цифровой экосистемы, объединяющей направления ключевых национальных проектов России, с широким внедрением технологий искусственного интеллекта в государственное управление, социальную и экономическую сферы.

Предложенный проект выведет систему проектного управления на новый уровень и повысит качество жизни населения за счет умных решений в городах, здравоохранении и образовании, экономии бюджетных средств, роста производительности труда, точного прогнозирования социально-экономического развития, укрепления технологического суверенитета и упрощения административных процессов для бизнеса.

Научный руководитель: **Е. С. Куликова**,
доктор экономических наук, доцент

---

¹ Правительство Пермского края. — URL: <http://www.permkrai.ru/> (дата обращения: 04.02.2026).

Л. С. Соловьев

Российский государственный аграрный университет –
МСХА им. К. А. Тимирязева, г. Москва

Оценка регулирующего воздействия экспериментальных правовых режимов: эффективность регуляторных песочниц в государственном управлении

Ключевые слова: регуляторная песочница; экспериментальный правовой режим; оценка воздействия; государственное управление; эффективность использования.

Актуальность исследования обусловлена объективной потребностью российской правовой системы в инструментах, позволяющих адаптировать законодательство к стремительному технологическому развитию. Регуляторные песочницы (экспериментальные правовые режимы) стали ключевым ответом на этот вызов. Однако, несмотря на принятие профильного закона в 2020 г. и накопленную за последние годы практику, механизм функционирования регуляторных песочниц находится в стадии активного становления и совершенствования, о чем свидетельствуют законодательные инициативы в феврале 2026 г.

На сегодняшний день сохраняется ряд существенных проблем: отсутствие четких критериев эффективности таких режимов, риски нарушения прав граждан, неопределенность в сферах, не охваченных регулированием. Более того, в научной доктрине и практике государственного управления остро ощущается нехватка методологии оценки результативности экспериментальных режимов. Это выдвигает на первый план задачу интеграции инструментов оценки регулирующего воздействия в процесс проектирования, запуска и мониторинга регуляторных песочниц, что и определяет высокую актуальность данного исследования для сферы государственного и муниципального управления.

Целью работы является комплексное исследование института регулятивных песочниц, анализ российской практики их применения, выявление проблем в механизме регулирования в Российской Федерации и разработка направлений его совершенствования.

Критический анализ российского механизма выявил ряд существенных проблем, препятствующих его максимальной эффективности:

1) *высокая бюрократическая нагрузка*: сложные, многоэтапные процедуры подачи заявок, требования к пакету документов, сопоставимые с получением полноценной лицензии, делают песочницу малодоступной для стартапов и малого бизнеса — ее основных потенциальных пользователей;

2) *субъективность и непрозрачность отбора*: несмотря на формальные критерии, решение часто принимается на основе экспертных оценок без четких количественных шкал, что снижает доверие и воспроизводимость результатов;

3) *отсутствие единой методики оценки эффективности*: нет стандартизированной системы ключевых показателей для оценки результатов как отдельных экспериментов, так и работы института в целом, что затрудняет подведение итогов и принятие решений о масштабировании;

4) *«парадокс зрелости»*: регулятор отдает предпочтение почти готовым продуктам, что противоречит изначальной идее песочницы как инструмента для проверки гипотез и прототипирования на ранних стадиях;

5) *изолированность от международного контекста*: отсутствие механизмов сотрудничества, взаимного признания результатов с дружественными юрисдикциями ограничивает возможности российских компаний и обмен лучшими практиками.

Предложенные в работе направления совершенствования направлены на трансформацию российской регулятивной песочницы из инструмента контроля в инструмент развития. Они включают:

1) *детенизацию и цифровизацию процедур*: внедрение цифровой платформы для подачи заявок, отслеживания статуса и коммуникации; введение упрощенной предварительной консультационной заявки для быстрой обратной связи;

2) *повышение объективности и прозрачности*: разработка и публикация детальных, измеримых критериев отбора с балльной системой оценки; привлечение независимых экспертов из бизнеса и науки к рассмотрению заявок;

3) *внедрение системы оценки эффективности*: создание единой методики для регулятора (сокращение сроков вывода продукта, количество успешных экспериментов) и для участников (привлеченные инвестиции, созданные рабочие места);

4) *стимулирование ранних инноваций*: разработка специальных треков или упрощенных условий для проектов;

5) *развитие международного сотрудничества*: установление партнерских отношений с регуляторными песочницами дружественных стран для обмена опытом, взаимного обучения.

Ожидаемый совокупный эффект от реализации этих мер носит комплексный характер:

— *институциональный*: повысится доверие бизнеса к регулятору, роль последнего эволюционирует от контролера к партнеру по развитию;

— *экономический*: ускорятся темпы коммерциализации технологий, вырастет инвестиционная привлекательность высокотехнологичных секторов, будет создано больше рабочих мест;

— *социальный*: граждане получают более быстрый и безопасный доступ к перспективным инновациям в медицине, транспорте, финансовых услугах, что повысит качество жизни.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что регулятивная песочница является необходимым и перспективным институтом для современной России, стремящейся к технологическому суверенитету и устойчивому развитию в цифровую эпоху.

Научный руководитель: **В. В. Рокотянская**,
кандидат экономических наук, доцент

Е. А. Сулейманова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург

Оценка регулирующего воздействия в сфере жилищно-коммунального хозяйства: проблемы и перспективы

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия; жилищно-коммунальное хозяйство; стратегическое управление; методика оценки регулирующего воздействия.

Оценка регулирующего воздействия (ОРВ) позволяет прогнозировать последствия государственных решений и минимизировать издержки бизнеса и общества. В сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), которая отличается высокой социальной значимостью за счет прямого влияния на благосостояние граждан, качество ОРВ приобретает особую актуальность. Однако действующая унифицированная методика не в полной мере учитывает отраслевую специфику.

Целью работы является выявление проблем применения ОРВ в сфере ЖКХ и предложение путей совершенствования процедуры с учетом отраслевых особенностей.

Задачи исследования включают:

- изучение теоретических основ и эволюции ОРВ;
- анализ действующей методики ОРВ и выявление ее недостатков;
- разбор практического кейса в сфере ЖКХ¹;

---

¹ Об утверждении перечня сведений, обязательных для отражения в отчете о деятельности по управлению многоквартирным домом, и формы такого отчета: приказ Минстроя России от 20 ноября 2025 г. № 728/пр.

- выявление особенностей применения ОРВ в ЖКХ;
- апробация метода мультикритериального анализа;
- формулировку рекомендаций по адаптации процедуры ОРВ.

По результатам анализа теоретических основ процедуры ОРВ и действующей методики, которая утверждена приказом Министерства экономического развития РФ от 28 сентября 2023 г. № 676 «Об утверждении методики оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, состава и содержания сведений сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия для проектов нормативных правовых актов со средней и низкой степенью регулирующего воздействия», сделан вывод об ограниченности унифицированной методики. Методика требует от государственных служащих глубоких экономических знаний (квантификация проблем, расчет издержек), что превышает их стандартные компетенции. Это приводит либо к формальному заполнению отчетов, либо к необходимости нанимать внешних подрядчиков, увеличивая затраты и снижая ценность внутренней экспертизы.

Классификация проектов актов по степеням регулирующего воздействия, базирующаяся на количественных порогах затрат, обладает недостаточной эластичностью. Данные критерии не учитывают отраслевую специфику и кумулятивный эффект регулирования.

Для подтверждения недостатков действующей методики автором был проведен разбор кейса и рассмотрена процедура ОРВ на примере проекта приказа Минстроя России от 20 ноября 2025 г. № 728/пр «Об утверждении перечня сведений, обязательных для отражения в отчете о деятельности по управлению многоквартирным домом, и формы такого отчета». Сводный отчет содержит ряд недостатков: рассмотрение единственного варианта решения проблемы и отсутствие анализа зарубежных практик. Также по итогам анализа был сделан вывод о том, что разработчик фактически проигнорировал содержательную часть обращений, сославшись либо на формальное отсутствие «конкретики», либо на то, что требования по усилению контроля и детализации лежат за пределами компетенции данного приказа. Это демонстрирует типичную проблему публичных консультаций в России: формальное соблюдение процедуры при фактическом отсутствии диалога. Отчет показывает классический конфликт: с одной стороны — социальная справедливость и право граждан на информацию (нематериальная ценность), с другой — экономические затраты бизнеса (материальные издержки).

Автором был применен метод мультикритериального анализа в отношении данного проекта приказа для наглядной демонстрации его преимуществ в сфере ЖКХ. По результатам применения метода преоб-

ладающей альтернативой, обеспечивающей баланс интересов всех участников и максимально соответствующей заданным критериям, является автоматическое формирование отчета в государственной информационной системе (ГИС) ЖКХ. Альтернатива с применением ГИС ЖКХ набрала 4,65 балла, опередив вариант единой отчетности разработчика с 4,00 баллами.

В рамках исследования были выделены ключевые особенности ОРВ в сфере ЖКХ:

- необходимость анализа вторичных эффектов для населения;
- доминирование качественных, трудно монетизируемых эффектов;
- высокая степень информационной асимметрии;
- наличие цифровой платформы (ГИС ЖКХ) и риск дублирования;
- неэффективность критериев категоризации проектов актов по степени воздействия;
- разнородность стейкхолдеров и формализм публичных обсуждений.

Результаты исследования подтверждают необходимость адаптации процедуры ОРВ к специфике ЖКХ. Ключевые рекомендации автора включают внедрение обязательного мультикритериального анализа, приоритет «цифровой альтернативы» (ГИС ЖКХ) и введение в сводный отчет раздела «Оценка влияния на благосостояние населения».

Научный руководитель: **М. В. Иванова**,
кандидат экономических наук, доцент

Д. Н. Черепанов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы реализации государственной демографической политики на региональном уровне и пути их решения

Ключевые слова: демографическая политика; национальные проекты «Демография» и «Семья»; демографическая ситуация в Российской Федерации и Свердловской области.

В современных условиях устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации напрямую зависит от состояния демографической сферы. В этом контексте особую роль играют националь-

ные проекты — инструменты стратегического управления, позволяющие концентрировать ресурсы на приоритетных направлениях государственной политики. Особую актуальность исследование приобретает на региональном уровне, поскольку именно в субъектах РФ происходит практическая реализация федеральных установок.

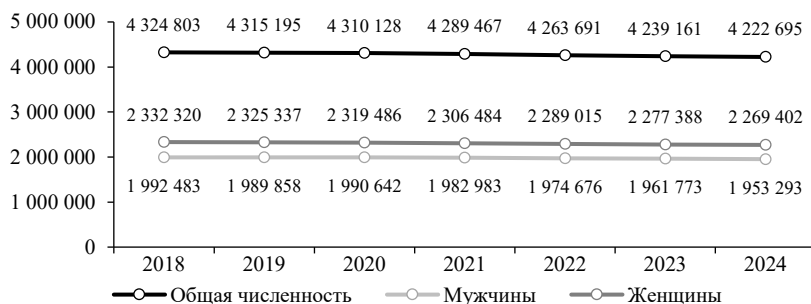
Для реализации Концепции демографической политики и обеспечения достижения национальных целей развития РФ в 2018 г. был инициирован и принят проект «Демография», который действовал с 2019 по 2024 г.

После окончания в 2024 г. действия национального проекта «Демография» в качестве его логического продолжения был инициирован национальный проект «Семья», который должен быть реализован в течение 2025–2030 гг.

Целью нового национального проекта является увеличение числа семей с детьми, в том числе многодетных, укрепление семейных ценностей. Национальный проект будет включать в себя пять федеральных проектов.

Современная оценка демографической ситуации отражает снижение населения Российской Федерации с 2021 г.

На основе проведенного анализа демографической ситуации в Свердловской области, можно сделать вывод, что в регионе также наблюдается устойчивая депопуляция, обусловленная долгосрочной естественной убылью населения (следствие низкой рождаемости, не обеспечивающей простое воспроизводство, и высокой смертности от хронических неинфекционных заболеваний), которая лишь частично и нестабильно компенсируется миграционным притоком (см. рисунок).

Численность населения Свердловской области 2019–2024 гг., чел.¹

¹ Свердловская область в 2020–2024 гг.: стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — Екатеринбург, 2024. — 198 с.

Особую тревогу вызывает доминирование сердечно-сосудистых заболеваний (52,2 %) и рост онкологической заболеваемости (до 17,4 %) в структуре смертности. Ключевыми структурными рисками являются прогрессирующее старение населения, создающее высокую демографическую нагрузку на трудоспособное поколение, а также устойчивое превышение смертности над рождаемостью, что в совокупности формирует серьезные угрозы для социально-экономической устойчивости региона в долгосрочной перспективе.

Предложениями по совершенствованию государственной демографической политики на уровне Свердловской области на основе выявленной проблематики являются:

- 1) формирование единой системы мониторинга и оценки эффективности выполнения национальных проектов;
- 2) смещение фокусировки с финансовых трансфертов на комплексную поддержку семьи и формирование просемейных ценностей;
- 3) организация бесплатной качественной психологической помощи для будущих и молодых родителей;
- 4) усиление межведомственного взаимодействия и координации при исполнении национального проекта «Семья»;
- 5) пересмотр структуры финансовой поддержки, смещение акцента с узконаправленной помощи на третьего ребенка на систему прогрессивной поддержки на нескольких этапах создания семьи;
- 6) интеграция политики снижения смертности в ядро демографической стратегии;
- 7) повышение доступности жилья для молодых и многодетных семей;
- 8) реализация активной миграционной политики.

Таким образом, предложенные рекомендации по совершенствованию демографической политики Свердловской области направлены на комплексное решение существующих проблем. Реализация данных мер в единой системе позволит перейти от фрагментарных действий к целостной политике, способной остановить депопуляцию и создать условия для устойчивого демографического развития региона в долгосрочной перспективе.

Научный руководитель: **А. В. Титова**,
кандидат экономических наук

А. Ю. Чермянинова

Уральский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург

Региональные модели оценки регулирующего воздействия: лучшие практики и возможности тиражирования

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия; региональное управление; регуляторная политика; государственное регулирование; административный барьер.

Система комплексного анализа регулирующего воздействия выступает основополагающим элементом в структуре государственного управления. Ее предназначение заключается в обеспечении качественного совершенствования нормативной базы и снижении рисков избыточного регулирования. Исследование посвящено анализу региональных моделей оценки регулирующего воздействия и выявлению перспективных элементов для масштабирования на другие субъекты Российской Федерации. Методология исследования включает сравнительный и статистический анализ, анализ успешных практик и нормативно-правовой базы.

В ходе исследования проанализированы модели оценки регулирующего воздействия пяти регионов России. Санкт-Петербург характеризуется развитой системой общественного обсуждения и высоким уровнем вовлеченности некоммерческих организаций и граждан. Республика Татарстан отличается цифровизацией процессов и обязательной оценки регулирующего воздействия для значимых актов. Тюменская область внедрила систему «нулевого чтения» и интегрировала оценку регулирующего воздействия с другими инструментами регуляторной политики. Новосибирская область создала единую цифровую платформу с отраслевой экспертизой. Свердловская область демонстрирует высокий уровень монетарной оценки и постепенное внедрение системы «нулевого чтения» для значимых актов.

Устойчивые результаты появляются там, где регионы действуют системно. Процедуры стандартизируют и делают прозрачными, создают институциональные условия для реального диалога с бизнесом, автоматизируют ключевые процессы, выстраивают единую методическую базу и постоянно отслеживают, как принятые решения работают на практике. Из всего массива решений выделить можно несколько. «Нулевое чтение» как инструмент предварительного анализа, интегрированные цифровые платформы, публикация подробных и обоснованных аналитических материалов, обязательная оценка для значимых ак-

тов и постепенное внедрение технологий искусственного интеллекта — все это обладает высоким потенциалом для тиражирования.

В результате сокращаются сроки согласования документов, падают операционные затраты на аналитику, регион становится привлекательнее для инвесторов, малый и средний бизнес получает больше пространства для роста, а предприниматели не несут необоснованных экономических издержек. Просто скопировать модель не получится. Практики придется подгонять под местную специфику, обучать специалистов, цифровые инструменты запускать поэтапно, постоянно контролировать эффективность и держать всех участников в курсе происходящего.

Эмпирические данные подтверждают: когда оценка регулирующего воздействия становится устоявшимся институтом, качество государственного управления растет. Административные процедуры упрощаются, условия для предпринимательства и институтов гражданского общества заметно улучшаются. С другой стороны, регионы сталкиваются с дефицитом квалифицированных специалистов, низкой вовлеченностью предпринимателей и граждан, техническими сложностями при стыковке цифровых платформ и открытым сопротивлением отраслевых регуляторов.

Перспективы развития очевидны: углублять цифровизацию, усиливать экономический анализ и расширять круг участников нормотворчества. Ожидается внедрение перспективных технологий, включая искусственный интеллект, что позволит автоматизировать рутинные процедуры, повысить точность прогнозов и обеспечить прозрачность публичных консультаций.

Научный руководитель: **А. В. Андреев**,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВАЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ЭВОЛЮЦИЯ И ИННОВАЦИИ

**Международный конкурс
научно-исследовательских проектов**

М. С. Акулова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Особенности превентивной политики в сфере предупреждения доведения несовершеннолетних до самоубийства в школе

Ключевые слова: доведение до самоубийства; преступление против несовершеннолетнего.

Проблема психологического и физического насилия в образовательной среде приобретает все большую актуальность. Особенно остро стоит вопрос об ответственности педагогов за возможное доведение несовершеннолетних до суицидальных мыслей и поступков. В рамках уголовного права подобные ситуации требуют тщательного анализа с точки зрения квалификации действий педагогов и их возможной ответственности за преступления, связанные с доведением до самоубийства.

Доведение до самоубийства — это преступление, предусмотренное ст. 110 Уголовного кодекса РФ (или соответствующими нормативными актами других стран). Согласно закону, лицо, которое сознательно и систематически оказывает психологическое или иное давление на другое лицо с целью склонить его к совершению самоубийства, может быть привлечено к уголовной ответственности.

Для квалификации действий педагога как доведения до самоубийства важно наличие следующих признаков:

— сознательное воздействие на несовершеннолетнего;

— систематическая или значительно выраженная психологическая травля;

— причинение моральных страданий, вызывающих у подростка желание покончить с жизнью;

— наличие причинно-следственной связи между действиями педагога и желанием ребенка совершить суицид.

Проводя интервьюирование лиц, которые подвергались травле со стороны школьных педагогов будучи несовершеннолетними, нам удалось выяснить, что каждый из опрошенных подтвердил наличие суицидальных мыслей, связанных с некорректным поведением школьных учителей в их сторону. Незтичные и грубые высказывания в сторону опрошенных, повышение голоса, моральное давление — все это приводило к трагедии. Иван (23 года) поделился, что, если бы школьные педагоги обратили внимание на его психоэмоциональное состояние, попытки самоубийства можно было бы избежать. Анастасия (19 лет) рассказала, что в ее жизни был случай, когда педагог настроил весь школьный класс против нее, и ей пришлось справляться с буллингом не только от данного педагога, но и от одноклассников. Екатерина (26 лет) поделилась историей о том, как педагог, прекрасно видя тревожные знаки ее поведения (уже начавшаяся паническая атака), и, зная о том, что у ребенка имеются психологические особенности (излишняя эмоциональность, аутоагрессия), все равно продолжил оказывать психологическое давление, критикуя внешний вид ребенка, при этом набирая номер одного из родителей с целью пожаловаться на ее неподобающее поведение, что в тот самый момент могло привести к трагедии. В данных историях, к счастью, нет печального конца в виде наступления смерти, но последствия, которые могли наступить, являются большой трагедией и настоящим преступлением. Опрошенные нами лица уточнили, что после выпуска из школы их психоэмоциональное состояние значительно улучшилось, но надолго оставило след в их памяти и определенно оставило отпечаток на общем состоянии психики.

Для предотвращения подобных трагедий необходимо:

— усиление контроля за поведением педагогов посредством постоянного видеонаблюдения за проведением уроков и их взаимодействием с учениками;

— проведение воспитательных программ по этике и психологии для учителей;

— создание системы психологической поддержки для учеников и педагогов;

— при выявлении фактов психологического давления — привлечение к ответственности в рамках уголовного и административного законодательства;

— проведение постоянных проверок качества оказания образовательных услуг;

— еженедельное анкетирование учеников с целью определения их психоэмоционального состояния.

Ответственность педагогов за доведение несовершеннолетних до самоубийства является важной составляющей системы защиты прав и жизни подростков. В условиях современной образовательной среды крайне важно, чтобы педагогический коллектив придерживался этических стандартов, уважительно относился к ученикам и избегал любых форм психологического давления, которые могут нанести вред психическому здоровью подростков.

Школьные педагоги несут особую ответственность за психоэмоциональное состояние учеников. Неадекватное поведение, травля, унижение, угрозы и другие формы психологического давления могут стать причиной серьезных психологических травм у несовершеннолетних. В случае, если такие действия педагога повлекли за собой попытки самоубийства или завершившийся суицид, возникает вопрос о наличии состава преступления — доведения до самоубийства. Важно учитывать, что ответственность наступает не за сам факт нарушения педагогом этических норм, а за причинение вреда, которое привело к многочисленным психическим травмам.

В рамках уголовного права действия педагогов, направленные на систематическое психологическое воздействие, способные привести к суицидальным мыслям или попыткам, могут квалифицироваться как доведение до самоубийства. Однако для этого необходимо наличие четких доказательств умысла, систематической травли и причинно-следственной связи между действиями педагога и трагическими последствиями. Важно подчеркнуть, что ответственность наступает только при наличии прямых или косвенных признаков преступного умысла, а не за случайные или неумышленные действия.

В целях профилактики подобных ситуаций необходимо внедрение систем мониторинга и контроля за педагогической деятельностью, развитие программ по психолого-педагогической подготовке педагогов, а также создание условий для психологической поддержки учеников. Общество и государство должны активно участвовать в формировании безопасной и доброжелательной атмосферы в школах, а также своевременно реагировать на факты психологического насилия.

Научный руководитель: **И. В. Сошникова**,
кандидат социологических наук, доцент

Преступления, связанные с бытовым насилием: предпосылки и меры

Ключевые слова: бытовое насилие; меры; преступление; агрессивное поведение; рецидив; домашнее насилие.

Бытовое насилие длительное время характеризовалось высокой степенью скрытого характера, оставаясь локализованным в сфере частных семейных отношений. В Российской Федерации легальное определение «домашнее насилие» в уголовном законе отсутствует, а применение смежных составов (ст. 115, 116.1, 117, 119 УК РФ) носит фрагментарный характер. Актуальность обусловлена ростом рецидивной агрессии в семье, низкой обращаемостью потерпевших и правовым вакуумом после частичной декриминализации побоев Федеральным законом от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Отсутствие системного уголовно-правового реагирования способствует перерастанию бытового насилия в тяжкие и особо тяжкие преступления. Точное определение бытовому насилию отсутствует. В действующем Уголовном кодексе РФ отсутствует самостоятельный состав преступления «домашнее насилие» или «бытовое насилие», обычно его трактуют как «использование физической силы, психологического, экономического давления, сексуального принуждения по отношению к членам семьи для подавления их воли и приобретения над ними власти» [1].

Квалификация общественно опасных деяний, совершаемых между близкими лицами (супругами, сожителями, родителями, детьми), осуществляется по общим нормам о преступлениях против личности. К числу наиболее применимых составов относятся умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), побои лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1 УК РФ), истязание (ст. 117 УК РФ), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), а также умышленное причинение средней тяжести (ст. 112 УК РФ) и тяжкого (ст. 111 УК РФ) вреда здоровью. Отсутствие отдельного состава «домашнее насилие» порождает проблему размытости квалификации. применение общеуголовных норм к бытовым конфликтам не учитывает специфику семейных отношений: систематичность, психологическую зависимость потерпевшего и особую криминогенную обстановку. В результате схожие деяния могут квали-

фицироваться по разным статьям либо вовсе переквалифицироваться в административные правонарушения (например, по ст. 6.1.1 КоАП РФ после частичной декриминализации побоев в 2017 г.), такая фрагментарность затрудняет формирование единообразной судебной практики и снижает эффективность уголовно-правовой защиты жертв семейно-бытового насилия.

Криминогенные предпосылки бытового насилия носят комплексный характер. К социально-экономическим факторам относятся безработица, злоупотребление алкоголем (фигурирует в 70–80% случаев домашней агрессии) и скученность жилья, создающая постоянную стрессовую среду. Психологические детерминанты включают созависимость жертвы и агрессора, повышенную виктимность потерпевших (особенно женщин и детей), а также укоренившуюся в общественном сознании терпимость к насилию как к допустимому способу разрешения семейных конфликтов. Правовой блок предпосылок выражается в частичной декриминализации побоев в семье (Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации», ст. 6.1.1 КоАП РФ), что привело к обесцениванию первых эпизодов насилия, а также в отсутствии механизма защитных ордеров и крайне низкой заявляемости потерпевших (по оценкам экспертов, в правоохранительные органы обращается не более 10–15 % жертв). С криминологической точки зрения бытовое насилие отличается высокой степенью скрытности (до 80–90 % деяний остаются незарегистрированными) и рецидивностью — повторная агрессия в семье наблюдается в 70 % случаев, что свидетельствует о неэффективности существующих мер реагирования [3].

В качестве мер противодействия предлагается три группы. Уголовно-правовые меры включают: введение в УК РФ самостоятельной статьи «Бытовое насилие» (с квалифицирующими признаками — систематичность, совершение в присутствии несовершеннолетних, применение оружия); возврат к уголовной ответственности за первые побои в семье; ужесточение санкций за нарушение охранного предписания (по аналогии со ст. 314.1 УК РФ). Процессуальные меры направлены на сокращение сроков доследственной проверки (до 24–48 ч по делам о домашнем насилии), введение обязательной комплексной психолого-психиатрической экспертизы лица, совершившего агрессивные действия, а также специализацию дознавателей и следователей по делам о семейно-бытовых преступлениях [2]. Профилактические меры включают программы ресоциализации абьюзеров (когнитивно-поведенческие группы коррекции агрессивного поведения), расширение сети кризисных центров и телефонов доверия, а также систематическое правовое

просвещение граждан в школах, МФЦ и медицинских организациях о механизмах защиты от домашнего насилия.

Таким образом Бытовое насилие в РФ отличается высоким уровнем скрытого характера (до 80–90 %) и рецидивностью (до 70 %), что обусловлено комплексом социально-экономических, психологических и правовых предпосылок. Отсутствие в УК РФ самостоятельного состава «домашнее насилие» и частичная декриминализация побоев (Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации») порождают размытость квалификации и снижение эффективности защиты жертв. Необходимыми мерами являются введение специальной статьи в УК РФ, возврат к уголовной ответственности за первые побои, совершенствование процессуальных механизмов и развитие профилактических программ. Комплексное применение этих инструментов позволит преодолеть правовой вакуум.

Библиографический список

1. *Батюкова В. Е.* Некоторые уголовно-правовые и криминологические аспекты семейно-бытового насилия // *Право и управление*. — 2024. — № 3. — С. 158–162.
2. *Рытова Ю. В.* Противодействие домашнему насилию уголовно-правовыми средствами // *E-Scio*. — 2022. — № 9 (72). — С. 83–86.
3. *Слободянюк М. В.* Домашнее насилие: криминологическая характеристика // *Вопросы российской юстиции*. — 2019. — № 3. — С. 835–841.

Научный руководитель: **И. В. Сошникова**,
кандидат социологических наук, доцент

П. И. Демина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Профессиональный стресс у сотрудников правоохранительных органов

Ключевые слова: профессионализм; стресс; нагрузка, психическое состояние.

Профессиональный стресс — это психическое и физическое напряжение, возникающее в процессе трудовой деятельности, особенно выраженное у сотрудников правоохранительных органов из-за высокой напряженности, опасности и ответственности их службы.

Причины стресса у сотрудников правоохранительных органов:

- 1) физическая опасность и риск для жизни;

2) сложность расследований и высокая интеллектуальная нагрузка.

3) взаимодействие с криминальными элементами и маргинальными личностями;

4) риск ошибок из-за неверного толкования ситуаций/законов, страх потери должности;

5) длительное рабочее время и нестабильный график, нарушающие режим сна и отдыха.

Статистика и трудности. Исследования показывают высокий процент сотрудников, чья работа негативно влияет на психическое состояние (78 % в 2025 г.). Основные проблемы: высокая эмоциональная нагрузка (92 %), нарушение сна (87 %), внутреннее напряжение (85 %), ограничения и контроль личной жизни (79 %).

Специфика стресса по подразделениям, в зависимости от которых его уровень и характер различаются:

1) патрульно-постовая служба: непредсказуемость, физические риски (8.7/10);

2) следственный отдел: интеллектуальная нагрузка, сжатые сроки (8.2/10);

3) уголовный розыск: нестабильный график, эмоциональное напряжение (9.1/10);

4) участковые: большой объем обязанностей, работа с населением (7.9/10).

Длительное воздействие стресса ведет к личностной деформации, агрессивности, цинизму, безразличию, эмоциональным нарушениям (тревога, депрессия, раздражительность).

Методы профилактики и контроля:

1) релаксационные упражнения: дыхательные техники, медитация, аутотренинг;

2) социальная поддержка: благоприятная обстановка в коллективе, доверительные отношения с руководством;

3) контроль нагрузок: нормированный график, четкое планирование;

4) улучшение рабочей среды: комфортные условия, зоны отдыха, спортивные залы.

Таким образом, комплексный подход к борьбе со стрессом повышает не только личное благополучие сотрудников, но и эффективность их работы, что напрямую влияет на безопасность и благополучие общества.

Научный руководитель: **И. В. Сошникова**,
кандидат социологических наук, доцент

А. Е. Кудояров

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Использование искусственного интеллекта для оптимизации документооборота в МВД России

Ключевые слова: искусственный интеллект; правоохранительные органы; полиция; нейронная сеть; документооборот; база данных; МВД России.

Одним из новшеств современного мира является массовое использование искусственного интеллекта (ИИ). Появилось большое количество сервисов — от редактирования фотографий, до индивидуальных помощников. Даже в юридической сфере есть свои представители ИИ, например системы автоматизации юридической деятельности, основанные на ИИ, такие как LegalTech или «Яндекс Нейроюрист».

В 2018 г. в рамках Петербургского международного юридического форума состоялось юридическое сражение между естественным и искусственным интеллектом¹. Тогда сражались Р. Бевзенко и робот компании «Мегафон» LegalApe 2.8. Выиграл, конечно же, человек. Но с тех пор нейросети сильно продвинулись в своем развитии. Р. Бевзенко в личном блоге в мессенджерах отмечает, что сейчас ИИ продвинулся до уровня, при котором он может помогать юристам. По данным совместного исследования «Авито» и «Право.ru» (декабрь 2025 г.), 9 из 10 опрошенных юристов уже используют ИИ в работе².

Все это может говорить о том, что современный искусственный интеллект активно применяется юристами для решения самых разных задач. Его использование крайне уменьшает время, которое специалисты тратят на бумажную работу. Но все приведенные исследования, опросы и даже соревнование человека с роботом не затрагивают сферу правоохранительных органов. Проблема количества бумажной работы хорошо видна при рассмотрении деятельности Российской полиции.

Согласно приказам МВД России, для приема заявления о происшествии от гражданина сотрудник полиции заполняет книгу учета сообщений о происшествиях (КУСП), пишет несколько рапортов на имя начальника отдела и подразделения, заносит в электронные базы мно-

---

¹ Гусев С. Юрист и робот сразились на правовом поле // Адвокатская газета. — 2018. — 18 мая. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/yurist-i-robot-srazilis-na-pravovom-pole/> (дата обращения: 08.04.2026).

² Мазуков М. ИИ для юристов: итоги 2025 г. и тренды, которые определяют 2026-й // — Закон. — 2025. — 29 дек. — URL: https://zakon.ru/blog/2025/12/29/ii_dlya_yuristov_itoqi_2025_goda_i_trendy_kotorye_opredelyat_2026-j (дата обращения: 08.04.2026).

жество документов, выписывает талоны гражданам, идет с докладом утром. И это самый минимум в работе сотрудника.

Для примера оперативный дежурный дежурной части заполняет:

— рабочую тетрадь для записей оперативного дежурного, в которой дежурный подробно расписывает, что было сделано в течение смены;

— книгу приема и сдачи дежурств, в которой расписывается примерно то же самое (туда же вкладывается рапорт оперативного дежурного);

— книгу выдачи вооружений и боеприпасов и книгу приема вооружений и боеприпасов.

И это лишь малая часть документов. Также примером служит деятельность эксперта-криминалиста МВД России. В работе этого сотрудника много времени уходит на заполнения однотипного начала в заключениях и исследованиях. Переписывание в несколько журналов того, где был эксперт в течение дня, заполнение однотипной отчетности для ЭКЦ (если эксперт работает в территориальном органе). Также в работе есть такой момент, как переписывание информации о задержанных из базы данных дежурной части в собственную базу данных. На этот процесс может уйти весь рабочий день.

Проблема большого количества неделируемой работы с документами широко описана как самими сотрудниками, так и в СМИ. В 2024 г. издание «Телеканал 78» писало про работу участковых, что до появления большой нагрузки со стороны заполнения документов участковые работали намного эффективнее, зная свой район, не отвлекаясь на «бумажки»¹. Даже руководство МВД России честно признается, что на заполнение протоколов и отчетностей тратится большое количество времени, минимум несколько часов в день. В 2026 г. министр внутренних дел В. Колокольцев в своем обращении поручил снизить документооборот в полиции².

Искусственный интеллект стал бы спасением для сотрудников. Имея опыт использования специализированных юридических ИИ, можно было бы создать нейросеть специально для правоохранителей. Этот помощник мог бы, например, выполнять такие задачи, как:

— оценка в реальном времени оперативной обстановки в городе или районе, выдача соответствующих рекомендаций;

---

¹ *Бумажный завал и адская нагрузка за копейки: участковые раскрыли правду о своей работе* // 78.ru. — 2024. — 17 нояб. — URL: https://dzen.ru/a/ZznRpTzJlkJ6EI_P (дата обращения: 08.04.2026).

² *Полицию в России хотят избавить от части бумажной работы* // 47 news. — 2026. — 16 марта. — URL: <https://m.47news.ru/articles/284158/> (дата обращения: 08.04.2026).

— отправление запросов в рамках расследования преступлений или административных правонарушений (на видеорекамеры, на проверку ранее судимых лиц и т. п.), систематизация ответов на них и предоставление сотруднику;

— автоматическое заполнение базы данных различных подразделений (т. е. при внесении в ИИ информации он ее обрабатывает и вносит в различные базы без участия человека) и автоматическое заполнение рапортов и отчетности в конце рабочего дня;

— оценка, обработка и вписывание в материалы дела вещественных доказательств;

— просмотр, анализ и сравнение видеозаписей и фотографий с места совершения преступления, где видно подозреваемого с базой данных освободившихся из мест лишения свободы.

Таким образом, создание специального искусственного интеллекта для помощи с документооборотом и оптимизацией работы сотрудников помогло бы освободить время для помощи людям, сконцентрировать внимание сотрудников на своих профессиональных обязанностях, а не на заполнении отчетности.

Научный руководитель: **И. В. Сошникова**,
кандидат социологических наук, доцент

А. А. Кучина

Уральский государственный педагогический университет;
Уральский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург

Экономические преступления в сфере здравоохранения в странах ЕАЭС

Ключевые слова: экономическая преступность; Евразийский экономический союз; здравоохранение; государство.

В российском уголовном законодательстве преступление квалифицируется по предмету посягательства. Данное положение закреплено в Уголовном кодексе Российской Федерации и является неотъемлемой частью, так как:

- 1) всесторонне раскрывает аспекты общественно опасного деяния;
- 2) устанавливает санкции за совершение преступления;
- 3) содержит описание признаков общественной опасности.

Анализируя отечественное законодательство и законодательство стран ЕАЭС, регулирующее ответственность за экономические преступления в сфере здравоохранения, можно сделать вывод, что данные нормы на сегодняшний день не позволяют в полной мере охватить всю глубину общественной опасности как отдельно, так и по совокупности. Также стоит отметить, что в определенной мере существующие нормы ограничивают объективный анализ преступности и затрудняют разработку эффективных мероприятий, направленных на профилактику и пресечение преступной деятельности.

С. И. Улезько в своих трудах утверждает, что любое преступление, совершенное по вине медицинского работника, характеризуется тем, что оно непреднамеренно приводит к нарушению нормальной работы органов и систем организма, ограничению повседневной активности, наступлению инвалидности или летальному исходу [3]. Вышеуказанный автор считает, что для всех анализируемых правонарушений требуется наличие умысла или неосторожности, причем в литературе существует точка зрения, согласно которой преступная неосторожность охватывает не только легкомыслие и небрежность, но и преступное невежество [2]. С данной позицией мы не согласны, так как ни в одном нормативном документе не закреплены понятия «непрофессиональная несостоятельность», «невежество», и такие определения не являются смягчающими обстоятельствами.

Основная проблематика уголовного регулирования сферы здравоохранения прослеживается в следующих направлениях:

- определение уголовно-правового статуса медицинского работника, так как под данное определение попадает большой круг — врачи, санитары, фармацевты и иной медицинский персонал;
- отсутствует четкое определение понятий «медицинский работник», «фармацевтический работник»;
- спорные и неоднозначные служебные расследования и увеличение отказов в возбуждении уголовных дел в сфере здравоохранения;
- врачебные преступления характеризуются высоким уровнем прецедентности и сложности при расследовании.

На сегодняшний день при изучении законодательства регулирующих уголовное преследование в сфере здравоохранения, в странах ЕАЭС по данной проблематике нет определенного круга рассматриваемых деяний и их квалификаций [1]. На основании этого мы считаем, что необходимо обозначить следующее:

- определить состав преступления и выявить объект как научное исследование и как правовое регулирование;
- установить общие и специфические характеристики действий, которые совершаются в области здравоохранения;

— выделить перечень виновно совершенных общественно опасных деяний и рассмотреть их правовую оценку.

Такие действия способствуют улучшению дифференцированного подхода к определению параметров уголовной ответственности за их совершение.

Мы считаем, что на данном этапе необходимо проработать реализацию следующих совместных мероприятий:

— разработку общих подходов в вопросах, регулирующих правовые аспекты взаимодействия при расследовании преступлений в сфере здравоохранения;

— выработку требований к интерфейсам электронного взаимодействия информационных систем для обмена данными и оказании содействия при расследовании уголовных дел, в том числе в сфере здравоохранения;

— изучение судебных precedентов и находящихся на стадии расследования уголовных дел за преступления в сфере здравоохранения для разработки единых и системных действий при привлечении лиц к уголовной ответственности;

— формирование единой правоприменительной практики при расследовании уголовных дел в сфере здравоохранения и обмена информацией в электронной форме.

В заключение на современном этапе крайне важно разработать единый подход к унификации национального законодательства стран ЕАЭС, включая нормы уголовного права. Совместные усилия по борьбе с экономической преступностью в сфере здравоохранения и совершенствованию законодательства в этой области позволят эффективно регулировать отрасль и снизить уровень криминализации экономик стран-участниц и усилить гармонизацию законодательств, входящих в ЕАЭС.

Библиографический список

1. Бимбинов А. А. Анализ практики привлечения медицинских работников к уголовной ответственности: некоторые выводы // Уголовное право. — 2019. — № 6. — С. 4–10.
2. Сошникова И. В., Руколеев В. А. Уголовная ответственность за создание угрозы массового заболевания или отравления людей: теоретические и практические вопросы состоятельности вводимых на фоне новой коронавирусной инфекции (2019-NCOV) изменения в статью 236 Уголовного кодекса РФ // Философия права. — 2020. — № 3 (94). — С. 110–116.
3. Улезько С. И. Понятие ятрогенных преступлений // Общество и право. — 2018. — № 2 (64). — С. 49–51.

Научный руководитель: **С. А. Воропаев**,
кандидат юридических наук, доцент

Л. Лю

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

Коррупция как объект теоретико-правового исследования

Ключевые слова: коррупция; преступление; государство; антикоррупционная политика.

Век за веком, год за годом проблема коррупции не теряет своей актуальности и на сегодняшний день как для России, так и для стран мирового сообщества. Проследивая эффективность борьбы в России с таким негативным явлением, как коррупция, можно заметить, что эта борьба на протяжении всей истории имеет циклический характер.

Вместе с этим необходимо отметить некую «особенную приспособленность» коррупции «в выживании» вне зависимости от развития общественных отношений, выстраивания правового, идеологического или социально-экономического инструментария. Для того чтобы правильно уяснить тот или иной юридический институт, необходимо подробно изучить тенденции его развития, каким изменениям он был подвергнут.

С учетом наработанного опыта исследований с середины XX века оформилась научная позиция о том, что категория «коррупция» разнонаправленная, многоплановая, а ее феномен не позволяет свести ее к какому-то одному знаменателю.

Широкий смысл помогает увидеть проблематику коррупции достаточно объемно, не ограничиваться только уголовными проявлениями этого явления, а также признать, что исследуемый термин многогранен, социален. Такое понимание позволяет выстроить достаточно стройную систему противодействия во всех сферах общественной жизни нашего государства.

Не раскрывая особенности формирования содержания категории «коррупция» в международно-правовом формате, отметим, что на международном уровне понимание данного термина достаточно широкое — любое поведение лиц, которым поручено выполнение определенных обязанностей в государственном или частном секторе и которое ведет к нарушению обязанностей, возложенных на них по статусу государственного должностного лица, частного сотрудника, независимого агента или иного вида отношений и имеет целью получение любых незаконных выгод для себя и других.

Понятно, что международно-правовая позиция вырабатывает лишь общее видение и вполне справедливо подчеркивает определяю-

щую роль в борьбе с таким явлением именно национальному законодательству при определении содержания и направления противодействия коррупции.

С учетом этого международно-правовые положения могут не только являться элементом регулирования на территории нашего государства, но и быть учтены при формировании отечественной нормативно-правовой базы для регулирования конкретных групп общественных отношений. Сказанное полностью охватывает и проблематику регламентирования противодействия коррупции в Российской Федерации.

Международное законодательство, согласно Конституции РФ, является частью правовой системы страны. С учетом этого международно-правовые положения могут не только являться элементом регулирования на территории нашего государства, но и быть учтены при формировании отечественной нормативно-правовой базы для регулирования конкретных групп общественных отношений. Сказанное полностью охватывает и проблематику регламентирования противодействия коррупции в РФ.

На рубеже с 1999 по 2008 г., была проделана большая работа по борьбе с коррупцией, в том числе формирование новых структур по мониторингу и управлению ситуацией с коррупционными проявлениями в нашем государстве. Так, создается Национальный антикоррупционный комитет, Совет при Президенте РФ по борьбе с коррупцией (впоследствии упразднен). А в середине 2000-х годов происходит ратификация Конвенции ООН против коррупции.

Весь спектр правовых, организационных, методических и политических мероприятий противодействия коррупции заложили фундамент принятия федерального закона о коррупции. В результате Государственной Думой РФ 25 декабря 2008 г. принят Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (Закон № 273-ФЗ).

Закон № 273-ФЗ содержит многогранный правовой инструментарий, раскрывающий его содержание. К таковым отнесем: дефиницию категории «коррупция», иерархию принципов антикоррупционной политики, их взаимообусловленность, системность правовых и организационных начал противодействия данному негативному социальному явлению. Впервые на законодательном уровне дано определение конфликта интересов, указаны его границы, обязанности по его предотвращению. Также в Законе № 273-ФЗ, очерчены уровни последствий коррупции, установлены иные запреты, обязанности в отношении государственных служащих.

Научный руководитель: **Е. В. Богатова**,
кандидат юридических наук

Р. В. Любимский

Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Симферополь

**Государственная политика
по обеспечению социально-экономических прав
участников специальной военной операции:
правовые основы и специфика реализации
на территории Республики Крым**

Ключевые слова: специальная военная операция; участник СВО; социально-экономические права; прокурорский надзор; Республика Крым; правовые гарантии.

Обеспечение защитников государства достойными социальными условиями исторически выступало одним из ключевых условий прочности общественного устройства и боеспособности армии. Сегодня поддержка участников специальной военной операции и их семей стала приоритетным направлением социальной функции государства, однако практика выявляет серьезные расхождения между нормативно закрепленными гарантиями и их фактической реализацией.

Целью исследования является комплексный анализ порядка формирования и осуществления государственной политики в сфере социально-экономических прав участников специальной военной операции (СВО), выявление системных препятствий на федеральном и региональном уровнях и разработка предложений по их преодолению с учетом крымского опыта.

Федеральный уровень поддержки включает широкий набор инструментов. Прежде всего, это присвоение статуса ветерана боевых действий с соответствующими жилищными, земельными и медицинскими льготами, дополнительное пенсионное обеспечение, а также страховые и единовременные выплаты. Институциональным ядром сопровождения стал Государственный фонд «Защитники Отечества», нацеленный на персональное курирование, психологическую и юридическую помощь.

Республика Крым демонстрирует стремление компенсировать пробелы собственными инициативами. Внедрен инструмент социального паспорта семьи участника СВО, позволяющий адресно выявлять потребности в лечении, трудоустройстве, образовании и бытовой помощи. Перспективными проектами стали реабилитационная программа «Возрождение» для инвалидов боевых действий и семей погибших, а также кадровая программа «Герои Крыма», ориентированная на про-

фессиональную переподготовку и интеграцию ветеранов в управленческую среду.

Вместе с тем анализ выявляет ряд системных сложностей. Первая — отсутствие на законодательном уровне легальной дефиниции «специальная военная операция», что порождает неоднозначность правоприменения, особенно при квалификации совокупности гуманитарных и финансовых обязательств государства. Вторая — недостаточность правового и ресурсного обеспечения комплексной реабилитации военнослужащих, возвращающихся из зоны боевых действий; имеющихся федеральных механизмов явно недостаточно для полноценной социальной адаптации. Третья — бюрократические препятствия и слабая информированность граждан о положенных льготах, подтверждаемые неуклонным ростом числа обращений в органы власти.

Прокурорская практика в Республике Крым наглядно иллюстрирует типовые нарушения. Зафиксированы случаи отказа в региональной материальной помощи военнослужащему лишь на том основании, что у него отсутствовала регистрация на территории полуострова, хотя рапорт о постановке на учет подавался своевременно — бездействие командования части повлекло ущемление прав. Выявлялись факты незаконного увольнения мобилизованных граждан вместо приостановления трудового договора, а также затягивание технологического присоединения к электросетям домовладений членов семей участников СВО, устранявшееся исключительно после представлений прокурора.

Для повышения эффективности государственной политики представляется необходимым унифицировать самые успешные практики поддержки участников СВО и их семей, а также уделять особое внимание соблюдению законодательства. Только при условии согласованности федерального и регионального законодательства, а также скоординированной работы органов власти и надзорных институтов возможно в полной мере гарантировать достойный уровень социально-экономической безопасности защитников Отечества.

Научный руководитель: **А. В. Басов**,
доктор юридических наук, профессор

О. С. Маратканова, В. И. Жук

Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

Взятничество в России: деструктивный фактор развития, проблемы доказывания и перспективы усиления ответственности

Ключевые слова: коррупция; взяточничество; оперативно-розыскная деятельность; доказывание; конфискация имущества; Уголовный кодекс Российской Федерации.

Проблема взяточничества сохраняет свою остроту в современной России. Коррупционные проявления подрывают авторитет государственной власти, нарушают принцип равенства граждан перед законом, искажают конкурентную среду в экономике. Сегодня ситуация усугубляется не только устойчивым ростом числа регистрируемых преступлений, но и качественным изменением механизмов коррупционных механизмов, которые становятся сложнее за счет цифровизации и новых финансовых инструментов.

Анализ статистических данных за 2023–2025 гг. показывает тревожную динамику. В 2025 г. зарегистрировано 26 816 случаев взяточничества, что на 20,8 % превышает показатель 2023 г. Наиболее высокие темпы прироста демонстрируют посредничество во взяточничестве (38,5 %) и дача взятки (29,9 %). Ущерб от коррупционных преступлений в 2025 г. составил 16 млрд р. При этом арестовано активов на сумму свыше 45 млрд р., что свидетельствует об изъятии имущества, приобретенного на незаконные доходы в предшествующие периоды.

Систематизированы ключевые проблемы доказывания по делам о взяточничестве.

Во-первых, сложность доказывания прямого умысла: защита часто интерпретирует передачу ценностей как подарок или долг, что требует от следствия обоснования служебной зависимости и предварительной договоренности.

Во-вторых, квалификация вербальной договоренности с использованием эвфемизмов, например, «решить вопрос», где необходимо доказать коррупционный смысл высказываний через анализ всех обстоятельств.

В-третьих, трансформация результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в допустимые доказательства: действующее законодательство не позволяет напрямую использовать материалы Оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) в суде, что порождает сложную

процедуру легализации и риски признания доказательств недопустимыми.

Статистика подтверждает системность проблем: доля оправдательных приговоров по коррупционным делам (1,8 %) значительно выше средней (0,24 %), условное осуждение применяется в 80 % случаев.

Для решения этих проблем предложена законодательная инициатива — дополнить ст. 84 УПК РФ ч. 5, разрешающей приобщать к уголовным делам о взяточничестве материалы ОРД в качестве иных документов. Установлены пять условий допустимости: наличие зарегистрированного дела оперативного учета; соблюдение закона при проведении ОРМ; надлежащее оформление; проверяемость происхождения в суде; запрет на провокацию с целью получения материалов. Это позволит легализовать ключевые доказательства, повысит неотвратимость наказания, сохранив процессуальные гарантии.

Проанализирована инициатива о введении полной конфискации имущества коррупционеров. Действующая модель специальной конфискации малоэффективна, поскольку регулирующая ее ст. 104.1 УК РФ содержит пробелы.

Во-первых, в перечень преступлений, по которым применяется конфискации, включено только получение взятки (ст. 290 УК РФ), а дача взятки (ст. 291 УК РФ), посредничество (ст. 291.1 УК РФ) и мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ) отсутствуют. Для коррупционных составов это означает, что имущество взяткодателя конфискации не подлежит.

Во-вторых, ст. 104.1 УК РФ предусматривает конфискации лишь денег и иного имущества, не включая услуги имущественного характера и имущественные права, которые часто выступают предметом взятки.

Статистика подтверждает неэффективность: в 2024 г. конфискации применены лишь к 2,8 % осужденных за коррупцию.

Возвращение общей конфискации сталкивается с конституционными препятствиями (ст. 35 Конституции РФ), рисками коллективной ответственности и угрозой правам добросовестных членов семьи. Требуется разрешение правовых дилемм: определение границ изъятия при выводе активов на подставных лиц, защита имущественного минимума иждивенцев, недопустимость перевернутого бремени доказывания.

Противодействие взяточничеству требует системного подхода по трем направлениям: совершенствование уголовно-процессуального законодательства для легализации результатов ОРД; модернизация института конфискации с расширением возможностей изъятия незаконных активов при защите прав третьих лиц; институциональное разви-

тие антикоррупционных органов. Реализация предложенных мер позволит переломить негативные тенденции роста коррупционной преступности в области взяточничества, восстановить доверие граждан к государственным институтам и обеспечить реальное снижение уровня взяточничества в стране.

Научный руководитель: **В. Ю. Рытькова**,
кандидат юридических наук

Ю. К. Шастова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Ужесточение наказания за должностные преступления

Ключевые слова: должностные преступления; коррупция; злоупотребление полномочиями; взяточничество; растрата; хищение; ужесточение наказания.

Должностные преступления представляют собой умышленное противоправное деяние, совершаемое лицом с использованием своего служебного положения. Борьба с должностными преступлениями, такими как злоупотребление властью, взяточничество, коррупция, остается одной из наиболее актуальных в настоящее время и обуславливается несколькими ключевыми факторами:

— должностные преступления подрывают доверие граждан к государственным институтам власти. Злоупотребление полномочиями, коррупция, превышение должностных полномочий приводят к дискредитации власти, формированию нетерпимости по отношению к закону и представителям власти, как следствие, к снижению эффективности государственного управления;

— экономические последствия должностных преступлений колоссальны, хищение бюджетных средств, получение незаконных вознаграждений, вывод активов через родственников и подставных лиц — все это является прямыми финансовыми потерями для экономики страны, которые могли быть направлены на развитие социальной сферы, инфраструктуры, образования, науки;

— должностные преступления создают неравные условия для ведения бизнеса развития конкуренции и как следствие — привлечение инвестиций. Недобросовестные чиновники, используя свое служебное положение, могут оказывать давление на предпринимателей, требовать взятки в обмен на помощь в получении государственных заказов, участие в тендерах и закупках, тем самым лишая других возможности участвовать.

Анализ судебной практики коррупционных преступлений свидетельствует о системном характере правонарушений в сфере государственного и муниципального управления.

Дело К. Трофимова — бывшего главы Артемовского муниципального округа, демонстрирует типичную схему получения взяток за попустительство и покровительство, что подрывает основы законности и справедливости в органах местного самоуправления. К. Трофимов был признан виновным по ч. 4–6, ст. 290 УК РФ, приговорен к 10 годам колонии строго режима, а также ему был назначен штраф в размере 3,9 млн р. с конфискацией водонагревателя, полученного в качестве взятки¹.

Ситуация с Т. Ивановым, экс-заместителем министра обороны, отражает колоссальные масштабы финансовых махинаций и хищений в высших эшелонах власти. Хищение средств при закупке паромов для Керченской переправы и введение денежных средств из банка «Интеркоммерц» свидетельствуют о сложных механизмах отмыwania средств и коррупционных связях на уровне государственных контрактов. Т. Иванов был признан виновен в двух эпизодах растраты в особо крупном размере (ч. 4 ст. 160 УК РФ), а также в легализации преступных доходов (ч. 4 ст. 174.1 УК РФ), ему назначено наказание в виде 13 лет общего режима со штрафом 100 млн р. Также он был лишен ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и звания почетного строителя².

Дело М. Мирзаева, экс-заместителя начальника тыла Росгвардии, демонстрирует нам, что взятки в особо крупном размере — инструмент незаконного обогащения, получение 140 млн р. от подрядчика, строившего склады, показывает тем самым вовлеченность должностных лиц в коррупционную сеть, которая плотно охватывает крупные государственные заказы. Генерал-майор был признан виновным в получении взятки в особо крупном размере (ч. 6 ст. 290 УК РФ) и приговорен к девяти годам колонии строгого режима. Кроме того, осужденному Мирзаеву запретили в течение пяти лет занимать должности на государственной службе или в органах местного самоуправления, связанные с выполнением организационно-распорядительных функций. С осужденного в полном объеме взыскана сумма полученной им взятки — 140 млн р.³

---

¹ Вынесен приговор бывшему главе Артемовского городского округа Константину Трофимову по уголовному делу о взяточничестве // Прокуратура Свердловской области. — 2025. — 25 нояб. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_66/mass-media/news/regional/e6486729/ (дата обращения: 15.02.2026).

² Прокуратура добилаcь изъятия имущества экс-замминистра обороны // Право.ру. — 2025. — 5 дек. — URL: <https://pravo.ru/news/261599/> (дата обращения: 15.02.2026).

³ Бывший замначальника тыла Росгвардии получил девять лет колонии // РИА Новости. — 2025. — 28 окт. — URL: <https://ria.ru/20251028/mirzaev-2051223812.html> (дата обращения: 15.02.2026).

Обращая внимание на неравномерные сроки, назначенные различным фигурантам, необходимо отметить, что они часто коррелируют не только с размером полученной взятки, но и с занимаемой должностью, степенью участия в преступной схеме, наличием отягчающих обстоятельств, например, в деле М. Мирзаева, несмотря на колоссальную сумму взятки, срок оказался меньше, чем у К. Трофимова.

Необходимость в ужесточении антикоррупционного законодательства становится все более очевидной. Существующие меры, как видно по примерам, демонстрируют готовность государства к борьбе с коррупцией, существуют лазейки и области, где законодательство может быть более детализированным и обеспечивающим неотвратимость наказания. В связи с этим нами были разработаны рекомендации, направленные на усиление мер по борьбе с коррупцией:

- совершенствование процедур закупок — внедрение автоматизированных систем анализа рыночных цен для оценки обоснованности начальной цены контракта, привлечение независимых экспертов и пост-аудит в части фактического исполнения контрактов;

- введение института необоснованного обогащения — возможность конфискации имущества не только у должностных лиц, но и у ближайших родственников, если они не могут законно подтвердить происхождение активов;

- создание упрощенной процедуры конфискации — введение более широкого применения гражданского судопроизводства для конфискации активов, полученных незаконным путем, без доказывания вины конкретного лица в уголовном процессе, а именно при наличии конкретных фактов, что имущество добыто преступным путем;

- обязательство по возмещению ущерба — усиление мер по обращению взыскания на имущество осужденного до полного возмещения причиненного ущерба, увеличение штрафов, а также начисление пени на непогашенную сумму штрафа в случае затягивания осужденного с выплатой.

Таким образом, не смотря на тенденцию судебной практики в сторону более жестких мер наказания, борьба с коррупцией требует комплексного решения данной проблемы. Предложенные нами рекомендации являются логичным шагом, карательные меры необходимо дополнять превентивными механизмами, которые будут направлены на ликвидацию почвы для подобных преступлений.

Научный руководитель: **И. В. Сошникова**,
кандидат социологических наук, доцент

Регламентация деятельности общеобразовательной организации среднего образования

Ключевые слова: общеобразовательная организация; правовой статус; образовательное право.

Деятельность общеобразовательных организаций среднего образования в РФ осуществляется в рамках сложной и многоуровневой системы правового регулирования. Правосубъектность общеобразовательной организации раскрывается через анализ ее прав и обязанностей в различных правоотношениях: отношения с учредителем (публично-правовым собственником): строятся на основе принципа единства кадровой, финансово-хозяйственной и образовательной политики. Учредитель закрепляет имущество, утверждает устав, назначает руководителя, формирует и контролирует выполнение государственного задания.

Образовательные отношения с обучающимися и их родителями (законными представителями) имеют смешанную природу. Возникают на основе договора об образовании (в том числе в заявительном порядке для муниципальных школ), который, однако, не является чисто гражданско-правовым, поскольку его содержание императивно определяется законом и ФГОС. Особую сложность представляют вопросы привлечения обучающихся к дисциплинарной ответственности, обеспечения безопасности и защиты персональных данных. Трудовые отношения с педагогическими работниками регулируются трудовым законодательством с особенностями, установленными гл. 5 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (специальный статус, аттестация, право на дополнительное профессиональное образование, академические свободы и ограничения). Гражданско-правовые и административные отношения с иными субъектами: отношения по поставке товаров, выполнению работ, оказанию услуг; отношения, связанные с лицензионно-надзорной деятельностью (Рособрнадзор, Роспотребнадзор, пожарный надзор и др.).

Особое внимание в современной правовой парадигме уделяется открытости и демократизации управления. Закон обязывает образовательную организацию создавать органы управления, такие как общее собрание (конференция) работников; педагогический совет; управляющий совет, в который могут входить представители родителей (законных представителей) обучающихся, педагогических работников, учредителя и самих обучающихся. Они имеют право знакомиться с содер-

жанием образования, методами обучения, успеваемостью детей, защищать их права и законные интересы, участвовать в работе коллегиальных органов. Это способствует переходу от административно-командного стиля управления к государственно-общественному партнерству. Несмотря на детальную законодательную регламентацию, правоприменительная практика сталкивается с рядом системных проблем:

Перегруженность педагогов и администрации избыточной отчетностью и процедурами, что отвлекает ресурсы от непосредственной образовательной деятельности. Требуется правовая оптимизация контрольно-надзорных мероприятий и внедрение риск-ориентированного подхода. Сложности в реализации инклюзивного образования из-за недостаточного финансирования, нехватки специально подготовленных кадров и адаптированных материалов. Цифровая трансформация образования. Использование цифровых платформ, электронных журналов, дистанционных технологий порождает новые правовые вопросы: защита персональных данных несовершеннолетних, определение ответственности за кибербезопасность, регламентация дистанционного формата обучения. Требуется разработка специальных локальных нормативных актов, регулирующих цифровую образовательную среду.

Рассмотрим коллизии в защите прав и интересов различных участников образовательных отношений. Противоречия между правом педагога на профессиональную самостоятельность и правом родителя на ознакомление с методами обучения, между дисциплинарными правами школы и правами ребенка требуют более четких правовых процедур медиации и досудебного урегулирования споров. Направления совершенствования регламентации: унификация и типизация локальных нормативных актов на региональном уровне (рекомендательные модельные акты) для снижения бюрократической нагрузки на школы и минимизации правовых ошибок. Закрепление на законодательном уровне четких критериев и индикаторов оценки качества образования, что позволит сделать процедуры контроля более объективными и прозрачными. Усиление роли правового воспитания и формирования профессионального правосознания не только у обучающихся, но и у административно-педагогического состава школ. Как отмечается в научной литературе, качество подготовки юридических кадров и их правосознание напрямую влияют на эффективность правового регулирования авторитет права в обществе. Этот принцип в полной мере применим и к руководителям образования, которые ежедневно применяют нормы права в своей работе.

Несмотря на тщательно проработанную систему законов ее динамичное развитие в ответ на вызовы времени порождает новые задачи.

К ним относятся необходимость снижения избыточной бюрократической нагрузки, обеспечение реальных условий для инклюзивного и цифрового образования, а также гармонизация норм разных уровней. Дальнейшее совершенствование правового регулирования должно быть направлено на создание баланса между установлением необходимых стандартов качества и предоставлением школам достаточной автономии для гибкой и эффективной работы в интересах каждого ребенка.

Научный руководитель: **И. А. Жилко**,
кандидат юридических наук

ЦИФРОВОЕ ОТКРЫТИЕ

Международный конкурс научно-исследовательских работ

С. Е. Аверин

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Токенизация недвижимости: новые возможности инвестирования и правовые риски

Ключевые слова: токенизация; недвижимость; блокчейн; смарт-контракты; цифровые финансовые активы.

Токенизация недвижимости представляет собой процесс преобразования прав на объект недвижимости в цифровые токены, существующие в распределенном реестре (блокчейне).

Экономическая сущность токенизации заключается в дроблении крупных активов на множество мелких долей, что кардинально повышает ликвидность традиционно неликвидных активов, снижает транзакционные издержки и автоматизирует исполнение обязательств через смарт-контракты.

Технологической основой выступает блокчейн, обеспечивающий неизменность, прозрачность и безопасность записей, что позволяет создать доверенную среду без централизованных посредников.

Именно эти свойства делают токенизацию потенциально революционным инструментом для рынка недвижимости, который на протяжении десятилетий оставался консервативным и бюрократизированным.

Токенизация открывает качественно новые инвестиционные возможности: демократизацию инвестиций за счет снижения входных барьеров, повышение ликвидности, возможность диверсификации и конкретного выбора объектов, автоматизацию сделок, глобализацию доступа, прозрачность операций и упрощение наследственных процедур.

Согласно прогнозам, объем рынка токенизации недвижимости может достичь 16 трлн долл. к 2030 г.¹

Сравнительный анализ опыта Республики Беларусь и Республики Казахстан демонстрирует различные подходы к регулированию токенизации в рамках ЕАЭС. Белорусская модель отличается широким определением токена и развитой инфраструктурой Парка высоких технологий, однако практическая реализация токенизации недвижимости столкнулась с регуляторными барьерами, связанными с необходимостью государственной регистрации прав, и отсутствием спроса со стороны инвесторов². Казахская модель, основанная на механизме регуляторной песочницы, представляется наиболее гибкой, позволяя тестировать токенизацию в ограниченном правовом режиме с участием государства и академических институтов для последующего масштабирования³.

Систематизация правовых рисков позволяет выделить их основные категории: риски неопределенности правового статуса токенов, риски несоответствия формы сделки и отсутствия государственной регистрации, риски банкротства эмитента и экономические риски, риски низкой ликвидности, технологические риски и риски кибербезопасности, а также риски, связанные с регулированием на стыке различных отраслей права. Особую опасность представляет ситуация, при которой инвестор, приобретая токен, фактически не получает тех гарантий, которые предоставляет законодательство о долевом строительстве, оставаясь незащищенным в случае банкротства застройщика.

Анализ российского законодательства показывает, что, несмотря на наличие базового Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» (Закон № 259-ФЗ), прямое применение его норм к токенизации недвижимости затруднено. Закон устанавливает закрытый перечень цифровых прав, в который не включены вещные права на недвижимость. Нормы ГК РФ о смарт-контрактах носят декларативный характер и не решают вопросов о юридической силе блокчейн-записей. Специальный Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации

---

¹ Евлахова Ю. С., Абысов Р. В. Возможности токенизации на рынке недвижимости // Вестник Академии знаний. — 2025. — № 3 (68). — С. 597–601.

² Почему в Беларуси не взлетел проект токенизации недвижимости // MyFin. — 2024. — 10 нояб. — URL: <https://myfin.by/article/rynki/pocemu-v-belarusi-ne-vzletel-proekt-tokenizacii-nedvizhimosti-33579> (дата обращения: 14.03.2026).

³ Стартовал пилотный проект по токенизации коммерческой недвижимости // Центральный дом бухгалтера. — 2026. — 12 февр. — URL: https://cdb.kz/sistema/novosti/startoval_pilotnyy_proekt_po_tokenizatsii_kommercheskoy_nedvizhimosti/ (дата обращения: 14.03.2026).

недвижимости» ориентирован на традиционный реестровый подход и не предусматривает децентрализованных реестров. Централизованная система ЕГРН и децентрализованная природа блокчейна находятся в противоречии. Отсутствие синхронизации между двумя реестрами создает риск двойного оборота недвижимости. Необратимость блокчейн-транзакций, отсутствие механизмов исправления ошибок и нерешенность вопросов идентификации участников дополнительно осложняют интеграцию технологий. При этом пилотные проекты Росреестра демонстрируют потенциальные преимущества блокчейна: сокращение сроков регистрации до нескольких часов и снижение коррупционных рисков, что подтверждает целесообразность дальнейшего развития этого направления.

Для преодоления выявленных проблем необходим комплексный подход. Требуется расширить перечень цифровых прав в Законе № 259-ФЗ, включив в него возможность удостоверения прав на недвижимость. Важнейшим направлением является законодательное закрепление механизмов синхронизации блокчейн-реестров с ЕГРН, а также создание инфраструктуры цифровой идентификации, отвечающей требованиям KYC/AML. Целесообразно распространить на держателей токенов гарантии, аналогичные предусмотренным для участников долевого строительства, и использовать механизм экспериментальных правовых режимов для тестирования различных моделей токенизации. Без этих изменений токенизация рискует остаться нишевым экспериментом, не реализовавшим свой потенциал.

Научный руководитель: **М. М. Курманбаев**

А. И. Алешина

Московский ордена Почета университет МВД России им. В. Я. Кикотя, г. Москва

Цифровизация миграционных правоотношений в Российской Федерации и государствах — членах ЕАЭС: сравнительно-правовой анализ частноправовых механизмов регулирования

Ключевые слова: цифровизация; миграционные правоотношения; частное право; ЕАЭС; персональные данные; цифровая идентификация; интеграция.

Актуальность научно-исследовательской работы обусловлена тем, что в условиях цифровой трансформации общественных отношений происходит качественное изменение механизмов правового регулиро-

вания миграционных процессов. Традиционно миграционная сфера рассматривалась преимущественно в рамках публично-правового регулирования, что обусловлено ее связью с государственным суверенитетом и обеспечением национальной безопасности. Однако в условиях цифровизации наблюдается расширение сферы применения частноправовых механизмов, обеспечивающих функционирование цифровой инфраструктуры миграционных процессов. Это проявляется в использовании договорных конструкций, институтов обработки персональных данных, цифровой идентификации, а также в вовлечении частных субъектов в реализацию публичных функций.

Особую значимость данная проблематика приобретает в рамках Евразийского экономического союза, где обеспечивается свобода передвижения рабочей силы. Вместе с тем различия в уровне цифровизации государств — членов ЕАЭС и отсутствие единых подходов к регулированию частноправовых аспектов создают правовые риски и препятствуют эффективному развитию интеграции.

Цель работы заключается в проведении сравнительно-правового анализа цифровизации миграционных правоотношений в Российской Федерации и государствах — членах ЕАЭС с позиций частного права и разработке предложений по совершенствованию правового регулирования. В рамках исследования решаются задачи, направленные на раскрытие правовой природы цифровизации миграционных правоотношений, определение роли частноправовых механизмов, анализ национальных моделей регулирования и выявление проблем их унификации.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе цифровизации миграционных процессов в государствах — членах ЕАЭС. Предметом научно-исследовательской работы выступают нормы частного права и правоприменительная практика, регулирующие цифровые миграционные правоотношения.

В результате исследования установлено, что цифровизация миграционных правоотношений представляет собой комплексную трансформацию их юридической природы. Она затрагивает все элементы правоотношения: расширяется субъектный состав за счет включения операторов цифровых платформ, изменяется объект (персональные данные, цифровые идентификаторы), трансформируется содержание прав и обязанностей, а юридические факты приобретают форму электронных действий. В результате формируется новая модель регулирования, основанная на взаимодействии публично-правовых и частноправовых начал.

Сравнительно-правовой анализ показал, что государства — члены ЕАЭС демонстрируют различный уровень цифровизации миграцион-

ной сферы. Российская Федерация и Республика Казахстан характеризуются более высокой степенью цифровой интеграции. Республика Беларусь реализует централизованную модель цифрового управления, тогда как Республика Армения и Кыргызская Республика находятся на стадии постепенной цифровой модернизации. Несмотря на формальное сходство правовых подходов, фактическая глубина цифровизации существенно различается.

Научная новизна исследования заключается в том, что цифровизация миграционных правоотношений рассмотрена через призму частного права как структурообразующего элемента регулирования. Автором обосновано, что современная модель миграционного регулирования носит смешанный характер и основана на взаимодействии публичных и частных начал. Доказано, что эффективность интеграционных процессов в рамках ЕАЭС во многом зависит от уровня гармонизации частноправовой цифровой инфраструктуры.

В заключение автором предложены следующие направления совершенствования правового регулирования: разработка единых стандартов трансграничной передачи персональных данных, требований к цифровой идентификации; закрепление правового статуса и ответственности операторов цифровых платформ; создание единой цифровой платформы миграционного регулирования; координация национальных цифровых мер с наднациональными стандартами ЕАЭС.

Научный руководитель: **А. И. Филиппова**,
кандидат юридических наук

В. Д. Дедаева

Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург

Интеллектуальные права на результаты работ, созданные искусственным интеллектом

Ключевые слова: интеллектуальные права; искусственный интеллект; ИИ; охраноспособность; законодательство; произведение.

Исследование посвящено проблемам правового регулирования интеллектуальных прав на результаты, созданные искусственным интеллектом. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ) и необходимостью адаптации законодательства к новым реалиям.

Бурное развитие технологий искусственного интеллекта привело к тому, что системы ИИ способны автономно создавать произведения

искусства, тексты, музыку и технические решения. Ключевой проблемой в этой сфере выступает отсутствие четких правовых норм, определяющих статус подобных произведений.

Теоретические основы исследования опираются на анализ критериев охраноспособности результатов интеллектуальной деятельности. К таким критериям относятся творческий характер произведения, его объективная форма выражения, оригинальность, а также отсутствие требований к художественной ценности¹.

Вопрос правосубъектности искусственного интеллекта рассматривается через три основных подхода. Первый предполагает восприятие ИИ как объекта права, второй — как субъекта права с ограниченной правосубъектностью, третий — как соавтора.

Анализ действующего законодательства демонстрирует ряд особенностей. В России закреплён принцип признания автором исключительно физического лица. При этом судебная практика подтверждает охрану произведений, даже если они содержат минимальный творческий вклад человека. Схожий подход постепенно формируется и в странах СНГ.

Выявленные пробелы в законодательстве диктуют необходимость комплексного решения ряда задач. Прежде всего требуется определить статус результатов, созданных с помощью ИИ, установить четкие критерии их правовой охраны, разработать систему учета подобных объектов и создать механизм распределения прав между заинтересованными сторонами.

В качестве перспективных направлений совершенствования правовой базы можно выделить несколько ключевых мер.

Во-первых, целесообразно внести соответствующие изменения в Гражданский кодекс РФ.

Во-вторых, имеет смысл разработать типовые договоры, учитывающие специфику взаимодействия с ИИ-системами.

В-третьих, перспективным шагом станет внедрение системы маркировки произведений, созданных ИИ. Наконец, важно обеспечить гармонизацию национального законодательства с международными правовыми нормами в этой области.

Научный руководитель: **И. С. Макеева**,
кандидат юридических наук, доцент

---

¹ Тлембаева Ж. У. О некоторых подходах к правовому регулированию искусственного интеллекта // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. — 2021. — № 2 (65). — С. 61–73.

С. Д. Зотова, С. Д. Сальникова, Е. Э. Исмагилова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Правовой режим искусственного интеллекта

Ключевые слова: искусственный интеллект; правовая категория; ответственность; авторство; правосубъектность.

Понятие искусственного интеллекта (ИИ) как правовой категории в 2026 г. окончательно утратило иллюзию универсальности: право оказалось от поиска единой дефиниции, перейдя к функциональной дифференциации. В России базовое определение из Национальной стратегии («комплекс технологических решений, имитирующий когнитивные функции человека») долгое время оставалось доктринальным ориентиром. Однако в январе 2026 г. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации предложило ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации квалифицирующий признак «с использованием искусственного интеллекта» с аналогичным определением. Министерство юстиции Российской Федерации раскритиковало подход из-за неопределенности «имитации когнитивных функций» и невозможности доказывания.

Автономность ИИ порождает проблему причинно-следственной связи: российская практика по роботам-коллекторам признала необходимость отдельного согласия на взаимодействие с автономной системой. Самообучаемость разрушает классическую модель авторства: решение Мюнхенского суда (13 февраля 2026 г.) закрепило, что даже подробный промпт не создает авторства без творческого вклада человека в конечный результат. Непредсказуемость приводит к феномену «регуляции»: дело *New York Times vs. OpenAI* требует от разработчика передачи миллионов логов.

Главный тренд 2026 г. — отказ от списания вины на алгоритм: ответственность возвращается человеку.

Правовой режим ИИ определяется через его квалификацию в качестве программы для ЭВМ:

- исходный код и архитектура охраняются как программы для ЭВМ;

- обученные веса — как коммерческая тайна (ст. 1465 ГК РФ) либо как база данных;

- название и интерфейс — как средства индивидуализации.

Патентная охрана возможна только при оформлении нейросетевой технологии как технического решения.

Острой проблемой остается легальность обучения на охраняемых произведениях. Исследование Никифорова (2025 г.) обосновывает, что процесс обучения не является использованием произведения по ст. 1270 ГК РФ.

Фундаментальная проблема — отсутствие у ИИ гражданской правосубъектности. Согласно ст. 1228 ГК РФ, автор — только физическое лицо. Российские суды признают охраноспособность объектов, созданных с ИИ, только при значительном творческом вкладе человека. Экспертная практика выделяет два уровня:

— при минимальном (простой запрос) — охраны нет;

— при высоком (сложный промпт-инжиниринг) — возможно как составное произведение.

В разных юрисдикциях подходы различаются: в США требуется «значительный человеческий вклад», в Китае авторство за тем, кто управляет ИИ, в Великобритании — лицо, организовавшее создание контента. Основной механизм оборота результатов генерации — договорное регулирование.

В ноябре 2025 г. в Госдуму внесены законопроекты об обязательной маркировке дипфейков (штрафы до 500 тыс. р. для юридических лиц).

Ситуация «безответного вреда» породила концепцию «электронного лица» (Европарламент, 2016–2017 гг.). Сторонники этой концепции проводят аналогию с юридическим лицом. Большинство указывают на отсутствие у ИИ собственных интересов и воли. Есть и те, кто занимает промежуточную позицию (режим юридических лиц по аналогии).

На практике доминирует отказ от самостоятельной ответственности ИИ. Судебная практика (*Moffatt vs. Air Canada*, *Benavides vs. Tesla*) подтверждает: за ошибки ИИ отвечает компания-оператор или производитель.

Единого определения ИИ не существует. Главный тренд — возврат ответственности человеку. ИИ не обладает правосубъектностью; «электронное лицо» — доктринальная фикция. На практике доминирует договорное регулирование, охрана весов как коммерческой тайны и ответственность работодателя или владельца.

Научный руководитель: **А. В. Головинин**,
кандидат юридических наук

Проблематика правового регулирования гражданского оборота виртуального игрового имущества

Ключевые слова: виртуальное игровое имущество; цифровые активы; видеоигры; гражданский оборот; цифровая платформа.

Виртуальное игровое имущество перестало быть исключительно элементом игрового процесса и стало экономически значимым объектом цифрового оборота. Внутриигровые предметы, аккаунты, персонажи и игровая валюта участвуют в обмене и фактически вовлечены в имущественные отношения, однако действующее российское законодательство не содержит их прямой и целостной правовой регламентации.

Актуальность темы подтверждается масштабом игровой индустрии. По данным Newzoo, в 2025 г. мировой рынок видеоигр достигает 188,8 млрд долл., а глобальная аудитория игроков — 3,58 млрд чел. В результате внутриигровые активы приобретают самостоятельную экономическую ценность и становятся объектом правового интереса.

В доктрине сложились три основных подхода к квалификации виртуального игрового имущества. Квазивещный подход исходит из функционального сходства виртуальных объектов с вещами и возможности признания за пользователем господства над ними [3]. Интеллектуально-правовой подход подчеркивает производный характер прав пользователя от исключительного права разработчика на игру как сложный объект [2]. Обязательственно-имущественный подход предлагает рассматривать такие объекты как особое имущественное благо цифровой природы, вовлеченное в оборот и подлежащее защите в рамках обязательственного механизма [1].

Наиболее перспективным представляется обязательственно-имущественный подход. Он позволяет учитывать экономическую ценность виртуальных объектов и при этом не разрушает классическую конструкцию исключительных прав разработчика. В этой модели право пользователя на виртуальное игровое имущество следует понимать не как абсолютное вещное право, а как производное имущественное право, существующее в пределах пользовательского соглашения и платформенных правил.

Ключевые проблемы гражданского оборота виртуального игрового имущества сводятся к трем блокам: отсутствию единой правовой квалификации, трансграничности цифровых платформ и доминированию платформенных правил, фактически определяющих пределы обо-

рота и санкции за нарушения [1; 2]. Дополнительную сложность создает зависимость виртуального актива от аккаунта и процедур аутентификации: утрата доступа к учетной записи часто означает фактическую утрату контроля над всем массивом игровых активов.

В целях преодоления выявленных проблем целесообразно закрепить минимальные императивные требования к платформенным правилам, включая определенность оснований блокировки, обязанность мотивировать санкции и цифровую процедуру обжалования. Одновременно требуется развивать конструкцию защищаемого имущественного интереса пользователя в отношении виртуальных игровых активов и уточнять правила применимого права для трансграничных цифровых сделок.

Таким образом, виртуальное игровое имущество нуждается в формировании самостоятельного и внутренне согласованного гражданско-правового режима. Наиболее реалистичной представляется модель, при которой за разработчиком сохраняются исключительные права на игру, а за пользователем признается защищаемый имущественный интерес в отношении конкретных игровых активов. Такая конструкция позволяет обеспечить баланс интересов разработчика, платформы и пользователя.

Библиографический список

1. *Архипов В. В.* Виртуальные объекты как объекты гражданских прав // Закон. — 2018. — № 12. — С. 95–107.
2. *Харитонов Ю. С., Санникова Л. В.* Платформенная экономика и трансформация частного права // Журнал российского права. — 2021. — № 9. — С. 56–70.
3. *Fairfield J. T.* Virtual property // Boston university law review. — 2005. — Vol. 85. — P. 1047–1102.

Научный руководитель: **А. В. Головизин**,
кандидат юридических наук

Актуальные проблемы правового регулирования оборота цифровых произведений и защиты интеллектуальных прав в интернете

Ключевые слова: авторское право; цифровые произведения; искусственный интеллект; охраноспособность; способы защиты.

Авторское право регулирует отношения, связанные с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства. Произведение понимается как нематериальное благо — совокупность идей и образов, выраженных в объективной форме, которую следует отличать от материального носителя. Основными признаками объектов авторского права являются творческий характер создания и объективная форма выражения. Закон (ст. 1257 ГК РФ, постановление Пленума ВС РФ № 10) устанавливает презумпцию творческого характера. Анализ критериев творческой составляющей (новизна, оригинальность) показывает, что ключевым является деятельная оригинальность, понимаемая как самобытность творческого процесса [3]. Перечень объектов авторских прав в ст. 1259 ГК РФ является открытым, что обусловлено непредсказуемостью творческой деятельности.

В юридической литературе цифровые произведения рассматриваются либо как производные объекты (созданные с помощью программ для ЭВМ), либо как сложные объекты (объединяющие несколько результатов интеллектуальной деятельности). Главная черта цифровых произведений — их особая форма, не названная прямо в ст. 1259 ГК РФ, что порождает вопрос о необходимости внесения изменений в законодательство. Цифровые объекты обладают специфическими признаками: независимость от внешних носителей, распространяемость в сети без потери качества, сложность, особый способ создания с использованием компьютерных технологий при обязательном творческом вкладе человека [2]. Правовую охрану должны получить только те произведения, где роль автора была существенна, а программа выступала лишь техническим инструментом.

Особое внимание уделяется роли искусственного интеллекта. Анализ зарубежной практики (дело Tencent против Yingxun в Китае) показывает, что суды могут признавать охраноспособными объекты, сгенерированные искусственным интеллектом (ИИ), однако авторские права закрепляются за создателем программы или пользователем, внес-

шим творческий вклад. В судебной практике РФ вопросы авторства в отношении результатов работы нейросетей носят спорный характер. Делается вывод о необходимости юридического закрепления в ст. 1259 ГК РФ отдельной группы произведений цифрового искусства, созданных с помощью технических средств, для повышения устойчивости правоприменения. Защита авторских прав понимается как применение комплекса правовых норм для отстаивания интересов авторов и правообладателей, в отличие от «охраны» как установления общего правового режима. Также применяются специальные способы, к наиболее эффективным отнесены признание права, пресечение действий, нарушающих право, возмещение убытков, изъятие контрафактных экземпляров, публикация решения суда и взыскание компенсации. Развитие цифровых технологий требует адаптации правовых норм и активной позиции самих правообладателей по защите своих прав.

Россия и Евросоюз (ЕС) демонстрируют различные модели регулирования. Ключевое различие заключается в подходе к ответственности информационных посредников. ЕС в Директиве 2019/790 (ст. 17) перешел к проактивной модели, фактически обязывая крупные платформы фильтровать контент и получать разрешения от правообладателей. Россия сохраняет реактивную модель «безопасной гавани» (ст. 1253.1 ГК РФ) и процедуру notice-and-takedown, где платформа обязана удалить контент после жалобы, но не фильтровать его превентивно.

Второе важное различие — подход к исключениям для технологий текстового и аналитического копирования (TDM), необходимого для обучения ИИ. ЕС ввел обязательные исключения для TDM в научных и коммерческих целях (с правом opt-out для правообладателя). Российское законодательство не содержит прямых аналогов, что создает правовую неопределенность для исследователей и разработчиков, фактически помещая их в серую зону [1]. Опыт ЕС демонстрирует важность баланса между блокировками и механизмами восстановления прав добросовестных пользователей. Для совершенствования российской модели предлагается адаптировать подходы ЕС: уточнить статус платформ, закрепить возможность TDM для некоммерческих исследований и внедрить прозрачные процедуры оспаривания блокировок.

Библиографический список

1. *Калятин В. О.* Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта и его влияние на развитие гражданского законодательства // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* — 2022. — Т. 15, № 4. — С. 24–50.

2. Телюкина М. В. Цифровое произведение как объект гражданских прав // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, интернет: ежегодник, вып. 1. — М.: ИНИОН РАН, 2018. — С. 70–76.

3. Чурилов А. Ю. К вопросу о творческом характере труда как критерии охраноспособности объектов авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2021. — № 1. — С. 21–26.

Научный руководитель: **Р. А. Прощалыгин**,
кандидат юридических наук, доцент

А. Е. Мандра

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Правовые риски цифрового рубля: защита прав граждан при массовом внедрении

Ключевые слова: цифровой рубль; правовые риски; защита прав граждан; приватность транзакций; программируемость денег.

Цифровой рубль закреплён в российском праве как форма национальной валюты, учитываемая в информационной системе Банка России и выражающая имущественное право требования к нему. В силу ст. 128 ГК РФ он относится к денежным средствам и используется для исполнения обязательств. Особенности его обращения установлены в гл. XII. 2 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке РФ» и Федеральном законе от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» (Закон № 161-ФЗ), где Банк России выступает оператором платформы. Централизованный учёт операций формирует комплекс правовых рисков, связанных с обработкой информации, ограничением распоряжения средствами и использованием программируемых функций. Первый из них — риск нарушения приватности — обусловлен концентрацией транзакционных данных в единой системе. В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» обработка допускается только при наличии конкретных целей, однако применительно к цифровому рублю такие цели не конкретизированы. Сведения об операциях формально составляют банковскую тайну, но прямой запрет на их аналитическое использование внутри платформы отсутствует. Указанный пробел создаёт возможность формирования детализированных профилей финансового поведения пользователей, что выходит за пределы обеспечения перевода денежных средств.

Второй блок рисков связан с применением мер финансового мониторинга. В силу ст. 7, 7.4 и 7.5 Федерального закона от 7 августа

2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» операции подлежат приостановлению, а денежные средства — блокировке при наличии установленных оснований. В условиях цифрового рубля данные меры приобретают повышенную эффективность вследствие централизованного контроля и технической возможности немедленного ограничения доступа ко всем средствам пользователя. При этом Закон № 161-ФЗ не содержит норм, определяющих порядок блокировки в системе цифрового рубля, включая требования к обоснованию решений и процедуре уведомления.

Особого внимания заслуживает риск ограничения оборотоспособности, обусловленный программируемостью цифрового рубля. Использование смарт-контрактов допускает установление условий обращения денежных средств, включая ограничения по целям использования. Действующее законодательство не определяет пределы таких механизмов и не разграничивает случаи их допустимости, что создает угрозу ограничения правомочия распоряжения, гарантированного ст. 35 Конституции Российской Федерации.

Сравнительно правовой анализ показывает, что зарубежные модели цифровых валют центральных банков предлагают иные подходы к минимизации подобных рисков. Например, китайский цифровой юань реализует принцип контролируемой анонимности с разными типами кошельков и лимитами, а разрабатываемый цифровой евро ориентирован на офлайн-режим с уровнем приватности, сопоставимым с наличными. В отличие от этих решений, российское регулирование пока не предусматривает дифференцированного режима обработки данных для мелких платежей или жестких институциональных ограничений программируемости.

Для минимизации выявленных рисков требуется внесение изменений в Закон № 161-ФЗ. Во-первых, необходимо закрепить закрытый перечень целей обработки транзакционных данных. В ст. 30.7 указанного закона следует установить, что обработка допускается исключительно для осуществления перевода денежных средств, исполнения требований Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма», налоговых обязанностей и формирования обезличенной статистики. Использование информации для аналитического профилирования должно быть прямо запрещено.

Во-вторых, предлагается ввести пороговый режим обработки информации по операциям физических лиц. По операциям в пределах

суммы до 30 тыс. р. должна фиксироваться только минимально необходимая информация без детализации, позволяющей определить структуру потребления. При превышении указанного порога применяется общий режим контроля, установленный законодательством о противодействии легализации доходов. Такая модель обеспечивает соблюдение принципа соразмерности вмешательства в частную жизнь.

В-третьих, необходимо нормативно закрепить порядок ограничения операций. В ст. 30.7 Закона № 161-ФЗ следует установить, что блокировка средств и приостановление операций допускаются исключительно на основании федеральных законов. Любое ограничение должно осуществляться на основе формализованного решения, подлежащего фиксации в системе платформы, с указанием правового основания, даты и уполномоченного органа. Пользователь подлежит обязательному уведомлению с разъяснением порядка обжалования.

В-четвертых, требуется определить пределы программируемости цифрового рубля. Установление условий использования денежных средств допускается исключительно в отношении средств, предоставляемых из бюджетной системы. Распространение таких ограничений на заработную плату, пенсии и иные доходы физических лиц не допускается.

Таким образом, действующее регулирование цифрового рубля характеризуется недостаточной степенью правовой определенности. Концентрация транзакционных данных, расширенные возможности ограничения операций и отсутствие нормативных пределов программируемости формируют риски несоразмерного вмешательства в частную сферу и ограничения имущественных прав. Предлагаемые изменения направлены на формирование сбалансированного правового режима, обеспечивающего эффективную защиту прав граждан.

Научный руководитель: **А. В. Головинин**,
кандидат юридических наук

Цифровизация судебной системы в России и странах ЕАЭС: сравнительный анализ

Ключевые слова: цифровизация судебной системы; электронное правосудие; цифровые платформы; страны ЕАЭС.

В условиях глобализации и цифровизации информационного пространства судебная система должна адаптироваться и интегрировать новые технологические решения для удовлетворения потребностей граждан и бизнеса.

Цифровизация судебной системы представляет собой закономерный этап развития правосудия, обусловленный глобальными технологическими трендами и потребностями общества. Общие цели — доступность, прозрачность, эффективность и безопасность — реализуются через различные национальные механизмы и сталкиваются с общими вызовами: обеспечение кибербезопасности, преодоление цифрового неравенства и интеграция цифровых платформ. Россия демонстрирует один из наиболее прогрессивных подходов, формируя единую экосистему электронного правосудия. В то же время успешная цифровизация на пространстве ЕАЭС требует не только национальных усилий, но и гармонизации подходов на наднациональном уровне, включая модернизацию договорной базы и создание совместимых информационных систем.

Электронное правосудие — это эволюция судебной системы в цифровую эпоху. Его успешная реализация зависит от гармоничного сочетания технологических решений, адаптации процессуального законодательства и неукоснительного соблюдения фундаментальных принципов правосудия. Международные стандарты служат ориентиром для национальных реформ, обеспечивая сближение подходов и защиту прав граждан в трансграничном цифровом пространстве. Эффективная цифровизация возможна только при синхронном развитии и взаимной адаптации всех компонентов в рамках установленной нормативной базы, где право не отстает от технологий, а технологии служат целям правосудия.

Цифровые платформы становятся все актуальнее, а успех цифровой трансформации правосудия зависит не столько от технологий, сколько от способности правовой системы минимизировать сопутствующие риски, гарантировать защиту прав человека и обеспечить, чтобы технология служила правосудию, а не подменяла его.

Россия строит масштабную цифровую империю с глубокой интеграцией и собственными стандартами, когда как Казахстан стремится стать самым удобным digital-государством в регионе, ориентируясь на Сингапур и Эстонию. Беларусь же демонстрирует прагматичную гибридную модель: жесткое внутреннее регулирование при создании либеральных условий для IT-экспорта и уникальных пользовательских сервисов (ЕРИП). Армения использует интеллектуальный потенциал диаспоры для постепенной модернизации в соответствии с международными практиками, Кыргызстан наоборот пытается совершить цифровой прыжок в условиях ограниченных ресурсов, что приводит к неравномерности результатов.

Несмотря на различия, все страны движутся к модели «государства-платформы», где цифровые сервисы становятся бесшовными, проактивными и встроенными в повседневную жизнь. Россия, как крупнейшая экономика, задает технологические и регуляторные тренды, но Казахстан и Беларусь предлагают интересные альтернативные решения в области UX и платежных систем. Успех цифровой трансформации в ЕАЭС будет зависеть от способности сочетать суверенное регулирование с практической пользой для граждан и бизнеса.

Несмотря на различия в темпах и подходах, все страны ЕАЭС движутся к модели «электронного правосудия», что проявляется в ряде общих тенденций. Повсеместно создаются единые автоматизированные информационные системы, охватывающие полный цикл судебного делопроизводства. Происходит постепенный переход к «электронному делу» — формированию цифровых файлов, доступных сторонам онлайн. Важным направлением является интеграция судебных систем с другими государственными информационными ресурсами, что позволяет ускорить межведомственное взаимодействие. Активно развиваются сервисы онлайн-доступа для граждан, включая подачу исков, отслеживание движения дел и получение уведомлений. Обеспечение прозрачности правосудия достигается через публикацию судебных актов в открытом доступе и внедрение аудио- и видеофиксации заседаний. Страны-лидеры приступают к пилотному внедрению элементов искусственного интеллекта для анализа документов и помощи в подготовке судебных актов.

Перспективы развития цифровизации судебных систем в ЕАЭС связаны с углублением интеграционных процессов, унификацией подходов к электронному правосудию, обменом опытом между странами. Ключевыми задачами на будущее становятся преодоление цифрового неравенства, обеспечение кибербезопасности, повышение цифровой грамотности как граждан, так и судейского корпуса, а также гармонизация законодательства.

зация законодательства в сфере электронного правосудия на пространстве ЕАЭС для эффективного разрешения трансграничных споров.

Научный руководитель: **Т. В. Сысоева**,
кандидат юридических наук, доцент

Б. О. Михалев

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург

Трансформация юридической профессии под влиянием искусственного интеллекта: вызовы и модели адаптации для России и стран ЕАЭС

Ключевые слова: искусственный интеллект; ИИ; юридическая профессия; Евразийский экономический союз; ЕАЭС; правовое регулирование; юридическое образование.

Современный этап развития экономики и права государств — членов ЕАЭС характеризуется активным внедрением технологий искусственного интеллекта (ИИ). Цифровая повестка союза определяет этот процесс как фактор обеспечения глобальной конкурентоспособности. Однако анализ национальных стратегий и уровня цифрового развития стран-участниц демонстрирует отсутствие унифицированного подхода. Это формирует сложную правовую среду, предъявляющую новые требования к юридической профессии, которая традиционно отличается консервативностью¹.

Исследование показывает, что внедрение ИИ в юридическую практику выходит за рамки простой автоматизации рутинных операций и ведет к перераспределению профессиональных ролей. Функции технического исполнителя (поиск и первичный анализ судебной практики, подготовка шаблонной документации и т. д.) делегируются алгоритмам. Так, например сервис «Plevako.AI» позволяет за минуты структурировать доказательственную базу, а ИИ-ассистенты в договорной работе, обученные на большом объеме договоров, генерируют проекты документов за секунды². Это не упрощает профессиональную задачу: от юриста теперь требуются компетенции иного уровня — оценка машин-

---

¹ *Global Innovation Index 2025* // WIPO. — URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/index.html> (дата обращения: 10.03.2026).

² *От ручного документооборота – к ИИ-генерации контрактов* // РБК Компании. — 2026. — 2 марта. — URL: <https://companies.rbc.ru/news/vX1kASmu6K/ot-ruchnogo-dokumentooborota---k-ii-generatsii-kontraktov/> (дата обращения: 16.03.2026).

ных выводов, выявление скрытых рисков, проектирование сложных правовых конструкций и т. д.

На макроуровне трансформация проявляется в формировании новых правовых институтов. Экспериментальные правовые режимы («регуляторные песочницы») превращают юриста из пассивного интерпретатора норм в «соавтора» правотворчества, участвующего в эмпирической проверке новых правил. Развертывание цифровых платформ ЕАЭС (экосистема транспортных коридоров, система «Работа без границ») формирует запрос на специалистов, способных выстраивать юридически значимые конструкции, работоспособные одновременно в нескольких национальных юрисдикциях. Указанные изменения формируют новый портрет юриста будущего. Его компетенции структурируются в четыре группы:

- 1) технические (понимание принципов работы ИИ);
- 2) аналитические (критическое мышление, системный анализ);
- 3) этические (осознание ответственности за предвзятость алгоритмов и защиту приватности);
- 4) коммуникативные (способность к междисциплинарному диалогу с IT-специалистами).

Отмечается проблема «цифрового разрыва» между поколениями практикующих юристов, что требует дифференцированного подхода к повышению квалификации.

Анализ текущего состояния юридического образования в ЕАЭС выявляет структурные диспропорции. Россия выступает нетто-импортером образовательных услуг, однако встречные академические потоки и механизмы равноправного партнерства развиты недостаточно¹. Это создает риск «интеллектуального донорства» и препятствует формированию единого пространства подготовки кадров для цифровой экономики союза.

В качестве решения выявленных проблем в работе предлагаются взаимосвязанные меры. Во-первых, для сохранения антропоцентричности профессии предлагается закрепить принцип «человек в контуре принятия решений», при котором окончательные юридически значимые действия остаются исключительной прерогативой человека. Во-вторых, для преодоления фрагментарности правового пространства необходимо создание «Евразийского юридического стандарта». Например, на базе Евразийского сетевого университета предлагается разработать систему независимой сертификации и присвоения микроквалификаций («Цифровой юрист ЕАЭС»). В-третьих, для обеспечения технологического су-

---

¹ Ячменникова П. У России есть кому поучиться // Коммерсантъ. — 2026. — 3 февр. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8398867> (дата обращения: 13.03.2026).

веренитета предлагается создание Евразийской правовой информационной сети — распределенной инфраструктуры, объединяющей судебные акты и нормативную базу всех стран союза.

Таким образом, цифровая трансформация видоизменяет юридическую профессию, возвращая ее к сути — умению толковать право и принимать ответственные решения в условиях неопределенности. Предложенные меры могут сформировать экосистему: от подготовки специалиста нового типа и подтверждения его квалификации до обеспечения его работы с технологическими инструментами, созданными внутри ЕАЭС.

Научный руководитель: **В. С. Плетников**,
доктор юридических наук, профессор

Д. В. Мищенко, К. В. Тончинская

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
г. Новополоцк, Республика Беларусь

Ответственность за «галлюцинации» и клевету искусственного интеллекта

Ключевые слова: галлюцинации искусственного интеллекта; ответственность; субъект ответственности; технологическая нейтральность; клевета.

Стремительное внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) во все сферы общественной жизни является определяющей чертой современного этапа цифровой трансформации. Генеративные нейросети, способные создавать тексты, изображения и иной контент, максимально приближенный к результатам интеллектуальной деятельности человека, стали неотъемлемым инструментом в профессиональной деятельности юристов, журналистов, маркетологов и обычных пользователей. Однако наряду с огромным потенциалом, использование таких систем порождает принципиально новые правовые вызовы, к числу которых относится феномен «галлюцинаций» — генерации моделью фактуально неверной, вымышленной информации, подаваемой с высокой степенью достоверности.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, отсутствием в законодательстве Республики Беларусь и большинства зарубежных стран специальных норм, регулирующих ответственность за вред, причиненный распространением информации, сгенерированной ИИ.

Во-вторых, ростом числа судебных споров за рубежом (особенно в США), связанных с использованием «галлюцинирующих» нейросетей в юридической практике и публичном пространстве, что требует осмысления для выработки национальных подходов.

В-третьих, необходимостью теоретического осмысления пределов применения принципа технологической нейтральности к феномену, который сами исследователи характеризуют как источник «эпистемической нестабильности».

Наконец, потребностью в выработке практических рекомендаций по распределению ответственности между разработчиками, владельцами и пользователями систем ИИ, а также определению роли человека в цепи «галлюцинации — распространение — причинение вреда».

В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1) галлюцинации ИИ — не технический сбой, а свойство генеративных нейросетей, обусловленное их статистической природой: модели оперируют правдоподобием, а не истиной;

2) нейросеть не способна дифференцировать достоверность утверждений, так как лишена сознания; ложь подается ею в той же безапелляционной манере, что и истина;

3) галлюцинации — следствие решений разработчика на этапе проектирования: от выбора данных до настройки гиперпараметров модели;

4) возникает «разрыв ответственности»: вред причинен, но традиционные механизмы установления вины дают сбой, поскольку не рассчитаны на автономный характер работы алгоритмов;

5) информационная ошибка не является дефектом товара в классическом понимании, что затрудняет применение норм о качестве продукции;

6) концепция «электронного лица» преждевременна: ИИ не обладает экономической самостоятельностью и волей в юридическом смысле;

7) наиболее реалистична распределенная ответственность: разработчик отвечает за архитектуру, пользователь — за некритичное доверие к контенту;

8) маркировка «сделано с использованием ИИ» предупреждает о потенциальной недостоверности и возлагает на распространителя бремя верификации;

9) стэнфордский подход переводит проблему в плоскость управления системными рисками: эпистемическая нестабильность и эффекты социального масштаба;

10) принцип технологической нейтральности вступает в противоречие с необходимостью учета специфики «галлюцинаций» как уникального феномена;

11) в Беларуси принцип технологической нейтральности не закреплён законодательно, что создает правовую неопределенность;

12) оговорка в определении нейтральности позволяет применять специальные меры против дестабилизирующего влияния массовых галлюцинаций;

13) белорусское законодательство об ИИ фрагментарно: стратегии есть, комплексного механизма ответственности нет;

14) статья 964 ГК может применяться к разработчикам, но требует адаптации с учетом специфики галлюцинаций;

15) риск-ориентированный подход: для высокорисковых систем — безвиновная ответственность и страхование, для низкорисковых — общие принципы;

16) роль пользователя варьируется от полной ответственности за умысел до минимальной при соблюдении мер предосторожности;

17) профессиональный оператор обязан верифицировать контент; ссылка на ошибку алгоритма не освобождает от ответственности;

18) опыт США наиболее релевантен: бремя проверки достоверности информации лежит на пользователе, даже при отсутствии умысла;

19) европейский подход требует сохранения человеческого контроля и возложения ответственности на оператора;

20) противодействие дестабилизации информационной среды требует не только правовых мер (маркировка, страхование), но и изменения культуры обращения с информацией, созданной ИИ.

Научный руководитель: **В. А. Богоненко**,
кандидат юридических наук, доцент

А. В. Невьянцева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Цифровые правонарушения в России и странах ЕАЭС: сравнительная характеристика видов и ответственности

Ключевые слова: цифровые правонарушения; киберпреступность; информационная безопасность; ЕАЭС; гармонизация законодательства.

Конкурсная работа посвящена сравнительному анализу видов цифровых правонарушений и мер ответственности за их совершение в России и странах ЕАЭС. Актуальность исследования обосновывается ростом киберпреступности и трансграничным характером цифровых

угроз, требующим гармонизации законодательства государств — членов ЕАЭС.

Главная цель работы заключается в анализе правонарушений в сфере цифровой безопасности, выявлении проблем их квалификации в Российской Федерации и разработке рекомендаций по совершенствованию законодательства с учетом опыта стран ЕАЭС.

В первой главе раскрываются теоретико-правовые основы противодействия цифровым правонарушениям. Анализируется нормативно-правовая база Российской Федерации. Ключевым результатом главы является детальный анализ юридического состава правонарушения в цифровой среде на примере ст. 272 УК РФ.

Во второй главе исследуются актуальные проблемы квалификации цифровых правонарушений в Российской Федерации: отсутствие четкого определения электронных доказательств; высокий уровень латентности; сложность доступа к зашифрованной информации; неопределенность в квалификации хищений криптовалюты. Центральное место занимает сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства РФ и стран ЕАЭС. Выявлены существенные различия:

1) в Казахстане и Кыргызстане с 2025 г. введены специальные составы преступлений за дропперство (использование подставных лиц для вывода похищенных средств), в то время как в Российской Федерации такая ответственность отсутствует;

2) Армения демонстрирует наиболее прогрессивный подход к регулированию криптовалют: закон «О криптоактивах» устанавливает лицензирование криптобирж Центральным банком;

3) Беларусь предусматривает наиболее строгие санкции (до 12 лет лишения свободы) и пониженный возраст уголовной ответственности (с 14 лет) за отдельные виды киберпреступлений.

Выявленные различия подтверждают основную проблему исследования: отсутствие единообразного подхода к правовому регулированию цифровых правонарушений в странах ЕАЭС создает «правовые дыры», позволяющие преступникам использовать различия в национальных законодательствах с целью уклонения от ответственности.

Третья глава посвящена направлениям совершенствования правового регулирования противодействия цифровым правонарушениям в Российской Федерации на основе выявленной проблематики и положительного опыта стран ЕАЭС. Основное внимание уделяется гармонизации законодательства и внедрению конкретных мер, в частности, предлагаем:

1) ввести уголовную ответственность за дропперство как самостоятельное деяние, используя положительный опыт Казахстана и Кыргызстана;

2) определить правовой статус криптовалюты как предмета преступления с учетом опыта Армении;

3) законодательно закрепить понятие и порядок работы с электронными доказательствами в Уголовно-процессуальном кодексе РФ;

4) криминализировать автоматизированную обработку персональных данных (в развитие законопроекта № 1133088-8 от 27 января 2026 г.) для противодействия созданию дипфейков и иным формам незаконного использования цифрового образа гражданина;

5) развивать договорно-правовую базу сотрудничества в рамках ЕАЭС;

6) повышать цифровую грамотность населения и специалистов через образовательные программы и курсы повышения квалификации для сотрудников правоохранительных органов.

Данные рекомендации направлены на создание эффективной системы противодействия цифровым правонарушениям, обеспечивающей защиту прав граждан, интересов общества и государства в условиях цифровой трансформации, а также на укрепление доверия к цифровой среде и устойчивое развитие цифровой экономики Российской Федерации в рамках интеграционных процессов ЕАЭС.

Научный руководитель: **Е. В. Елфимова**,
кандидат юридических наук, доцент

Н. Д. Суханова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Правовое регулирование дипфейков в Российской Федерации и странах Евразийского экономического союза

Ключевые слова: цифровизация; искусственный интеллект; дипфейк; биометрические персональные данные.

Стремительное развитие и интеграция в повседневную жизнь технологий искусственного интеллекта обусловили появление дипфейков — синтезированного контента с высоким уровнем реалистичности, имитирующего внешность и голос реальных людей. Одновременно с этим появляются серьезные вызовы для правопорядка, зачастую имеющие трансграничный характер.

Фундаментальным нормативно-правовым актом, регулирующим дипфейки в РФ, является ГК РФ. Так, ст. 152.1 регулирует использование изображения человека. Статья 152 ГК РФ позволяет требовать опровержения порочащих сведений и возмещения морального вреда в слу-

чае, если дипфейк используется для дискредитации личности. В соответствии со ст. 1228 ГК РФ гражданин, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности, признается автором этого результата. Данное положение распространяется и на произведения, созданные с помощью технологии «дипфейк». Защита биометрических персональных данных регламентирована в ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», из чего следует, что дипфейки, созданные путем обработки биометрии человека, могут быть сгенерированы только с его согласия. Административное и уголовное законодательства РФ не содержат положений, посвященных регулированию дипфейков: КоАП РФ и УК РФ предусматривают ответственность лишь за «традиционные» составы правонарушений (например, мошенничество, клевета, оскорбление и т. д.). Таким образом, правоприменение в сфере создания и распространения дипфейков представляется достаточно затруднительным в силу отсутствия законодательных актов, прямо предусматривающих положения, регламентирующие правоотношения, связанные с дипфейками, а также основных терминов и понятий, необходимых для четкого и единообразного правоприменения.

В свою очередь, нормативно-правовое регулирование дипфейков в странах ЕАЭС имеет как общие черты, так и существенные различия. Общим для всех государств — членов ЕАЭС является наличие в гражданских кодексах норм, предоставляющих лицу право требовать опровержения порочащих сведений и компенсации морального вреда. Данные нормы создают фундаментальную основу для защиты прав пострадавших от дипфейков независимо от привлечения нарушителя к уголовной ответственности.

Сравнительный анализ, проведенный в исследовании, позволяет выделить три принципиально различные модели нормативного регулирования дипфейков, реализованные в государствах — членах ЕАЭС. Первая модель — фрагментарное регулирование на основе общих норм при отсутствии специальных законов (Россия, Армения, Беларусь). Вторая модель — специализированное регулирование на основе закона об искусственном интеллекте (Казахстан)¹. Третья модель — комплексное кодифицированное регулирование (Киргизия)².

Резюмируя проведенный анализ, стоит отметить, что нормативно-правовая база государств — членов ЕАЭС, регулирующая оборот дипфейков, преимущественно характеризуется бессистемностью и разрозненностью правовых норм, вследствие чего возникают препятствия

---

¹ *Об искусственном интеллекте*: закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 г. № 230-VIII.

² *Цифровой кодекс* Киргизской Республики от 31 июля 2025 г. № 178.

для правового воздействия на данную сферу. Совершенствование правовых механизмов способно создать основу для повышения уровня безопасности пользователей и формирования четких условий для создания и использования дипфейков как в Российской Федерации, так и в других государствах — членах ЕАЭС.

Научный руководитель: **Т. В. Сысоева**,
кандидат юридических наук, доцент

Д. А. Худокормова, В. С. Ушкова, А. Ф. Мирзоева
Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, г. Орел

Гражданско-правовое регулирование деятельности цифровых платформ на трансграничном рынке ЕАЭС

Ключевые слова: гражданско-правовое регулирование; цифровые платформы; Евразийский экономический союз; электронные сделки.

В представленной научно-исследовательской работе рассматривается одна из наиболее актуальных проблем современного юридического права — трансформация гражданско-правового регулирования в условиях активного развития цифровой экономики и усиления роли цифровых платформ в трансграничных отношениях. Авторы обосновывают, что цифровые платформы сегодня выступают не просто техническими посредниками, а полноценными участниками экономических отношений. Они формируют новые модели взаимодействия между участниками правоотношений, что требует переосмысления традиционных правовых подходов и приведения законодательства к новым реалиям.

В работе отмечается, что цифровые платформы способствуют развитию торговли, конкуренции и интеграционных процессов между пользователями из разных государств в рамках Евразийского экономического союза. Однако действующее гражданское законодательство стран ЕАЭС не в полной мере учитывает особенности платформенной деятельности. Это порождает правовую неопределенность, особенно в вопросах определения статуса самих платформ, распределения ответственности и защиты прав участников цифровых отношений. В результате возникает острая необходимость в выработке единых подходов к регулированию, способных обеспечить эффективное функционирование общего цифрового рынка.

Авторы также подчеркивают трансграничный характер цифровых платформ как один из ключевых вызовов для правовой системы. Дея-

тельность платформ одновременно в нескольких юрисдикциях вступает в противоречие с традиционным территориальным принципом действия права, что усложняет применение национальных норм и требует согласования правовых подходов на наднациональном уровне. В условиях ЕАЭС данная проблема усложняется отсутствием единого цифрового правового пространства и различиями в регулировании между государствами-участниками.

Важным аспектом исследования является анализ правового вакуума, возникающего вследствие отставания законодательства от темпов технологического развития. Авторы отмечают, что многие цифровые процессы, включая алгоритмическое принятие решений и обработку больших данных, либо недостаточно урегулированы, либо регулируются фрагментарно. Именно это, в свою очередь, снижает уровень правовой определенности и увеличивает риски нарушения прав субъектов, особенно в условиях автоматизации.

Одна из частей работы посвящена форсайт-исследованию будущего правового регулирования, где рассматриваются такие концепции, как квантовое право, гибридные правовые системы и цифровые кодексы. Развитие квантовых технологий может кардинально видоизменить подходы к защите информации и юридической ответственности, что требует разработки нового нормативного регулирования. Одновременно с этим формируется тенденция к объединению права и технологий. Так, программный код начинает выполнять регулятивные функции, а правовые нормы внедряются в цифровые системы.

Особое значение придается идее создания цифрового кодекса, который мог бы систематизировать нормы, регулирующие цифровую среду, и обеспечить единый подход к регулированию новых общественных отношений.

В заключение авторы приходят к выводу, что эффективное развитие цифровой экономики и трансграничных платформенных отношений возможно только при условии формирования измененной модели правового регулирования. Такая модель должна основываться на принципах равенства, доступности и ответственности, обеспечивая баланс между инновациями и защитой прав личности. Только при соблюдении этих условий цифровизация сможет стать не источником новых рисков, а фактором устойчивого развития правовой системы и интеграционного пространства ЕАЭС.

Научный руководитель: **С. В. Мельник**,
кандидат юридических наук, доцент

А. А. Шихирева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

**Регуляторные «песочницы» для финтех:
инновации в эпоху цифровизации
(сравнительный анализ практики
Евразийского экономического союза
на примере Кыргызской Республики)**

Ключевые слова: регуляторная песочница; экспериментальный правовой режим; финтех; адаптивное регулирование; сравнительный анализ.

В работе рассматриваются теоретические основы концепции регуляторных «песочниц», их сущностные признаки и многоуровневые цели внедрения. Особое внимание уделяется анализу эволюции международных подходов на примере Великобритании (эталонная модель), Сингапура (многоуровневая модель) и ряда европейских стран (Литва, Дания, Мальта).

Основной фокус исследования направлен на сравнительный анализ моделей регулирования и формирующейся судебной практики двух государств — членов ЕАЭС — Российской Федерации и Кыргызской Республики. Выявлены существенные различия в подходах к институционализации: от централизованной и формализованной модели в России до начального этапа формирования и опоры на дискреционные полномочия регулятора в Кыргызстане. Автором констатируется латентный (скрытый) этап формирования судебной практики в обеих странах, анализируются косвенные споры и прогнозируются потенциальные категории дел, связанных с функционированием экспериментальных правовых режимов.

Научная новизна работы заключается в комплексном сопоставлении правовых норм и прогнозировании развития судебной практики.

Практическая значимость выражается в разработке рекомендаций для Кыргызской Республики по поэтапной адаптации лучших мировых практик с акцентом на прозрачность критериев отбора, защиту прав потребителей, международную кооперацию и подготовку кадров.

Научный руководитель: **Т. В. Сысоева**,
кандидат юридических наук, доцент

ТОЧКА КИПЕНИЯ: АНАЛИТИКА, ЭКСПЕРТИЗА, АУДИТ

Международный конкурс научно-исследовательских инсайт-проектов

С. Е. Аверин

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Общественная безопасность в цифровой среде: роль российского национального мессенджера «Макс» в противодействии мошенничеству и киберугрозам

Ключевые слова: общественная безопасность; информационная безопасность; киберугроза; мессенджер; социальная инженерия; «Макс»; цифровой суверенитет.

В эпоху цифровой трансформации понятие общественной безопасности претерпевает фундаментальные изменения. Традиционное понимание безопасности как защиты государственного суверенитета дополняется новыми измерениями, среди которых информационная безопасность. Согласно Доктрине информационной безопасности РФ, под ней понимается состояние защищенности личности, общества и государства от информационных угроз, обеспечивающее реализацию конституционных прав и свобод граждан¹.

В настоящее время мессенджеры стали каналом проникновения новых угроз в повседневную жизнь. Ущерб от кибермошенников измеряется сотнями миллиардов рублей.

Анализ киберугроз позволяет выделить три основные категории. Первая — методы социальной инженерии: претекстинг, фишинг, схема Fake Boss. Во II квартале 2025 г. только в Telegram зафиксировано более 100 таких атак, причем каждая десятая сопровождалась использованием дипфейков. Вторая категория — распространение вредоносного про-

---

¹ *Доктрина* информационной безопасности Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646.

граммного обеспечения. Троянец Mamont, перехватывающий SMS-подтверждения от банков, в 2025 г. увеличил число заражений в десятки раз, а троян NFCCGate позволяет красть данные банковских карт. Третья категория — деструктивный контент и вербовка. По данным МВД, количество преступлений с использованием цифровых технологий в 2024 г. достигло 765 тыс., увеличившись более чем на 13 %¹.

В ответ на эти вызовы государство формирует систему нормативно-правового регулирования. Базовым элементом выступает институт организаторов распространения информации, закрепленный в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Далее запрет на использование иностранных мессенджеров для государственных органов, банков, операторов связи, установленный Федеральным законом от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Параллельно создается правовая база для национального мессенджера «Макс», Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вводит понятие цифрового ID — электронного аналога документов, приравнивая его к физическому.

Архитектура безопасности «Макс» строится на иных подходах по сравнению с зарубежными аналогами. Вся серверная инфраструктура размещена в России, что исключает трансграничные утечки. Интеграция с «Госуслугами» через цифровой ID позволяет верифицировать аккаунты, делая создание фейковых профилей госведомств невозможным. Круглосуточный Центр безопасности работает по гибридной модели: нейросетевые фильтры выявляют аномальную активность, сложные случаи передаются модераторам. Скорость реакции на жалобы — 3–5 мин, тогда как в зарубежных платформах она может растягиваться на сутки. Эффективность подтверждается цифрами: к концу 2025 г. ежедневная аудитория «Макс» достигла 46 млн чел., заблокировано 700 тыс. подозрительных аккаунтов, удалено более миллиона вредоносных файлов, предотвращено хищение на сумму свыше 300 млн р.²

---

¹ Тельманов Д. Киберпреступления в России достигли пика с 2020 г. // Взгляд. — 2025. — 27 янв. — URL: <https://vz.ru/news/2025/1/27/1310949.html> (дата обращения: 08.04.2026).

² 40 задержанных мошенников и 700 заблокированных аккаунтов — мессенджер MAX опубликовал итоги 2025 г. // Russian Business. — 2025. — 25 дек. — URL: <https://rb.ru/news/40-zaderzhannyh-moshennikov-i-700-zablokirovannyh-akkauntov-messendzher-max-opublikoval-itogi-2025-goda/> (дата обращения: 08.04.2026).

Однако у любой системы есть уязвимости. Интеграция с порталом «Госуслуги» создает эффект «замкнутого контура безопасности»: ком-прометация учетной записи на портале влечет захват аккаунта в мес-сенджере и всех связанных сервисов. Согласно исследованиям, 57 % пользователей сомневаются в своей способности защитить устройства, а 20 % не знают, что такое дипфейк. Растет число успешных кибератак на госучреждения — их доля 21 %¹. Дефицит прозрачности криптографических протоколов порождает недоверие экспертного сообщества. Наибольшую неуверенность в вопросах кибербезопасности проявляют пенсионеры и жители малых городов — до 70 %. Риски технологической монополии требуют осмысления: массовые атаки составляют пятую часть от общего числа успешных кибератак.

Для решения проблем требуется комплексный подход. Технические решения — внедрение дополнительных уровней аутентификации для особо значимых действий (биометрические ключи и пр.), проактивное оповещение о подозрительной активности. Для повышения доверия экспертного сообщества — публикация отчетов об устраненных уязвимостях. Социально-психологические барьеры преодолеваются вовлечением авторитетных лидеров, их мнений и встраиванием элементов цифрового просвещения непосредственно в интерфейс. Для снижения монопольных рисков — стимулирование развития альтернативных защищенных платформ, совместимых с «Макс» на уровне протоколов обмена данными.

Таким образом, национальный мессенджер представляет собой качественно иной уровень защищенной коммуникации, достижимый только при тесном взаимодействии разработчика, государства и правоохранительных органов. Реализация этого потенциала требует системной работы по повышению цифровой грамотности населения и сохранению баланса между безопасностью и удобством, государственным контролем и приватностью.

Научный руководитель: **Г. М. Морозова**,
кандидат педагогических наук

---

¹ Вяткина А., Осипова А. Актуальные киберугрозы: I–II кварталы 2025 г. // Positive technologies. — 2025. — 28 авг. — URL: <https://ptsecurity.com/research/analytics/aktual-nye-kiberugrozy-i-ii-kvartaly-2025-goda/> (дата обращения: 08.04.2026).

Д. А. Афонина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

Реклама как способ формирования ценностей молодого поколения

Ключевые слова: рекламная деятельность; воспитание; формирование ценностей.

Современные рекламные продукты направлены на решение широкого спектра задач: от собственно продажи товара до формирования картины мира потребителя. Реклама становится определенного рода регулятором, определяющим интерес потребителей, что формирует условия для роста спроса на конкретные товары и услуги. Проблема в данном аспекте связана с тем, что рекламопроизводитель, выполняя собственные задачи по продвижению, не задумывается о последствиях. Одним из современных направлений рекламной индустрии выступает подход, при котором бренд продает не сам товар, а связанную с ним систему ценностей, эмоций и стиль жизни. Продукт становится неотъемлемой частью идеальной реальности, в которой хочет оказаться потребитель, включая не только материальные признаки, но и ценностные установки. Так, сформировав определенный «мир» потребителя, бренды могут управлять потребностями людей не только в их профессиональной сфере, но и за ее пределами. Получается, что в контексте ценностной системы от отраслевых интересов легко можно перейти к политическим.

В современных исследованиях реклама все чаще ставится на одну ступень с пропагандой и агитацией [7], что, безусловно, является обоснованным. Создание благодаря рекламным инструментам «псевдореальности» формирует условия для изменения восприятия реальных отношений [3]. Проблема представляется достаточно серьезной, так как правовое регулирование ценностных вопросов относится преимущественно к характеристикам социальной рекламы, которая имеет свои особенности [1].

В связи с этим необходимо изменить подход к созданию рекламных продуктов и их контролю. При этом важно, чтобы ограничения не стали барьером в развитии индустрии.

Первым вопросом является необходимость оптимизации действующего законодательства с учетом меняющихся задач по контролю содержания рекламных продуктов. Необходимо обратить внимание на роль социальной рекламы в формировании ценностей молодых людей

[4; 5]. К социальной рекламе традиционно обращаются достаточно редко, однако это достаточно мощный инструмент воздействия на широкие массы людей. При этом социальная реклама должна соответствовать современным требованиям к актуальной коммуникации. Нет смысла запускать устаревшие методы или использовать невостребованные инструменты. К этому процессу стоит привлекать «лидеров мнений», использовать Интернет-пространство и пр. Однако именно в этом ключе и требуется актуализация законодательства, в частности, по вопросам рекламной деятельности блогеров. Последние изменения в этом направлении больше направлены на характер маркировки, нежели содержательную направленность сообщения.

Вторым базовым блоком должна стать особая подготовка в сфере рекламы. В данном случае следует оценивать рекламу не только как компонент маркетинга, но и как элемент просветительской деятельности. Стоит согласиться с мнением о том, что, как и педагог ответственен за результат сформированности системы взглядов обучающегося [6], так и создатель рекламы ответственен за мировоззрение потребителя. Стоит отметить позитивную тенденцию по продвижению русского языка как национального в рамках именно распространения национальных ценностей [2]. Необходимо формировать компетентный и правильный подход к созданию рекламных продуктов на основе ценностного поля нашего государства, изучать опыт работы наших представителей индустрии, а не исключительно зарубежный.

Третий компонент — оценка результата должна быть достаточно широкой. Требуется расширить количество профессиональных организаций, отвечающих за саморегулирование рекламного рынка. Работа ФАС РФ часто оценивается неоднозначно и может вызывать несогласие, внутренний же контроль представителями самой отрасли будет повышать авторитет решений и формировать более внимательное отношение к качественным характеристикам продукта. Необходимо расширить вовлеченность общественности с расширением обсуждений по этому поводу.

Таким образом, только сочетание усилий государства, профессионального сообщества и общественности сможет обеспечить создание не только качественного рекламного продукта, но и адекватного ценностно направленного контента для молодых людей, которые во многом воспринимают мир через призму маркетингового контента.

Библиографический список

1. Баркова Д. М., Громова Н. С. Проблемы правового регулирования рекламной деятельности в Российской Федерации: согласование публичных и частных интересов // Проблемы взаимодействия публичного и частного

права при регулировании экономических отношений: материалы VI Междуна-
р. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16 мая 2023 г.). — Екатеринбург:
УрГЭУ, 2023. — С. 7–12.

2. Бузданова М. О., Олина А. И., Рузавина У. В., Стеньковская Я. О. Язык
рекламы в цифровой среде: способы репрезентации национальных ценностей
// Родной язык и культура в цифровой вселенной: сб. науч. ст. по материалам
II Междуна- р. науч.-практ. конф. студентов и школьников (Саранск, 2 октября
2025 г.): в 2 ч. — Саранск: МГПУ, 2025. — Ч. 1. — С. 291–297.

3. Вербин А. А. Общество псевдореальности: монография. — 2-е изд. —
СПб.: СПбГУПТД, 2025. — 153 с.

4. Герейханова И. А., Абдулмуталимова Х. Ш. Социальная реклама как
инструмент продвижения традиционных ценностей // Актуальные проблемы
социально-политических коммуникаций в современном обществе: сб. ст. по
материалам междуна- р. форума (Пятигорск, 27–28 марта 2025 г.). — М.: Изд.
дом КДУ, 2025. — С. 43–48.

5. Иванишко А. М. Семейные ценности в социальной рекламе: эффектив-
ность сценариев репрезентации // Человек. Культура. Общество: материалы
XV Междуна- р. науч.-практ. конф. (Пенза, 17–18 апреля 2025 г.). — Пенза:
ПГУ, 2025. — С. 162–165.

6. Иванова С. В. Роль педагога в организации образовательного процесса
в контексте подготовки специалистов нового типа // Право, политика, управле-
ние: риски в условиях суверенизации экономики: материалы IV Всерос. науч.-
практ. конф. (Екатеринбург, 9 октября 2025 г.). — Екатеринбург: УрГЭУ, 2026.
— С. 58–62.

7. Осипова М. А., Сайганова Е. В. Типы коммуникативных технологий
и их влияние на молодежь (пропаганда, агитация, манипуляция, рекламная тех-
нология) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических
наук. — 2025. — № 4 (114). — С. 133–135.

У. А. Блюденева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Судебная экспертиза в области патентного права

Ключевые слова: судебная патентная экспертиза; патентное право; интеллектуальная
собственность; экспертное заключение.

В условиях технологического развития, включая внедрение ис-
кусственного интеллекта, возрастает значение соблюдения норм па-
тентного права. Интеллектуальная собственность становится важней-
шим нематериальным активом бизнеса, а судебная патентная экс-
пертиза — необходимым инструментом разрешения споров. Ее задача со-

стоит в установлении наличия или отсутствия нарушения прав на интеллектуальную собственность¹.

Особенность судебной патентной экспертизы в том, что она находится на стыке права и техники. Эксперт сопоставляет не материальные объекты, а признаки, закрепленные в патентной формуле, и оценивает их по критериям новизны, изобретательского уровня и промышленной применимости. Кроме того, он работает со сложными объектами, включая механизмы, программное обеспечение и химические вещества, а также анализирует позиции сторон и мнения патентных поверенных². Патентный эксперт выступает связующим звеном между юридической конструкцией патента и реальным продуктом. При этом особенно важно правильно формулировать вопросы эксперту. Он вправе отвечать только на технические вопросы: например, содержит ли изделие признаки независимого пункта формулы патента, является ли определенный признак эквивалентным, был ли он известен до даты приоритета. Вопросы о том, нарушен ли патент, является ли товар контрафактным или должен ли патент быть признан недействительным, относятся уже к компетенции суда.

Заключение эксперта оценивается судом наряду с другими доказательствами и при необходимости может быть проверено через дополнительную или повторную экспертизу. В этой связи можно выделить три основных риска: смешение технической и правовой оценки, превращение эксперта в носителя значимой информации и подмену независимой экспертизы позицией одной из сторон. Современный патентный процесс требует строгого разграничения между независимым специальным знанием и заинтересованным мнением.

Это особенно наглядно видно в деле *Bombardier Recreational Products Inc. v. Arctic Cat Inc.* (2018 FCA 172)³. В споре производителей снегоходов ключевым стал вопрос о техническом понимании конструкции. Суд первой инстанции опирался на заключение эксперта с общим машиностроительным образованием, но без профильного опыта в сфере снегоходов, и пришел к выводу об отсутствии нарушения патента. Фе-

---

¹ Судебная патентная экспертиза // Юридическая фирма «АйПиПро». — URL: <https://www.ippro.ru/abouts/root/sudebnaya-patentnaya-ekspertiza/> (дата обращения: 01.03.2026).

² Как обратиться в Суд по интеллектуальным правам // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ». — 2025. — 30 окт. — URL: <https://www.garant.ru/gardium/guide/sip-sud-po-intellektualnym-pravam/> (дата обращения: 30.03.2026).

³ *Bombardier Recreational Products Inc. v. Arctic Cat Inc.*: решение Федерального апелляционного суда Канады от 29 июня 2018 г. № 2018 FCA 125 // CanLII. — URL: <https://www.canlii.org/en/ca/fca/doc/2018/2018fca125/2018fca125.html> (дата обращения: 30.03.2026).

деральный апелляционный суд Канады отменил это решение, указав, что квалификация эксперта должна соответствовать уровню специалиста именно в данной области техники, person of ordinary skill in the art (POSITA).

Таким образом, судебная патентная экспертиза незаменима для установления технических обстоятельств в патентных спорах. Однако ее эффективность возможна только при четком разграничении функций суда и эксперта: суд применяет право, а эксперт дает специальные технические знания. Только при таком подходе экспертиза действительно способствует справедливому разрешению патентного спора.

Научный руководитель: **Ю. Д. Ощепкова**

А. А. Буц

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Регулирование демографии как проблема мировой политики

Ключевые слова: демография; демографическая политика; регулирование демографии.

В настоящее время, по данным Отдела народонаселения ООН, население планеты составляет 8,28 млрд чел. при годовом приросте 0,82 %. К 2059 г. ожидается увеличение населения до 9,7 млрд, в то время как коэффициент рождаемости продолжает снижаться [4].

Регулирование демографии является проблемой, требующей внимания мировой политики. Государства проводят демографическую политику, направленную на управление демографическими процессами в стране или регионе.

Теоретические идеи регулирования мировой демографии заложены в XIX веке Т. Мальтусом в его работе «Опыт о законе народонаселения», где автор утверждал, что население планеты увеличивается быстрее роста возможностей продовольственного обеспечения и предлагал способы урегулирования численности населения (отказ от брака при низком материальном цензе, недопущение внебрачного деторождения и пр.). М. Сэнглер обратила внимание на необходимость регулирования рождаемости. А. Сови предложил теорию оптимального роста населения [3].

Актуальность исследования определяется необходимостью совершенствования регулирования демографии в условиях растущего глобального дисбаланса.

Каждое государство применяет собственные меры в сфере демографии с учетом национальных особенностей, экономического развития и других факторов [2]. Например, в Индии проводятся программы по стимулированию планирования семьи и пропаганде стерилизации, а в Германии, наоборот, государство поощряет рождаемость и осуществляет поддержку семей: предлагая родительские пособия, льготы по налогам для семей с детьми и пр.

Выделяют три типа демографической политики государств: стимулирующая, ограничительная, нейтральная [1].

В области регулирования демографии разработаны и внедряются международные программы: в 1969 г. создан фонд ООН, функционирующий в области народонаселения; в 1997 г. в Бухаресте была разработана и охватила более 100 стран Всемирная программа в области народонаселения, включающая порядка 1 400 проектов.

В мировой демографии существуют проблемы, затрагивающие разные страны (стремительный рост ведет к перенаселению, снижение рождаемости, старение, миграция) и имеющие различные последствия для общества (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Последствия мировых демографических проблем

Проблема	Последствие
Стремительный рост населения	Давление на экономику и социальное напряжение
Снижение рождаемости	Проблема ограниченности трудовых ресурсов
Старение населения	Рост расходов на здравоохранение, социальное и пенсионное обеспечение
Миграция	Межнациональные проблемы

Решение проблем мировой демографии осуществляется через комплексный подход, который включает законодательные меры, социальные программы и экономические меры, а также международное сотрудничество.

В настоящее время наблюдаются две демографические тенденции: экономический бум (в развивающихся странах) и экономический кризис (в развитых странах) (табл. 2).

Данные табл. 2 подтверждают факт наличия в развитых странах мира устойчивой тенденции естественной убыли населения, а в развивающихся — роста населения. При этом, в развивающихся странах отмечается низкий, либо миграционный прирост в то время, как в развитых странах — положительный.

Т а б л и ц а 2

Показатели естественного прироста стран

Год	Естественный прирост, %	
	Развитые страны	Развивающиеся страны
2015	-1,8	5,6
2020	-1,1	12,6
2025	-6,0	31,9
2025 к 2015, %	33	57

Регулирование проблем мировой демографии необходимо осуществлять с учетом демографической ситуации стран (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Меры регулирования демографии в развитых и развивающихся странах

Меры	В развитых странах (с депопуляцией населения)	В развивающихся странах (с демографическим бумом)
Законодательные	Совершенствование законодательства в сфере поддержки семей с детьми, решение жилищных вопросов многодетных семей и пр.	Законодательное повышение брачного возраста; плановое деторождение; создание госорганов, занимающихся вопросами планового рождения детей в стране
Социальные	Предоставление детских пособий, обеспечение детсадами и школами	Ослабление религиозных традиций, препятствующих ограничению демографии
Экономические	Снижение налоговой нагрузки семей с детьми, поддержка	Поддержка малодетных семей и добровольной стерилизации
Информативные	Пропаганда традиционных ценностей и стимулирование рождаемости	Половое образование молодежи, популяризация контрацептивов в СМИ

Таким образом, в современный период глобализации мировому обществу целесообразно применять политику сглаживания демографических перекосов между группами стран.

Библиографический список

1. Антонова Н. Л. Демография: учеб.-метод. пособие. — М.: Изд-во Урал. ун-та, 2014. — 154 с.
2. Морозова Г. М. Мировая экономика: учеб.-метод. пособие. — Шадринск: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2009. — 110 с.
3. Соловьева Е. С. Регулирование рождаемости как проблема мировой политики // Известия Алтайского государственного университета. — 2011. — № 4-1 (72). — С. 269–272.

4. Царикаев А. Т., Цогоева М. И. Демографическая проблема и пути ее решения в мировой экономике // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. — 2022. — Т. 17, № 4. — С. 1955–1961.

Научный руководитель: **А. В. Курдюмов**,
кандидат экономических наук, доцент

П. В. Гребенкина

Уральский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург

Слактивизм как помеха эффективной коммуникации между властью и обществом на примере г. Екатеринбурга

Ключевые слова: слактивизм; цифровые технологии; имитация активности; гражданское общество.

Слактивизм (от англ. «ленивая активность») — это активность в цифровой среде, использующая готовые шаблоны (лайки, репосты), требующие минимальных усилий, но создающие иллюзию участия.

Ключевой фигурой в критике слактивизма является Е. Морозов [2]. Он считает, что цифровые технологии создают опасную иллюзию: пользователь воспринимает «лайк» или онлайн-петицию как полноценное политическое действие. Это не только не решает проблем, но и демобилизует людей, отвлекая от реальных, но более затратных форм участия. Также, из-за того, что любой человек, не имеющий соответствующей квалификации, может выкладывать «посты» социально-политического характера, повестку начинает задавать наиболее шумная и инфантильная часть населения, которая не готова отвечать за последствия своих идей. Примером может послужить: в 2009 г. датский психолог создал группу в защиту фонтана в Копенгагене, которому ничего не угрожало. За две недели группа выросла со 126 до 27 500 участников, но никто не проверил информацию и не предпринял реальных действий.

Таким образом, несмотря на низкую вовлеченность и ориентацию на самовыражение, слактивизм нельзя полностью сводить к имитации активности — он выполняет сигнальную функцию, что не позволяет дать ему однозначную оценку.

На примере нескольких городских конфликтов в Екатеринбурге выявлены различные проявления слактивизма как барьера для продуктивного диалога.

К примеру, в случае с вырубкой березовой рощи в Академическом районе петиция на Change.org собрала 15 000 подписей, однако на ре-

альный митинг вышли лишь 500 чел.¹ Данная диспропорция привела к двум последствиям: во-первых, произошла девальвация петиционного жанра, поскольку для администрации физическое присутствие людей является измеримым показателем, требующим реакции, тогда как онлайн-подписи воспринимаются как результат простого клика без готовности к реальным действиям; во-вторых, ослабла переговорная позиция активистов, которые не могут апеллировать к 15 000 «поддержавших», так как те отдали им лишь цифровой голос, но не физическое присутствие.

Ситуация со сносом бывшего памятника архитектуры на ул. Розы Люксембург, 8–10 характеризовалась высоким уровнем эмоционального возмущения в социальных сетях, однако конструктивная критика, основанная на экспертизе, практически отсутствовала². Слактивизм здесь проявился в двух формах: широкий резонанс оказался поверхностным, поскольку дискуссия свелась к эмоциональным оценкам вместо обсуждения ценности объекта и законности сноса, а отсутствие экспертного участия позволило власти игнорировать претензии как некомпетентные.

Анализ показывает, что в рассмотренных случаях слактивизм выполнял функцию коммуникативного фильтра: неконструктивная критика граждан в социальных сетях и петиции с низким порогом участия препятствовали распознаванию властью значимых общественных запросов. Следствием становилась подмена диалога формальными реакциями, игнорированием проблемы либо конфронтацией.

Для минимизации деструктивных эффектов слактивизма органам власти целесообразно внедрить практики реагирования на конструктивные сигналы в онлайн-дискуссиях, создать площадки для экспертного обсуждения городских проблем и разработать критерии оценки обоснованности общественных инициатив. Следует более детально и глубоко изучать отношения человека к техническим достижениям и их применению [1]. Гражданскому обществу необходимо повышать цифровую и политическую грамотность, формировать навыки аргументированной коммуникации и готовность к реальному участию.

---

¹ 15 тысяч екатеринбуржцев подписали петицию против вырубки Березовой рощи // Комсомольская правда Урал. — 2025. — 14 февр. — URL: <https://www.ural.kp.ru/online/news/6231269/> (дата обращения: 12.03.2026).

² В центре Екатеринбурга начали сносить исторический дом – видео, как экскаватор уничтожает вековое здание // E1.RU — Екатеринбург онлайн. — 2026. — 9 марта. — URL: <https://www.e1.ru/text/gorod/2026/03/09/76302283/> (дата обращения: 13.03.2026).

Библиографический список

1. *Баранова А. Б.* Технологии медиакоммуникаций в политической сфере в контексте современной геополитической ситуации // Государственное и муниципальное управление // Ученые записки. — 2024. — № 3. — С. 274–281.

2. *Morozov E.* The net delusion: the dark side of Internet freedom. — New York: PublicAffairs, 2012. — 448 p.

Научный руководитель: **И. Д. Ягофарова**,
кандидат юридических наук, доцент

Е. С. Ежова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

Правовые проблемы регулирования рекламной деятельности

Ключевые слова: рекламная деятельность; реклама; маркировка рекламы; правовые ограничения рекламы.

Рекламная деятельность является сложным феноменом, который включает разные характеристики и, следовательно, обладает разнородными особенностями. С одной стороны, рекламный продукт направлен на то, чтобы максимально позитивно презентовать продукт или услугу. С другой стороны — реклама представляет собой контент, определяющий мировоззрение человека, его поведение и пр. Это указывает на актуальность исследования вопроса правовых ограничений и пределов допустимости.

В XXI веке уже большая часть вопросов кажется урегулированной в правовом поле, и бесконтрольная деятельность конца XX века, скорее, вызывает недоумение. Однако с появлением новых форм взаимодействия, новых видов рекламы становится понятно, что адаптация законодательства под нужды сферы является процессом, не ограниченным по времени, требующим постоянного контроля со стороны государства.

Вопросами правового регулирования занимаются многие исследователи, и ими отмечаются различные проблемные зоны: от отсутствия регулирования отдельных вопросов в конкретных сферах до излишней регламентации [1; 2; 3; 4; 5; 6]. В данном исследовании хотелось бы остановиться на определении круга проблем, которые представляются наиболее актуальными.

Требуется более детальная регламентация интернет-рекламы, поскольку каждый новый вид коммуникативного взаимодействия в сети предполагает возможности для продвижения товара без должного регу-

лирования деятельности. Относительно недавно законодатель обратил внимание на необходимость детальной регламентации деятельности блогеров и введения маркировки рекламы, что, безусловно, очень повысило качество подобной рекламы и дало возможность наказать тех, кто не соблюдает требования и вводит потенциальных потребителей в заблуждение.

Необходимо пересмотреть список товаров, к которым предъявляются особые требования на рекламном рынке. Так, есть четкое понимание по рекламе медицинских препаратов, однако сам факт отнесения того или иного средства к данной категории уже решается отраслевыми актами и не всегда представляется однозначным. Требуется комплексный подход к оценке характеристик товаров и услуг через призму их как рекламного продукта, что позволит избежать двусмысленности.

Следует обратить внимание на используемые в рекламе образы, так как их смысловое наполнение является часто предметом судебных споров уже в отношении ценностной нагрузки и сохранения нравственных общественных норм. Реклама не должна ограничиваться задачей продажи товара, создание ценностного поля также должно выступать одним из показателей допустимости рекламного продукта. Но в данном случае есть проблема: нельзя отдавать рекламную отрасль под контроль исключительной цензуры. В этом случае рекламодатели будут уделять больше внимания новым каналам трансляции, еще неурегулированным с правовой точки зрения, а не качеству рекламного продукта.

Не менее важным вопросом выступает решение проблемы использования искусственного интеллекта в процессе создания рекламы. Данная тема является очень актуальной, так как граничит и с вопросами авторского права, и с вопросами уголовного в случае нарушения законодательства. В этом аспекте необходима единая позиция по отношению к подобным рекламным продуктам со стороны профессионального сообщества, требуется их активное вовлечение в диалог с властью по этому вопросу.

Можно сделать вывод о том, что рекламная индустрия нуждается в комплексном обновлении правовых механизмов, которое должно иметь межотраслевой характер, и привлечении к обсуждению не только правоведов, но и профильных специалистов. Вопросы правового регулирования могут быть урегулированы только в том случае, если все участники будут понимать специфику рекламной сферы и смогут обеспечить согласование государственных и общественных интересов.

Библиографический список

1. Белова С. Д. Актуальные вопросы правового регулирования интернет-рекламы отдельных категорий товаров // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2024. — № 3. — С. 62–64.

2. Громова Н. С., Лылов А. С., Пацук Е. О., Ушаков Р. И. Проблемы правового регулирования рекламной деятельности в России // Международный правовой курьер. — 2024. — № 1. — URL: <https://inter-legal.ru/problemu-pravovogo-regulirovaniya-reklamnoj-deyatelnosti-v-rossii> (дата обращения: 15.04.2026).

3. Заряева А. Э. Реклама как объект гражданско-правового регулирования // Актуальные вопросы гражданского права и процесса: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 5 декабря 2024 г.). — М.: МосУ МВД России им. В. Я. Кикотя, 2025. — С. 76–79.

4. Каймакова Е. В. Проблемы правового регулирования рекламы в сети // Экономические и социальные проблемы регионального развития в современных условиях: сб. науч. тр. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 6 февраля 2026 г.): в 2 т. — Курск: Университетская книга, — 2026. — Т. 2. — С. 374–376.

5. Сахацкая Е. А., Хабуда Е. С. Недостатки правового регулирования недобросовестной рекламы // Цифровое общество: научные инициативы и новые вызовы: сб. науч. тр. по материалам XIX Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 15 декабря 2025 г.). — М.: Ун-т ИТБО, 2025. — С. 61–67.

6. Маркелова Е. Д. Актуальные проблемы правового регулирования сферы наружной рекламы // Правовые исследования молодых ученых (для магистрантов и аспирантов): материалы V ежегодной региональной науч.-практ. конф. (Иркутск, 24 января 2025 г.). — Иркутск: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2025. — С. 143–146.

Н. Д. Ермолаева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы правовой квалификации цифровых доказательств

Ключевые слова: цифровые доказательства; цифровизация; допустимость доказательств; киберпреступность; Кодекс судебных экспертиз.

Стремительный рост цифровизации не только затронул общественно необходимые сферы, но и способствовал развитию в области преступного мира. Злоумышленники активно используют цифровые технологии, как следствие, в уголовных делах все чаще фигурируют так называемые цифровые доказательства. Однако возникает серьезная проблема — законы, по которым работают суды и следствие, ориентированы на вещественные предметы — оружие, документы на бумаге, отпечатки пальцев, а работа с цифровыми доказательствами не урегулирована существующими нормативно-правовыми актами вовсе или в части.

Законодательство, которое на сегодняшний день так или иначе регулирует сферу цифровых доказательств, включает в себя процессуаль-

ные кодексы, а именно Уголовно-процессуальный, Гражданский процессуальный и Арбитражный процессуальный кодексы, также некоторые действия в области цифровых улик регламентированы отдельными положениями различных законов, например, ст. 102 и 103 Основ законодательства РФ о нотариате, также ряд федеральных законов и Постановлений Пленума Верховного суда РФ. На данный момент главная проблема сложившегося правового регулирования — его фрагментарность и псевдоадаптивность. Законодатель не создал самостоятельной процессуальной конструкции цифровых доказательств, а ограничился их подстановкой в традиционные категории — письменные документы и вещественные доказательства. Это делает критерии допустимости и достоверности размытыми, а судебную практику — противоречивой.

Начать стоит с того, что отсутствие унифицированного легального закрепления понятия «цифровые доказательства» порождает сложности квалификации из-за несоответствия процессуальных норм природе цифровых объектов [1]. Отсутствие четкого правового статуса таких объектов приводит к тому, что суды по-разному оценивают одни и те же виды цифровой информации, что порождает противоречивую практику и снижает предсказуемость судебных решений.

Следующей проблемой является обеспечение критерия допустимости. Процессуальные нормы, регулирующие порядок изъятия вещественных доказательств, оказываются малоприменимы к ситуации, когда доказательство представляет собой массив данных, извлекаемый из облачного хранилища или оперативной памяти устройства. Это делает процесс доказывания уязвимым.

Не менее остро стоит вопрос кадрового резерва и экспертного обеспечения. Нехватка компетентных экспертов, которые обладают специальными познаниями в области информационных технологий, приводит к затягиванию сроков проведения экспертиз, что противоречит принципам разумного срока судопроизводства.

Сложности возникают также в связи с территориальной юрисдикцией и трансграничным характером цифровых следов. Цифровые доказательства не признают государственных границ, так как серверы, которые связаны с преступлением, могут находиться в иных странах, кроме того, злоумышленники используют виртуальные частные сети для сокрытия своих данных, чтобы в дальнейшем затруднить свою идентификацию. Получение информации от иностранных провайдеров требует соблюдения сложных международных процедур, что не всегда возможно в оперативном режиме.

Пленум Верховного суда РФ в постановлении от 23 апреля 2019 г. № 10 разъяснил, что нотариальное заверение скриншотов не является

обязательным — суды обязаны оценивать распечатки из интернета с указанием адреса страницы и времени получения наравне с другими доказательствами. Однако судебная практика остается двойственной. Суды нередко отказывают в приобщении самостоятельно заверенных скриншотов, ссылаясь на невозможность проверить их достоверность или идентифицировать лицо, их предоставившее, а иногда прямо требуют нотариального осмотра. Таким образом, единообразие практики, вопреки разъяснениям Верховного суда, до сих пор не достигнуто.

Перечисленные проблемы свидетельствуют о необходимости формирования новой процессуальной политики ориентированной на цифровизацию. Одним из возможных решений является создание Кодекса судебно-экспертной деятельности с выделением цифровых улик в отдельную главу. Закрепление в Кодексе судебных экспертиз легального определения «цифровых улик» и «цифровых доказательств» с дифференциацией их видов позволит правоприменителю четко понимать, с каким именно типом информации он имеет дело, и выбирать адекватный способ их процессуального закрепления.

Наряду с совершенствованием нормативной базы необходимо реформирование специализированных следственных подразделений и судебных составов по делам о киберпреступлениях [2]. Это позволит сфокусировать кадровые ресурсы, обеспечить непрерывное повышение квалификации сотрудников и, как следствие, сформировать устойчивую судебную практику. Специализация следственных судей и судей первой инстанции в вопросах цифровых доказательств позволит принимать обоснованные решения при оценке допустимости доказательств в судебном разбирательстве.

Таким образом, проблемы правовой квалификации цифровых доказательств носят комплексный характер и требуют системного подхода, который включает как модернизацию процессуальной и экспертной базы, так и нормативные изменения в организации следствия и судопроизводства. Только при условии грамотного правового регулирования работы с цифровыми доказательствами возможно выстроить эффективную систему противодействия киберпреступности, которая будет способна обеспечить неизбежность наказания в условиях цифровой реальности.

Библиографический список

1. *Зарина И. Х.* Проблемы и пути совершенствования деятельности по собиранию цифровых доказательств при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2025. — № 2 (108). — С. 116–126.

2. *Щербаков К. А., Баласян Г. В.* Проблемы уголовно-правовой квалификации киберпреступлений в условиях цифровизации общества // Вестник науки. — 2025. — Т. 4-1, № 12 (93). — С. 428–443.

Научный руководитель: **Н. С. Громова**,
кандидат филологических наук, доцент

В. П. Кивилева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Общественная безопасность под угрозой: анализ эффективности института независимой антикоррупционной экспертизы

Ключевые слова: общественная безопасность; независимая антикоррупционная экспертиза; противодействие коррупции; независимый эксперт; общественный контроль.

Общественная безопасность находится в прямой зависимости от эффективности механизмов противодействия коррупции, одним из которых является независимая антикоррупционная экспертиза [3]. Коррупция в сфере нормотворчества представляет собой угрозу национальной, государственной и общественной безопасности, что закреплено в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (Стратегия НБ). Коррупция подрывает доверие граждан к правовым институтам, снижает эффективность расходования бюджетных средств и создает благоприятные условия для развития организованной преступности.

Институт независимой антикоррупционной экспертизы призван выявлять коррупциогенные факторы в нормативных правовых актах (НПА) и их проектах: широкие дискреционные полномочия, пробелы в регламентации процедур, злоупотребление правом и иные коррупциогенные факторы [1].

На практике функционирование этого института сталкивается с рядом существенных проблем, снижающих его эффективность и косвенно влияющих на уровень общественной безопасности.

Во-первых, сложности процедуры аккредитации и отсутствие единого реестра добросовестных экспертов приводят к дефициту квалифицированных специалистов, осуществляющих экспертизу.

Во-вторых, заключения независимых экспертов носят рекомендательный характер [2]. Это порождает формальный подход к оценке НПА. Потенциально опасные коррупциогенные нормы остаются незамеченными и впоследствии могут использоваться для нецелевого рас-

ходования бюджетных средств, в том числе предназначенных для обеспечения общественной безопасности (например, при госзакупках). Так, если эксперт выявляет коррупциогенный фактор в проекте закона о градостроительстве (например, позволяющий застраивать парки и зоны эвакуации), а власти не учитывают его замечания, это может привести к хаотичной застройке. В результате нарушается право граждан на благоприятную среду, снижается готовность инфраструктуры к чрезвычайным ситуациям, что непосредственно угрожает безопасности населения.

В-третьих, законодательство не обязывает государственные органы публично и мотивированно реагировать на заключения экспертов. Такая «непрозрачность» правотворческого процесса создает эффект «черного ящика». Общество не видит, как учитываются его интересы. Это провоцирует социальное напряжение, подрывает легитимность власти и может стать катализатором дестабилизации общественного порядка.

Кроме того, существуют проблемы, связанные с квалификацией и объективностью экспертов. С одной стороны, завышенные требования к претендентам сокращают число потенциальных участников экспертизы. С другой – сохраняется риск «ангажированности». Экспертные заключения могут носить необъективный характер и составляться в интересах заказчика экспертизы. Такой теневой формат маскирует опасные положения законопроекта и создает иллюзию соответствия антикоррупционным нормам.

Таким образом, для более эффективной работы института независимой антикоррупционной экспертизы в целях предупреждения коррупциогенных актов необходимо реализовать комплекс мер.

Во-первых, целесообразно ввести специализацию экспертов (например, по направлениям оборонной сферы, жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранение), что позволит глубинно исследовать специфические коррупциогенные риски.

Во-вторых, необходимо придать экспертному заключению статус обязательности, а также возложить обязанность на государственные органы публиковать мотивированные ответы на заключения. Такое изменение повысит доверие граждан, тем самым снизив социальное напряжение.

В-третьих, необходима цифровизация процессов, то есть создание единого онлайн портала, где граждане смогут отслеживать экспертные заключения, знакомиться с мотивированными ответами государственных органов и участвовать в общественном контроле.

Подводя итог, можно сделать вывод, что независимая антикоррупционная экспертиза выступает важным механизмом раннего предупреждения угроз общественной безопасности. Совершенствование ин-

ститута независимой антикоррупционной экспертизы повысит качество правотворчества, позволит укрепить доверие граждан к власти, а также позволит более эффективно расходовать бюджетные средства.

Библиографический список

1. *Казанцева О. Л.* Независимая антикоррупционная экспертиза в системе российского права // Юрлингвистика. — 2023. — № 27 (38). — С. 63–67.

2. *Колоткина О. А., Рябина Е. В.* Независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (проектов): проблемный анализ // Дневник науки. — 2025. — № 2 (98). — URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2025/2/law/Kolotkina_Ryabina.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

3. *Раздьяконова Е. В.* К вопросу о роли антикоррупционной экспертизы в правотворческой деятельности государства // Юридическая наука и практика. — 2021. — Т. 17, № 1. — С. 25–31.

Научный руководитель: **О. А. Колоткина**,
кандидат юридических наук, доцент

А. Н. Коцюр

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Пробелы законодательства и проблемы правоприменительной практики охраны изображения гражданина

Ключевые слова: охрана изображения гражданина; объект использования изображения; механизмы защиты охраны изображения; правовая неопределенность.

Сегодня право на изображение нуждается в особой защите. Активное использование технологий и социальных сетей, где люди ежедневно публикуют свои фотографии, создает риски неправомерного использования. Целью настоящего анализа является выявление ключевых пробелов, возникающих при применении действующих норм об охране изображения. Правовой статус изображения гражданина, в первую очередь, регламентируется ст. 152.1 ГК РФ, устанавливающей общий принцип: обнародование и использование изображения гражданина допускаются только с его прямого согласия, а после его смерти — с согласия детей и пережившего супруга. Кроме принципа есть и исключения, при которых согласие не требуется:

1) использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах;

2) съемка в общественных местах или на публичных мероприятиях, если изображение человека не является основным объектом использования;

3) когда гражданин позировал за плату.

Более подробно статью толкует Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (ПП ВС РФ № 25), так в соответствии с п. 43 обстоятельства размещения гражданином своего изображения в сети «Интернет» могут свидетельствовать о выражении лицом согласия на дальнейшее использование данного изображения. Законодатель не конкретизирует, какие именно обстоятельства размещения изображения в интернете могут свидетельствовать о согласии, что создает правовую неопределенность. Важно уточнить возможные обстоятельства, свидетельствующие о согласии. Например, можно установить, что во всех спорных случаях следует исходить из отсутствия согласия правообладателя на использование его изображения (презумпция отсутствия согласия).

Также стоит отметить, что в судебной практике согласие изображаемого гражданина может быть дано не только в письменной, но и в устной форме, и путем совершения конклюдентных действий. Конклюдентные действия — это действия лица, показывающие его желание вступить в определенные правоотношения. Применяя действия к рассматриваемой области, под конклюдентными действиями понимается молчание, то есть отсутствие видимых возражений при съемке. Но при каких условиях молчание гражданина следует считать его согласием на обнародование и использование его изображения? В отличие от ситуаций, прямо прописанных в законе, в случае с изображением, молчание носит пассивный характер и не может однозначно трактоваться как согласие лица быть изображенным. Такая форма согласия как конклюдентные действия вызывает дискуссию, необходимо прямо установить, что согласие, данное в устной форме или путем конклюдентных действий, считается действительным только в том случае, если оно было явно и недвусмысленно выражено в самой обстановке, в которой происходит съемка.

В соответствии с п. 45 ПП ВС РФ № 25 согласие гражданина не требуется, если обнародование и использование изображения осуществлялось при съемке в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях. Формулировка нормы охватывает все возможные варианты общественных мест: «места, открытые для свободного посещения» и «публичные мероприятия» — оба поня-

тия относятся к общественным, т. е. общедоступным, местам, но во втором случае речь идет о месте, носящем временный, событийный характер, где доступ может быть ограничен билетом или правилами. При этом изображение гражданина должно в целом отображать информацию о проведенном публичном мероприятии, и не являться основным объектом использования. Критерий «основного объекта использования», в контексте композиции изображения можно подразделить на центральный (основной) и массовый объекты. Основной объект — это главный элемент изображения, на котором человек целенаправленно выделен. Массовый же, или «массовка» — это фоновые лица кадра, отражающие общий план изображения людей, находящихся на публичном мероприятии. Именно здесь возникает правовая ловушка: законодательное требование «без основного объекта — без согласия» и техническое задание от организатора мероприятия, которое, как правило, требует создания разнопланового фотоотчета.

Проведенный анализ выявил системные проблемы в правоприменительной практике, связанной с охраной изображения гражданина. Нормы ст. 152.1 ГК РФ, несмотря на структурированность, на практике порождают значительную правовую неопределенность, проявляющуюся в коллизии критерия «основного объекта» с требованиями фотоотчета, в неясности конклюдентных действий и презумпции согласия в интернете. Для устранения выявленных противоречий и повышения эффективности механизмов правового регулирования необходимо пересмотреть и актуализировать существующие нормы.

Научный руководитель: **И. Д. Ягофарова**,
кандидат юридических наук, доцент

А. С. Куницкая

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Роль социума и государства в обеспечении общественной безопасности

Ключевые слова: общественная безопасность; национальная безопасность; ответственность; легитимность; обязанности.

Общественная безопасность — состояние защищенности общественных отношений, складывающихся в процессе регулирования деятельности общества и государства в области обеспечения безопасности, нормального функционирования государственных и обществен-

ных институтов, реализации прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Для ее обеспечения важны такие факторы, как уменьшения уровня преступности, повышение уровня инфраструктуры и качества жизни населения, а также стабильность в экономической, политической, социальной и культурной сферах. Иными словами, общественная безопасность напрямую зависит от общей устойчивости всех основных сфер жизни общества. Данный вопрос является особо актуальным в связи с меняющийся реальностью.

Ответственность за высокий уровень национальной безопасности лежит не только на государстве, которое осуществляет прямое регулирование через закон, но и на самом обществе. В отличие от государственных мер, общество воздействует на поведение своих членов через нормы морали, социальное одобрение, устои и традиции, формируя тем самым представления о одобряемом поведении внутри самого себя.

Различие методов регулирования власти и общества выражается в том, что государство не всегда способно контролировать факторы, способствующие развитию преступных наклонностей, поскольку некоторые из них не подпадают под прямое правовое регулирование. Например, относятся склонности к антисоциальному или девиантному поведению, психологические отклонения, или мелкие правонарушения, где отсутствует состав преступления, например в силу возраста. В подобных ситуациях ответственность за нормализацию поведения ложится на общество. Однако общество само может создавать стигмы и ярлыки на основе предрассудков, и в этом случае уже государству необходимо корректировать работу социума.

Также необходимо рассмотреть понятия легальности и легитимности власти. Власть может быть полностью легальной, но при этом не иметь поддержки общества — легитимности, что снижает ее эффективность и, как следствие, уровень общественной безопасности. Общество не принимает установки государства и стремится к установлению своих порядков. С другой стороны, легитимная, но не обладающая юридической силой власть также не способна эффективно регулировать общественные процессы, так как она не имеет юридического закрепления и неспособна влиять на все сферы жизни общества эффективно и достигать тех же результатов, что и легальная власть. Так можно говорить о том, что власть должна обладать обоими этими понятиями для наибольшей эффективности своей деятельности.

Наконец, стоит выделить меры, которыми государство регулирует общественную безопасность. Их можно разделить на императивные и диспозитивные. Императивные меры требуют обязательного ис-

полнения; при помощи них государство добивается обязательности действий или бездействий, регулирует поведение граждан, работает как сдерживающий механизм, закрепляет обязательства, необходимые для правильного функционирования общества. В то же время диспозитивные меры предоставляют возможность выбора и разрешают определенные действия, например, по защите нарушенных прав. Они дают свободу действий в тех или иных ситуациях, дают возможность реализовывать свои права. По своей сути обе эти меры противоположны, однако одинаково важны для поддержания общественной безопасности.

Так мы приходим в основной идее того, что мораль и право, общество и государство уравнивают друг друга и для наибольшей эффективности должны работать вместе. Мораль в сочетании с правом образует общий закон.

Мы хотим предложить несколько вариантов усовершенствования данной системы. Во-первых, скорректировать основные направления нравственного развития общества. Во-вторых, нужна тесная работа органов власти с основными институтами общества, например детскими домами, исправительными учреждениями, школами, детскими садами. Необходимо создание советов или палат, чьи участники, видящие ситуацию в обществе, могли бы влиять на законодательство. Из этого исходит третий пункт про создание «института обратной связи». Его основной задачей является обеспечение «диалога», между обществом и государством, позволяющий обеим сторонам лучше понять потребности друг друга. Сюда можно было бы внести усовершенствование законодательной инициативы, более частые открытые заседания с палатами, обеспечивающими социальную работу, прозрачность работы как государственного аппарата, так и социальных организаций.

Таким образом, мы можем говорить о том, что достижение общественной безопасности — это совместный процесс общества и государства. Власть должна обладать поддержкой социума, в то же время государство не сможет изменить и защитить общество, пока оно само этого не захочет.

Научный руководитель: **Н. С. Громова**,
кандидат филологических наук, доцент

К. Д. Серебряков

Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Влияние интерфейсов на структуру политической коммуникации пользователей цифровых платформ в области городского благоустройства

Ключевые слова: цифровая платформа; профанная эпистемика; параметрическая модель суждений; аффордансы; городская проблема.

Цифровые платформы давно стали главным каналом связи между жителями и властями при решении вопросов благоустройства. Они рассматриваются как важный инструмент «электронного правительства» и «хорошего управления». Но на практике их работа часто оказывается сложнее, чем просто техническая возможность подать жалобу. Парадокс современной цифровой публичной сферы в том, что технологические решения, призванные ускорить и упростить взаимодействие, сами же его и ограничивают — неявно, но очень жестко.

Цель нашего исследования — показать конкретный механизм, через который архитектура интерфейса влияет на мышление пользователей (их ментальные характеристики) и, в конечном счете, определяет, какой будет политическая коммуникация: формальной или содержательной, закрытой или открытой. Мы исходим из гипотезы, что платформа через свои аффордансы — свойства интерфейса, подсказывающие, что можно сделать, — работает как активный эпистемический институт. Она задает «правила игры» для производства общественного знания о городских проблемах.

Теоретическую базу работы составил междисциплинарный синтез. Первое — это концепция аффордансов Дж. Гибсона [1]. Применительно к цифровой среде аффордансы интерфейса предлагают пользователю одни варианты действий и одновременно блокируют другие. Второе — теория «профанной эпистемики» (обыденного познания) А. Круглянски [2]. Согласно ей, повседневное мышление структурно похоже на научное: оно тоже проверяет гипотезы и опирается на логику «если — то». Именно эта теория позволила нам уйти от простого описания дискурса к анализу глубинных когнитивных процессов.

Основная методическая новация — адаптация параметрической модели суждений А. Круглянски [3] для дискурс-анализа публичной

коммуникации на городских платформах. Мы выделили три типа высказываний. Информационные суждения — нейтральная фиксация факта («сломана лавочка»). Общие делиберативные — эмоциональная оценка без поиска решения («ужас, опять все сломали»). И наиболее ценные — когнитивные делиберативные суждения, где пользователь аргументирует свою позицию и предлагает варианты решения.

Эмпирическую базу составили 3 750 сообщений с двух крупных платформ Северо-Запада России — «Наш Санкт-Петербург» (1 860 сообщений) и «Народная экспертиза» Ленинградской области (1 890 сообщений). Данные собраны за первый квартал 2025 г. Выборка формировалась по тематике благоустройства и жилищно-коммунального хозяйства, отбирались сообщения, содержащие запрос или обсуждение проблемы. Каждый текст кодировался по шести параметрам модели Круглянки (субъективная релевантность, трудность вывода, ресурсы обработки и т. д.). Это позволило не интуитивно, а верифицируемо отнести сообщение к одному из трех типов.

Результаты сравнительного анализа подтвердили, что архитектура платформы системно влияет на коммуникацию. На «Нашем Санкт-Петербурге» — жесткий рубрикатор, требования к формальному языку, почти нет публичных обсуждений. Здесь доля информационных суждений достигла 81,4 %. Пользователь здесь чувствует себя поставщиком данных, а не участником диалога. Такой дизайн транслирует технократическую модель управления: гражданин отчуждает свою проблему, а власть ее решает без его участия.

Совсем иная картина на платформе «Народная экспертиза». Ее интерфейс содержит операциональные барьеры — обязательная фотофиксация, точные GPS-координаты. Казалось бы, это должно мешать. Но на практике получилось иначе: доля информационных суждений здесь ниже (64,5 %), зато суммарная доля делиберативных практик — и общих, и когнитивных — составила 35,5 %. Интерфейсные сложности не заблокировали общение, а, наоборот, породили спонтанную взаимопомощь. Пользователи стали давать друг другу инструкции, совместно формулировать проблемы, обсуждать, как лучше сфотографировать или определить координаты.

Практическая ценность этих выводов — для органов власти. Мы предлагаем не реактивное, а проактивное проектирование цифровых сервисов. Нужно выбирать: строить эффективные «цифровые конвейеры» для жалоб или создавать «цифровые мастерские», где жители вместе вырабатывают решения. Адаптированная методология А. Круглянки позволяет провести аудит существующих платформ, измерить, как дизайн влияет на мышление пользователей, и на основе этих данных целенаправленно менять интерфейсы.

Библиографический список

1. *Gibson J. J.* The Ecological Approach to Visual Perception. — Boston: Houghton Mifflin, 1979. — 332 p.
2. *Kruglanski A. W.* Lay epistemics and human knowledge: Cognitive and motivational bases. — New York: Springer Science & Business Media, 2013. — 282 p.
3. *Kruglanski A. W., Pierro A., Mannetti L., Erb H., Chun W. Y.* On the parameters of human judgment // *Advances in Experimental Social Psychology*. — 2007. — Vol. 39. — P. 255–303.

Научный руководитель: **С. Ю. Андрейцо**,
кандидат юридических наук, доцент

А. А. Угрюмова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

К вопросу о цифровой грамотности избирателей при дистанционном электронном голосовании

Ключевые слова: избиратель; цифровизация; цифровая грамотность; выборы; электронное голосование; ДЭГ; угрозы безопасности.

В условиях технологического прогресса в избирательном процессе возникает проблема развития цифровой грамотности у избирателей в контексте уязвимости персональных данных и угроз кибербезопасности.

Цифровизация избирательного процесса — это внедрение цифровых технологий в организацию и проведение выборов. Основной целью являются упрощение и ускорение проведения выборов, при этом соблюдая основные принципы избирательного права и гарантии избирательных прав граждан [4].

Введение дистанционных электронных голосований (ДЭГ) должно оптимизировать процесс выборов, сделав его удобнее, прозрачнее и быстрее.

Дистанционное электронное голосование способствует значительному росту явки избирателей, что подтверждается статистическими данными. Например, явка на муниципальные выборы в Москве в 2022 г. составила 33,9 %, что более чем в два раза превысило показатель 2017 г.¹

---

¹ *Итоговая явка на муниципальных выборах в Москве составила 33,9 % // РИА Новости. — 2022. — 12 сент. — URL: <https://ria.ru/20220912/yavka-1816075401.html> (дата обращения: 02.03.2026)*

Кроме того, ДЭГ способствует вовлечению в избирательный процесс молодежи, маломобильных граждан, жителей труднодоступных районов [1].

Внедрение ДЭГ позволяет существенно снизить издержки на организацию выборов (сократить расходы на работу избирательных комиссий). Помимо этого, технология ускоряет процесс подсчета голосов и передачи данных в вышестоящие избирательные комиссии [3].

Наконец, ДЭГ минимизирует риски, связанные с возможным давлением на членов избирательных комиссий и фальсификациями, повышая прозрачность избирательного процесса [3].

Несмотря на все достоинства, ДЭГ имеет недостатки. Автоматизация избирательных процедур расширяет возможности для кибератак, что требует не только технических решений, но и повышения осведомленности граждан о рисках и методах защиты [2].

Одна из основных проблем внедрения ДЭГ — низкая цифровая грамотность избирателей. Например, избиратели попадают на фишинговые атаки с поддельными ссылками для «досрочного голосования» и не используют базовые средства защиты устройств. Из-за страха утечки данных избиратели отказываются от цифровых форматов, что тормозит развитие системы [2].

Безопасность ДЭГ зависит не только от защищенности самой системы, но и от состояния устройств, с которых осуществляется голосование. Для минимизации этих рисков необходимы комплексные меры: внедрение многофакторной аутентификации, шифрование всех коммуникаций между избирателем и системой, регулярные аудиты программного и аппаратного обеспечения, информирование избирателей о рисках фишинга и пропаганда безопасных онлайн-практик [2].

Таким образом, развитие цифровой грамотности избирателей — не просто технический вызов, а комплексная задача для политической системы, напрямую влияющая на легитимность и безопасность ДЭГ. Ее решение позволит укрепить доверие граждан к цифровым избирательным процедурам, раскрыть потенциал ДЭГ для повышения явки и инклюзивности выборов, а также обеспечить устойчивое развитие демократических институтов в условиях технологической трансформации общества.

Библиографический список

1. *Зверовицков Р. В.* Молодежь и ее участие в выборах: способы повышения электоральной активности молодых избирателей // Новый юридический вестник. — 2019. — № 3 (10). — С. 6–9.
2. *Мирсаятов Э. Р., Ямалетдинова К. Ш.* Основные киберугрозы дистанционного электронного голосования в России // Актуальные исследования. — 2024. — № 45 (227). — Ч. II. — С. 44–47.

3. Подзоров Р. А. Анализ практики применения дистанционного электронного голосования в избирательном процессе Российской Федерации // Регион: системы, экономика, управление. — 2023. — № 2 (61). — С. 154–160.

4. Фаттахов М. М. Цифровизация избирательного процесса: особенности и проблемы организации дистанционного электронного голосования: магистерская диссертация. — Екатеринбург, 2024. — 118 с.

Научный руководитель: **О. В. Котова**,
кандидат экономических наук

К. А. Ярцев

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Разработка модели перехода от функциональной к процессной оргструктуре: роль бизнес-аналитика как архитектора изменений

Ключевые слова: бизнес-аналитик; архитектор изменений; организационная трансформация; функциональная структура; бизнес-процессы.

Актуальность темы обусловлена тройным вызовом: необходимостью преодоления кризиса традиционных организационных структур, отсутствием работающих методик для их трансформации и потребностью бизнеса в новом типе специалиста, способного такую трансформацию спроектировать и провести. Работа, предлагающая конкретную модель перехода и обосновывающая в ней центральную роль бизнес-аналитика как архитектора изменений, отвечает на запрос времени, переводя управленческую теорию в плоскость конкретных, реализуемых действий. Это не просто академическое упражнение, а практический ответ на одну из самых болезненных проблем современного менеджмента.

В условиях цифровой трансформации, глобализации рынков и растущих ожиданий потребителей способность организации к быстрой адаптации становится ключевым фактором конкурентоспособности. Однако многие компании, особенно среднего и крупного масштаба, сталкиваются с системным ограничением — унаследованной функциональной (иерархической) организационной структурой. Эта модель, эффективная в условиях стабильных рынков и массового производства, сегодня порождает феномен «организационных силосов»: изолированные друг от друга подразделения фокусируются на локальных KPI в ущерб общему результату, что приводит к фрагментации сквозных бизнес-процессов, снижению скорости принятия решений, росту операционных издержек и, в конечном итоге, к ухудшению клиентского опыта.

Парадокс современного управления заключается в том, что при декларировании клиентоцентричности и гибкости внутренняя архитектура большинства компаний остается ориентированной на контроль функций, а не на создание ценности для клиента. Разрешение этого противоречия требует фундаментальной организационной трансформации — перехода к процессно-ориентированной модели, где основными элементами управления становятся сквозные бизнес-процессы.

Несмотря на обширную теоретическую базу в области бизнес-процессного управления и организационного дизайна, на практике большинство попыток такой трансформации терпят неудачу. Ключевая проблема заключается в методологическом разрыве между стратегическим решением о переходе и его практической реализацией. Трансформация часто сводится либо к техническому перепроектированию процессов без учета человеческого фактора, либо к поверхностным изменениям организационной схемы без перестройки систем КРІ и мотивации. Отсутствует целостный, пошаговый фреймворк, который бы интегрировал «жесткие» (процессы, технологии) и «мягкие» (культура, сопротивление) аспекты изменений под единым управлением.

Практическая значимость заключается в том, что работа переводит тему организационного развития из области дорогостоящего консалтинга и абстрактных дискуссий в плоскость внутренне управляемых, поэтапных и доказательных улучшений. Она дает командам инструменты для того, чтобы начать меняться уже сегодня, создавая прочный фундамент для долгосрочной конкурентоспособности в условиях нестабильной среды. Конечным продуктом данной работы является не просто модель реорганизации, а методология сборки адаптивной организации. Ее практическая реализация ведет к созданию компании, где процессное мышление становится не набором процедур, а естественным способом решения задач; где сотрудники мотивированы не локальными КРІ, а вкладом в общий результат; где скорость и качество являются следствием не авралов, а отлаженных горизонтальных связей. В этом заключается главный вывод и основная ценность исследования: оно предлагает путь от организации, которая вынужденно реагирует на изменения, к организации, которая своей внутренней архитектурой порождает непрерывное обновление и устойчивое развитие.

Научный руководитель: **П. В. Бочков**,
кандидат экономических наук, доцент

Деприватизационные иски прокуратуры России и их влияние на экономическую деятельность

Ключевые слова: приватизация; деприватизация; оспаривание; сроки давности; частная собственность; прокуратура РФ.

В последние годы усиливается практика предъявления прокуратурой РФ исков, направленных на возврат некогда приватизированного имущества в руки государства. Передача имущества частным лицам осуществлялась в переходный период формирования как новой рыночной экономики, так и новой правовой системы. В результате чего возник слой общества, получивший активы государства за цену, ниже рыночной, а также не до конца известно, насколько легально получивший это имущество. Данный фактор является причиной патологического недоверия общества к итогам и процессу приватизации, делающий весь этот эпизод истории РФ очень неопределенным.

Вопрос о правомерности отдельных приватизационных сделок остается предметом дискуссии, а также предметом рассмотрения судебных споров. С одной стороны, государство обязано осуществлять правосудие, с другой — пересмотр сделок спустя десятилетия рушит один из важнейших принципов рыночной экономики — стабильность оборота.

В данной статье в первую очередь под деприватизацией подразумевается признание договора приватизации (сделки) недействительным в судебном порядке. Основанием для исков выступают нарушения законодательства, действовавшего на момент передачи имущества: несоблюдение процедур, занижение стоимости, нарушение целевого назначения объекта и иные существенные обстоятельства.

И одним из важных аспектов в данном споре является исчисление сроков исковой давности, поскольку основной пик перехода имущества из государственной в частную собственность приходится на 1990–2000 гг. В соответствии с ГК РФ общий срок исковой давности составляет три года и исчисляется с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своих прав. Однако возникают вопросы относительно начала течения данного срока, учитывая специфику рассматриваемых споров, как из-за их сущности (интересы государства и общества), так и из-за статусов истца (чаще прокуратура РФ) и ответчиков (в том числе миноритарных акционеров и иных добросовестных приобретателей). Ключевым моментом является тот факт, что

прокуратура выступает со стороны государства, защищая его интересы, а не свои собственные. А государство в свою очередь являлось стороной сделок по приватизации, а значит знало или могло знать о пороках данных сделок еще в момент их совершения.

Однако в судебной практике можно наблюдать иные выводы. К примеру, в определениях от 14 апреля 2025 г. № 913-О и № 914-О Конституционный суд РФ указал, что начало течения срока давности определяется с учетом конкретных обстоятельств дела, включая дату выявления нарушений в ходе проверок. А Верховный суд РФ в Определении от 4 декабря 2025 г. № 306-ЭС25-1133 по сути определил, что при наличии в деле публичного интереса процессуальные сроки на обжалование судебных актов можно не применять. Экономическая коллегия ВС РФ указала, что непринятие мер к проверке состоявшегося судебного акта по формальному основанию истечения сроков могло привести к фактическому узакониванию противоправного вывода лесного фонда из федеральной собственности, и по сути поддержала позицию Генпрокуратуры, выраженную в том, что мнимая стабильность гражданского оборота не может являться препятствием для восстановления публичных прав.

Исходя из позиций, изложенных высшими судебными инстанциями, можно сделать вывод, что государство может злоупотреблять установкой сроков исчисления, а это в свою очередь влияет на отношение и подход инвесторов и акционеров к ведению бизнеса и определению стратегии вложения средств, учитывая повышенные риски лишения полученных активов.

Также пошатнулся и институт добросовестного приобретателя — открытое и добросовестное владение имуществом больше не гарантирует абсолютной защиты прав собственника. Данные обстоятельства еще больше усиливают правовую и экономическую неопределенность бизнеса, который в современных реалиях балансирует, учитывая мировую политическую и экономическую неустойчивость.

Общественный резонанс вызвало и решение Арбитражного суда Пермского края, принятое по делу Соликамского магниевого завода, где изъятие акций коснулось не только мажоритарных акционеров, но и миноритарных инвесторов, которые законно и добросовестно получили акции на бирже. Суд признал незаконной приватизацию и распространил последствия на все последующие сделки, затронув значительное количество добросовестных собственников.

Следует признать, что защита публичных прав и устранение нарушений закона являются легитимными и важными задачами государства. Однако решение данных задач не должно приводить к разруше-

нию устоявшихся экономических отношений, правовой неопределенности и нарушать интересы участников рынка. Неустойчивость гражданского оборота, пересмотр давних сделок, отсутствие четкого механизма регулирования и исчисления процессуальных сроков, а также разночтения, что случаются в судебной практике, негативно влияют на инвестиционные ожидания, повышают риски вложений и стимулируют отток капитала. Тот факт, что Правительством РФ внесен в Госдуму РФ законопроект № 1208563-8 «О внесении изменений в ст. 217 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (о сроках исковой давности при приватизации)», свидетельствует о том, государство понимает необходимость законодательного установления четких рамок исковой давности, которые поспособствуют инвестиционной активности и защитят права добросовестных приобретателей.

Научный руководитель: **Д. В. Плотникова**

КОНГРЕСС СТРАТЕГОВ

ТЕЗИСЫ РАБОТ ФИНАЛИСТОВ КОНКУРСОВ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МИРА

Международный конкурс эссе молодых ученых и студентов

А. У. Аббосов

Ташкентский транспортный техникум, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Искусственный интеллект в цифровой экономике: возможности, риски и система самоконтроля AI Guardian

Ключевые слова: искусственный интеллект; цифровая экономика; алгоритмические риски; этика искусственного интеллекта; система самоконтроля.

Под информационной безопасностью понимается состояние защищенности информации и информационных систем от внутренних и внешних угроз. Ее основная задача заключается в сохранении конфиденциальности, целостности и доступности данных. Иными словами, информация должна быть защищена от несанкционированного доступа, изменения и уничтожения, а пользователи должны иметь возможность безопасно пользоваться цифровыми ресурсами.

Значение информационной безопасности особенно заметно в условиях цифровизации экономики. Сегодня предприятия используют электронный документооборот, облачные хранилища, автоматизированные системы управления и цифровые платформы для взаимодействия с клиентами. Банковские операции, онлайн-торговля и электронные платежи также полностью зависят от устойчивости информационных систем. Если эти системы оказываются уязвимыми, компания может понести серьезные финансовые потери, утратить доверие клиентов и столкнуться с нарушением рабочих процессов.

Не менее важна информационная безопасность и в сфере государственного управления. Электронные государственные услуги, базы данных населения, налоговая система, медицинские и образовательные платформы требуют надежной защиты. Утечка такой информации мо-

жет затронуть интересы большого количества людей и привести к серьезным социальным последствиям. Поэтому государство заинтересовано в создании устойчивой системы киберзащиты и развитии правовых механизмов регулирования цифровой среды.

Особое место информационная безопасность занимает в жизни обычного человека. Сегодня почти у каждого есть аккаунты в социальных сетях, банковские приложения, электронная почта, мессенджеры и личные кабинеты на различных сервисах. Все это содержит личные данные: имя, номер телефона, адрес, документы, фотографии, переписку и финансовую информацию. При недостаточной защите такие сведения могут стать доступными мошенникам, что приводит к краже денег, взлому аккаунтов и использованию персональных данных в преступных целях.

Одной из самых распространенных угроз являются кибератаки. Это могут быть вирусы, фишинговые сайты, вредоносные программы, взломы сетей и другие способы несанкционированного вмешательства. Особенно опасны такие угрозы потому, что они быстро развиваются и становятся все более сложными. Если раньше цифровые угрозы касались в основном крупных организаций, то сегодня с ними может столкнуться любой пользователь интернета.

Кроме технических угроз существует и проблема человеческого фактора. Нередко причиной утечки информации становятся не только хакеры, но и сами пользователи. Слабые пароли, неосторожное обращение с личными данными, переход по подозрительным ссылкам, использование ненадежных сайтов — все это создает дополнительные риски. Именно поэтому информационная безопасность зависит не только от технологий, но и от уровня цифровой грамотности населения.

В современных условиях все большее значение приобретает профилактика цифровых угроз. Защита информации должна строиться не только на реагировании после атаки, но и на предупреждении возможных рисков. Для этого используются антивирусные программы, системы шифрования, многофакторная аутентификация, резервное копирование данных и постоянный мониторинг активности в сети. Такие меры позволяют значительно снизить вероятность потери информации и повысить устойчивость цифровой среды.

Однако технические средства защиты сами по себе не решают проблему полностью. Большую роль играет правовая и организационная база. Государство должно разрабатывать законы и нормы, регулирующие использование персональных данных, ответственность за киберпреступления и порядок защиты цифровой инфраструктуры. Организации, в свою очередь, обязаны соблюдать правила хранения инфор-

мации, ограничивать доступ к важным данным и обучать сотрудников основам кибербезопасности.

Научный руководитель: **М. Б. Кудратиллаев**

Е. Д. Белькова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Влияние криптовалют на экономическую независимость стран

Ключевые слова: криптовалюты; экономическая независимость; государственное регулирование; блокчейн; монетарная политика.

В последние годы криптовалюты перестали быть чем-то далеким и понятным только для айтишников или инвесторов. О них все чаще говорят не только в профессиональной среде, но и на уровне государств, потому что цифровые активы уже заметно влияют на мировую финансовую систему. Поэтому вопрос об их влиянии на экономическую независимость стран звучит сегодня особенно актуально.

Когда речь заходит об экономической независимости, обычно имеют в виду способность государства самостоятельно управлять своей финансовой политикой, поддерживать стабильность платежной системы и меньше зависеть от внешнего давления. В этом смысле криптовалюты выглядят как интересный и в какой-то степени привлекательный инструмент. Они не подчиняются одному центру, позволяют проводить операции вне привычной банковской инфраструктуры и потому нередко воспринимаются как способ расширить пространство экономической свободы.

Особенно заметен интерес к криптовалютам в тех условиях, когда страны сталкиваются с финансовыми ограничениями или трудностями в международных расчетах. В таких ситуациях цифровые активы начинают рассматриваться не просто как модный технологический продукт, а как один из возможных альтернативных инструментов для движения капитала и сохранения внешнеэкономических связей. Именно поэтому вокруг них так много обсуждений. Для одних это шанс укрепить самостоятельность, а для других — источник новых проблем.

Но считать, что криптовалюты автоматически делают страну независимой, было бы слишком просто. На практике все гораздо сложнее. Главная проблема состоит в том, что большинство криптовалют остаются очень нестабильными по цене, а это плохо сочетается с задачами государственной экономики, где важны предсказуемость, надежность

и возможность долгосрочного планирования. Строить серьезную финансовую систему на активе, который может резко подешеветь за короткое время, довольно рискованно.

Есть и другая сторона вопроса. Если криптовалюты слишком активно входят во внутреннюю экономику, государству становится труднее контролировать денежное обращение, налоговые потоки и движение капитала. В такой ситуации может ослабевать денежный суверенитет страны и снижаться эффективность экономической политики, особенно в развивающихся экономиках. Получается своеобразный парадокс. То, что обещает больше свободы снаружи, иногда создает меньше управляемости внутри. Кроме того, сама идея полной независимости через криптовалюты тоже не выглядит бесспорной. Хотя они считаются децентрализованными, на практике рынок во многом зависит от внешней инфраструктуры, бирж, платформ, разработчиков, международных правил и технологических центров влияния. Иначе говоря, страна может попытаться уйти от одной зависимости, но в итоге столкнуться с другой, уже цифровой.

Поэтому сегодня многие государства ищут не крайности, а более взвешенный подход. Речь идет не только о регулировании криптовалют, но и о создании собственных цифровых валют, которые позволили бы использовать преимущества новых технологий без потери контроля над финансовой системой. Такой путь выглядит более реалистичным, потому что он дает возможность двигаться вперед и при этом не разрушать основы экономического суверенитета.

Многое зависит и от самой страны, от качества законодательства, уровня цифрового развития, состояния институтов и готовности общества к новым финансовым инструментам. В одних условиях криптовалюты могут способствовать развитию финтех, снижению транзакционных издержек и большей финансовой доступности. В других они, наоборот, могут провоцировать спекуляции, рост теневого сектора и недоверие к официальной экономике. Именно поэтому нельзя оценивать их влияние однозначно.

Мне кажется, в будущем государства не будут полностью отказываться от традиционных финансовых механизмов ради криптовалют. Скорее всего, они постараются встроить новые инструменты в уже существующую систему и использовать их там, где это действительно выгодно и безопасно. Настоящая экономическая независимость сегодня заключается не в отказе от всего привычного, а в умении разумно сочетать стабильность и технологическое развитие. В итоге можно сказать, что криптовалюты действительно влияют на экономическую независимость стран, но это влияние нельзя назвать ни однозначно полез-

ным, ни однозначно опасным. Они открывают новые возможности, но вместе с ними приносят и новые риски. Поэтому для государства сегодня важно не просто принять или запретить криптовалюты, а научиться работать с ними спокойно, грамотно и в собственных интересах.

Научный руководитель: **З. О. Фадеева**,
кандидат экономических наук, доцент

М. С. Варникова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург

Трансформация механизмов конкуренции в условиях цифровой экономики

Ключевые слова: цифровая экономика; конкуренция; платформы; данные; экосистемы.

Еще недавно конкуренция воспринималась прежде всего как соперничество производителей по цене, качеству и издержкам. В классической рыночной экономике выигрывал тот, кто лучше удовлетворял спрос и быстрее адаптировался к изменениям предпочтений потребителя. Однако цифровизация изменила саму среду, в которой происходит это соперничество. Сегодня компании борются уже не только за покупателя, но и за данные, внимание, доступ к цифровой инфраструктуре и право управлять правилами взаимодействия на рынке [4; 5].

На первый взгляд может показаться, что цифровая экономика даже усиливает конкурентную среду. Выход на рынок стал дешевле во многих сферах, интернет сокращает дистанцию между продавцом и покупателем, а малые фирмы получают инструменты, которые раньше были доступны только крупному бизнесу. Маркетплейсы, социальные сети и цифровая реклама позволяют быстро заявить о себе, протестировать спрос и найти свою аудиторию. Именно поэтому цифровая среда часто описывается как пространство новых возможностей, открытости и предпринимательской свободы [4].

Но за видимой доступностью скрываются свои подводные камни. В цифровой экономике ключевым ресурсом становятся не только капитал и технологии, но и данные. Чем больше пользователей у платформы, тем больше информации она собирает, тем точнее прогнозирует спрос и тем эффективнее управляет вниманием аудитории. Возникает эффект накопления преимущества, именуемый сетевым эффектом. Крупные платформы получают возможность быстрее улучшать сервис, персонализировать предложения и удерживать пользователя

внутри собственной экосистемы. В результате стартовые условия для новых участников уже нельзя назвать равными. Формально рынок открыт, но фактически доступ к нему зависит от инфраструктуры, которая контролируется ограниченным кругом компаний [2; 5].

Именно здесь проявляется главное изменение природы конкуренции. Платформа перестает быть просто посредником и становится организатором рынка. Она одновременно предоставляет пространство для обмена и определяет, кто будет замечен, кому достанется трафик и на каких условиях участники смогут работать. Алгоритмы ранжирования, рекомендательные системы, правила модерации и размер комиссий начинают влиять на рыночный успех не меньше, чем качество самого товара. Получается, что компании конкурируют уже не только между собой, но и за благосклонность цифровой инфраструктуры [3; 5].

Такое смещение особенно заметно в платформенной торговле и сфере цифровых услуг. Продавец может предлагать хороший товар по конкурентной цене, но, если его карточка не попадает в верхние позиции выдачи, он проигрывает более заметному конкуренту. Разработчик приложения зависит не только от потребностей пользователя, но и от правил магазина приложений. Медиа конкурирует не только качеством контента, но и алгоритмами платформ, через которые этот контент распространяется. Следовательно, в цифровой экономике объектом конкуренции становится не только потребительский выбор, но и доступ к каналам видимости [1; 3; 5].

Это означает, что классическая модель совершенной конкуренции все хуже описывает реальность. На цифровых рынках усиливаются сетевые эффекты. Пользователь чаще выбирает ту платформу, где уже находятся другие пользователи, а значит крупные игроки получают дополнительное преимущество просто из-за масштаба. Кроме того, цифровые товары обладают высокой воспроизводимостью и часто почти нулевыми предельными издержками. В такой системе важнее не столько единичная продажа, сколько способность закрепить зависимость пользователя от экосистемы [2; 5].

Отсюда вытекает еще одна важная черта новой конкуренции — смещение от прибыли к ренте. Если в индустриальной экономике устойчивое преимущество чаще строилось на производительности, то в цифровой среде оно все чаще связано с контролем над инфраструктурой. Платформа получает доход, потому что владеет точкой входа к аудитории, а не только потому, что производит лучший продукт. Комиссии, рекламные механизмы, облачные сервисы и продажа доступа к данным превращаются в источники рентного дохода. Это не отменяет конкуренцию полностью, но делает ее асимметричной [1; 3; 5].

Меняется и международное измерение проблемы. Концентрация цифровых платформ в руках ограниченного числа глобальных корпораций усиливает разрыв между странами. Те экономики, которые не располагают собственной цифровой инфраструктурой, зависят от внешних сервисов, стандартов и алгоритмов. В этом смысле конкуренция выходит за пределы отдельных фирм и затрагивает вопрос технологического суверенитета. Страны начинают соперничать не только объемами производства, но и способностью создавать собственные платформы, хранить данные и регулировать цифровые рынки [4; 6].

Тем не менее говорить о полном исчезновении конкуренции было бы неверно. Она сохраняется, но перестраивается по новым правилам. Внутри цифровых платформ соперничество остается очень острым. Компании продолжают бороться за клиента, за скорость доставки, за доверие аудитории, за качество сервиса. Однако это соперничество встроено в заранее заданную архитектуру, в которой часть правил определяется не рынком как таковым, а владельцем инфраструктуры. Следовательно, современная цифровая экономика сочетает в себе два начала, рыночную борьбу и инфраструктурный контроль [5].

На мой взгляд, именно в этом состоит главное противоречие цифровой эпохи. С одной стороны, технологии действительно расширяют предпринимательские возможности и ускоряют инновации. С другой стороны, они создают новые формы концентрации власти, когда решающее значение приобретает не только способность производить, но и способность управлять средой, в которой другие вынуждены работать. Поэтому вопрос будущего конкуренции связан не просто с развитием технологий, а с тем, кто контролирует данные, алгоритмы и цифровые каналы доступа к потребителю [3; 6].

Из этого следует, что современную цифровую экономику следует понимать как среду, где конкуренция не исчезла, а стала более сложной, более скрытой и одновременно более значимой для распределения экономической власти.

Библиографический список

1. *Бауэр В. А.* Цифровизация финансовой деятельности платформенных компаний: конкурентный потенциал и социальные последствия // *Финансы: теория и практика.* — 2021. — № 4. — С. 118–132.
2. *Докучаева В. Д.* Экономические механизмы платформенной модели: сетевые эффекты и данные // *Архив экономики.* — 2025. — № 5. — С. 379–386.
3. *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти: пер. с англ. / под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. — М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. — 781 с.

4. Миролюбова Т. В., Карлина Т. В., Николаев Р. С. Цифровая экономика: проблемы идентификации и измерений в региональной экономике // Экономика региона. — 2020. — Т. 16, вып. 2. — С. 377–390.

5. Срничек Н. Капитализм платформ: пер. с англ. — М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. — 128 с.

6. Couldry N., Mejias U. Data colonialism: Rethinking Big Data's relation to the contemporary subject // Television & New Media. — 2018. — Vol. 20, no. 4. — P. 336–349.

Научный руководитель: **А. А. Тимофеева**,
кандидат экономических наук, доцент

М. О. Вилькоцкий

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Цифровизация общества в Центральной Азии: социальные риски и возможности под влиянием внешней технологической «мягкой силы»

Ключевые слова: цифровизация; Центральная Азия; цифровой контроль; социальное неравенство; искусственный интеллект; ИИ.

Наблюдая, как цифровые платформы стали частью нашей повседневности, невольно задумываешься о глобальности процесса. Для поколения, вступившего в активную социальную жизнь в начале XXI века, бесшовный цифровой опыт является данностью. Ярчайшим примером, где сегодня тестируются модели цифрового общества, выступает Центральная Азия. На фоне конца эры энергетического изобилия регион переживает сдвиг от традиционной борьбы за ресурсы к конкуренции за технологическое доминирование. В этих условиях цифровизация превращается из технического процесса в мощнейший инструмент социальной инженерии и геополитического влияния.

Переход этого региона к цифровой экономике формируется под давлением двух конкурирующих векторов «мягкой силы». Восток предлагает масштабные инфраструктурные и технологические решения, а Запад продвигает ценностно ориентированные стандарты управления и инклюзивности. Столкновение этих подходов перестраивает саму структуру общественных отношений, неся как возможности для преодоления социального неравенства, так и серьезные риски технологической зависимости и углубления стратификации в обществе.

В первой четверти XXI века Центральная Азия превратилась в арену столкновения двух подходов. Восточный вектор, представленный Китаем, действует через инициативу «Цифровой Шелковый путь»,

внедряя мощнейшие дата-центры и кластеры искусственного интеллекта. Эти вливания позволяют региону совершить технологический прыжок и решить насущные проблемы. Одновременно китайская концепция «Безопасный город» обеспечивает самый эффективный в мире цифровой контроль по примеру того, который существует в современном Китае в рамках внедрения системы социального рейтинга. Умные камеры меняют поведение людей через само осознание наблюдения. Человек, действия которого постоянно фиксируются, начинает самоцензурировать свои поступки. Именно этот механизм делает цифровой мониторинг инструментом социального контроля, работая на уровне ежедневных решений конкретных людей [1].

Западный подход строится на другой логике. Эстонская модель электронного правительства убирает личный контакт между чиновником и гражданином, поскольку все услуги переходят в цифровой формат и пространство для коррупции сокращается. Для региона, где этот вопрос стоит остро, это необходимые меры. Параллельно реализуются программы подключения сельских районов к спутниковому интернету. Проблема в том, что обе инициативы требуют развитой институциональной базы: работающих судов, законодательства о защите данных, минимального уровня цифровой грамотности населения. Этого у большинства стран региона пока нет, поэтому западные программы проваливаются там, где китайские инфраструктурные решения дают результат уже в первые годы.

Феномен супер-приложений в регионе демонстрирует казахстанский Kaspi.kz, который охватывает более 13,5 млн пользователей и фактически вытеснил наличные деньги из городского быта. Платформа открыла доступ к финансовым инструментам для жителей регионов, в том числе для женщин, которые раньше были отрезаны от электронной коммерции. В Узбекистане похожую роль выполняет Uzum, через нее молодежь не только покупает, но и выстраивает основные социальные связи. При этом цифровые маркетплейсы постепенно вытесняют традиционную культуру базаров. Обратная сторона такой концентрации заключается в опасности, когда одна платформа обслуживает платежи, доставку, кредиты и коммуникацию, единый сбой блокирует все сразу. Данные о транзакциях десятков миллионов пользователей сосредотачиваются у одного игрока без реальных механизмов внешнего контроля над этим массивом данных [2].

Проникновение интернета в городах региона достигает 83 %, в сельской местности не превышает 48 %, а в Таджикистане падает до 26 %, что приводит к вполне конкретным последствиям. Сельские школьники лишены доступа к дистанционным образовательным платформам, которыми пользуется городская молодежь. Квалифицирован-

ные кадры концентрируются в мегаполисах и не возвращаются. Информационная среда в селах и городах расходится настолько, что речь идет о формировании двух параллельных культурных реальностей внутри одной страны [3].

Обязательная биометрическая идентификация на государственных порталах, уже введенная в ряде стран региона, формирует базы данных, позволяющие отслеживать передвижения и активность граждан в режиме реального времени. Инфраструктура при этом нередко закупается у зарубежных поставщиков, в основном у Китая, что создает одновременно техническую и политическую зависимость. Пока рынок занят импортными решениями, собственные разработки не появляются. Когда поведение граждан анализируется по транзакциям и активности в социальных сетях, государство получает полноценный инструмент слежения. Граница между управлением и слежкой в таких условиях определяется уже политической волей конкретных правительств [4].

Подводя итог, необходимо отметить, что цифровизация Центральной Азии под влиянием Востока и Запада дала парадоксальный результат. Регион совершил рывок, создав передовые продукты вроде Kaspi.kz, но этот прогресс оплачен ростом социального неравенства, особенно между городским и сельским населением, старшими и младшими поколениями. Еще большие проблемы создает внедрение технологий искусственного интеллекта в бытовую жизнь, к чему многие потребители оказались не готовы. Главный вызов для развития региона сегодня — перестать быть пассивным потребителем чужих технологий, не только опираться на зарубежный опыт, а научиться адаптировать его под национальные интересы.

Библиографический список

1. *Dyussenov M.* Digital governance or digital authoritarianism? The ambiguities of e-government in Kazakhstan // *Dialogues on digital society*. — 2025. — Vol. 1, iss. 3. — P. 274–277.
2. *Fitriani L.* Cybersecurity and digital sovereignty: an analysis of national data governance capacity in the global platform era: a literature review // *Asian digital governance problems*. — 2024. — Vol. 1, no. 2. — P. 65–77.
3. *Irnazarov F.* Youth and digital technology in Central Asia: A comparative analysis of Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan // *Silk Road Paper*. — 2025. — August. — URL: <https://www.silkroadstudies.org/resources/251208-YouthIrnazarov.pdf> (дата обращения: 10.03.2026).
4. *Zehir B., Odabaşı F.* Digital transformation in Central Asia: Opportunities and risks in a late start // *Digital security and media*. — 2025. — Vol. 2, no. 1. — P. 3–14.

Научный руководитель: **В. В. Фрольцов**,
доктор исторических наук, профессор

А. Т. Жанабергенова

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
г. Астана, Республика Казахстан

Развитие искусственного интеллекта и автоматизации

Ключевые слова: мировая экономика; искусственный интеллект; геоэкономическая фрагментация; энергетический переход; государственный долг.

Актуальность темы обусловлена беспрецедентным сочетанием структурных сдвигов в мировой экономике 2026 г. Глобальная система демонстрирует адаптивность к торговым ограничениям, однако темпы роста распределяются крайне неравномерно. Противоборство технологического рывка и геоэкономической фрагментации определяет новый ландшафт мирового хозяйства, требующий глубокого научного осмысления для выработки стратегий адаптации.

Мировая экономика в 2026 г. находится в состоянии «хрупкого равновесия» с прогнозируемым ростом ВВП от 2,6 % до 3,3 %. Научная новизна исследования заключается в выявлении феномена «региональной дивергенции», где ключевые игроки демонстрируют разнонаправленные тренды:

- США: закрепляется «американская исключительность» благодаря инвестициям в технологии и фискальной экспансии;
- Европейский союз: наблюдается стагнация (1,2–1,3 %) из-за демографических проблем и высоких цен на энергию;
- Китай: переход к «управляемому замедлению» (4,4–4,5 %), при этом страна сохраняет лидерство в «зеленом» производстве;
- Индия и АСЕАН: становятся новыми полюсами роста за счет цифровизации.

2026 г. стал годом перехода от экспериментов к «индустриализации автономии». Личный вклад автора в дело, в частности, заключается в анализе искусственного интеллекта (ИИ) не просто как цифрового инструмента, однако как основного фактора производства. Внедрение мультиагентных систем добавило 0,3 п. п. к росту американского ВВП. Однако это порождает новые проблемы: капитальные затраты на центры обработки данных в США (580 млрд долл.) перекрыли затраты на добычу нефти, что создает риски формирования «искусственного пузыря ИИ» и обострения цифрового разрыва между странами.

Анализ зарубежного опыта показывает отказ от максимума эффективности в угоду интересам национальной безопасности. Приблизительно 76 % экспертов на практике абсолютно уверены, что протек-

ционизм — долгосрочный тренд. Ключевыми изменениями цепочек поставок стали:

- friend-shoring и near-shoring: перенос производств в дружественные нам страны;

- новые хабы: Мексика, Вьетнам и Индия становятся альтернативными центрами производства электроники. Темпы роста глобальной торговли замедлились до 2,2–2,6 %, что фактически закрыло эпоху неограниченной гиперглобализации.

Теоретическая значимость работы заключается в анализе последствий «фискального лонг-ковида». К 2025 г. мировой госдолг будет равен 94 % от ВВП. Высокие проценты сделали обслуживание долга критической статьей расходов: в США платежи по процентам (4,2 % ВВП) впервые стали больше оборонных расходов. Развивающиеся страны отдают на выплаты процента в среднем 21 % своих поступлений, что ставит их под угрозу дефолта.

В 2026 г. чистая энергетика стала доминирующим объектом инвестиций (2,2 трлн из 3,3 трлн долл. общих вложений). Крупнейшим сектором стала солнечная энергетика (450 млрд долл.). Однако выявлена критическая проблема — отставание сетевой инфраструктуры, которая должна удвоиться к 2050 г. для достижения климатических целей. Дополнительной уязвимостью остается монополизация поставок лития и кобальта.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что глобальное развитие 2026 г. определяется парадоксальным сочетанием технологического оптимизма и институционального скептицизма. Практическая значимость работы заключается в обосновании необходимости:

- решения проблемы суверенного долга через международное сотрудничество;

- перераспределения ресурсов в пользу человеческого капитала для адаптации к ИИ;

- инвестиций в модернизацию электросетей для обеспечения энергетического перехода.

Научный руководитель: **Л. М. Сембиева**,
доктор экономических наук, профессор

Ж. С. Зикриллаев

Ташкентский государственный экономический университет,
г. Ташкент, Республика Узбекистан

Цифровая трансформация как фактор перераспределения глобальной экономической власти

Ключевые слова: цифровая трансформация; страны СНГ; цифровая среда; суверенитет; глобальная экономика.

Привычное определение цифровой трансформации как «технологической модернизации компаний» сегодня уже мало что объясняет. За последние пять-семь лет процесс перерос свои технические рамки и превратился в самостоятельный фактор геоэкономической перестройки. Источником силы в индустриальную эпоху был контроль над физическими ресурсами — нефтью, металлом, землей. Сейчас на этом месте оказались данные, программные платформы и алгоритмы, через которые эти данные обрабатываются. Государство, которое в состоянии формировать цифровые правила игры, фактически получает влияние, сопоставимое с тем, какое раньше давало владение крупным сырьевым активом.

Глядя на этот процесс из Центральной Азии, я не склонен соглашаться с распространенной оценкой региона как «цифровой периферии». Во-первых, такая характеристика статична и не учитывает скорость происходящих изменений. Во-вторых, географическое положение между крупными технологическими центрами Евразии (Китаем, Россией, Турцией, Индией) само по себе создает ряд возможностей, которыми пока пользуются недостаточно. Если регион сумеет договориться о единой повестке, он способен превратиться не в потребителя чужих решений, а в площадку, где сходятся разные цифровые потоки.

Цифры пока скромные, по оценкам международных финансовых институтов, доля цифрового сектора в ВВП государств Центральной Азии колеблется в пределах 3–6 %. Для сравнения, в развитых странах этот показатель давно перевалил за 10 %. Однако динамика выглядит обнадеживающе: темпы прироста цифровых сервисов в регионе устойчиво опережают среднемировые. Финтех-сектор, электронные госуслуги, системы цифровой идентификации развиваются заметно быстро, причем в разных странах с разной логикой. Казахстан реализует программу «Цифровой Казахстан», Узбекистан — стратегию «Цифровой Узбекистан — 2030», ориентированную на расширение электронного правительства и поддержку IT-индустрии. Свои инициативы есть и у Кыргызстана, Беларуси, России.

И все же главный риск виден невооруженным глазом — это технологическая зависимость от внешних платформ. Облачные сервисы, базовое программное обеспечение, серверное оборудование почти все импортируется. Подобная конфигурация сама по себе небезопасна, даже временное ограничение поставок или политически мотивированное отключение от внешнего сервиса способно остановить целые сегменты экономики. К тому же зависимость означает, что львиная доля добавленной стоимости в цифровом секторе уходит за рубеж она не остается в национальной экономике и не работает на ее рост.

Из этого, по моему убеждению, следует один практический вывод, странам региона пора уходить от логики «цифровизации ради цифровизации» к политике технологического развития. Установка терминалов, перевод документов в электронный вид, внедрение модных платформ все это нужные, но недостаточные шаги. Куда важнее формировать собственный научно-технологический потенциал, поддерживать прикладные исследования, развивать инженерные школы, строить экосистему, в которой стартап в области искусственного интеллекта (ИИ) или кибербезопасности имеет шанс вырасти до международного уровня, не покидая страну.

Конкурентные преимущества у Центральной Азии, между прочим, есть. Молодое население едва ли не главный из них; средний возраст в Узбекистане составляет около 29 лет, в Кыргызстане и Таджикистане еще меньше. Это огромный кадровый резерв при условии правильно выстроенного образования. Бурно растут IT-парки и технопарки, причем не только в столицах. Экспорт IT-услуг из Узбекистана, по данным IT Park, в последние годы исчисляется уже сотнями миллионов долларов и продолжает увеличиваться. Казахстан активно интегрируется в глобальные цифровые цепочки от центров обработки данных до экспорта программных решений.

Сложив все вместе, регион оказывается в точке выбора, либо принять роль ведомого и встроиться в чужие цифровые архитектуры на условиях, которые задаются извне, либо выстраивать собственную модель с признанием неизбежной открытости, но с упором на то, что критичные звенья инфраструктуры остаются под национальным контролем.

Понятие суверенитета, с которым мы привыкли работать, сложилось еще в XIX–XX веках и опиралось преимущественно на территориальную и политическую самостоятельность государства. В цифровую эпоху эта рамка нуждается в корректировке. Цифровой суверенитет — это вовсе не отказ от участия в мировой экономике и не «изоляция по-новому». Скорее, речь идет о способности страны контролировать ключевые технологические узлы и одновременно сохранять

полноценную интеграцию в глобальные процессы. Звучит как противоречие, но именно в этом балансе и заключается суть.

Опираясь на наблюдения за тем, как ведут себя крупные игроки — Китай, ЕС, в чем-то Индия, и учитывая особенности региона, можно предложить рабочую модель назовем ее «интеграция при цифровом суверенитете». В ее основе пять взаимосвязанных опор. Замечу это не закрытый список, и не каждая страна региона должна реализовывать все пять одновременно приоритеты будут зависеть от текущего положения и ресурсной базы.

Первая опора — устойчивость инфраструктуры. Здесь имеются в виду национальные центры обработки данных, отечественные облачные платформы хотя бы для критически чувствительных секторов оборона, госуправление, здравоохранение, финансы, собственные системы кибербезопасности. Важна не идея «все свое», которая невозможна и не нужна, а принцип, критичная часть инфраструктуры остается под национальным контролем. Сервисы общего назначения вполне могут быть импортными было бы странно отказываться от глобально лучших решений в массовом сегменте. А вот хранение персональных данных граждан или платежная система страны другая история.

Вторая опора — кадры, парадокс ситуации в том, что страны региона нередко тратят значительные средства на дотации энергоемким и низко маржинальным отраслям, тогда как инвестиции в подготовку специалистов по ИИ, анализу данных, разработке программного обеспечения дают многократно более высокую отдачу. Один компетентный data-scientist создает за год экспортного дохода больше, чем десяток рабочих мест в среднестатистическом обрабатывающем производстве. Это не призыв сворачивать промышленность, а призыв правильно составлять акценты в инвестиционной политике.

Третья опора — региональная кооперация. Признаемся честно, рынки Кыргызстана, Таджикистана или Туркменистана по отдельности слишком малы, чтобы оправдать вложения в технологически сложные проекты. Но если мыслить регионом как единым пространством, а это около 80 млн чел. со схожими языковыми и культурными параметрами, картина меняется. Совместный дата-центр, общие стандарты для финтех-операций, скоординированное обучение специалистов, единая позиция на переговорах с глобальными платформами — такие шаги могут дать эффект масштаба, недоступный ни одной стране региона в одиночку.

Четвертая опора — диверсификация партнерств. Стратегия «одного крупного партнера» в современных условиях рискованна, достаточно посмотреть, как быстро меняется глобальная политическая конь-

юнктура. Балансировка между несколькими технологическими центрами (китайским, западным, ближневосточным, индийским) и по поставщикам оборудования, и по платформам, и по образовательным программам повышает устойчивость и расширяет переговорные возможности. В сегодняшней многополярной картине гибкость стоит дороже эксклюзивных альянсов.

Пятая опора — поддержка национальных цифровых экосистем. Понимаю возражение «местная платформа никогда не догонит глобальную». Это так, и не нужно ставить такой задачи. Зато наличие даже среднего по качеству отечественного решения создает внутренний рынок данных, формирует кадровое ядро и страхует от внешних потрясений. Кроме того, сама по себе конкуренция отечественного и зарубежного игроков обычно идет пользователю на пользу, растут стандарты сервиса, снижаются цены. Государственная политика в этой части должна быть тонкой, не монополизировать, не «душить» иностранных, но создавать условия, в которых местный продукт имеет реальный шанс.

Если суммировать, предлагаемая модель не ставит регион перед выбором между открытостью и закрытостью. Она исходит из того, что эти два вектора могут и должны сочетаться. Открытость в потреблении мировых технологий при контроле над теми точками, от которых зависит национальная безопасность и долгосрочное экономическое развитие.

Сопоставление подходов разных стран региона и крупных соседних держав позволяет увидеть, что универсальной модели цифровой трансформации не существует, каждая страна решает задачу под свои стартовые условия. В то же время можно зафиксировать общие черты и точки расхождения. Сводная картина представлена в таблице.

Прежде всего Китай и Россия идут по принципиально иной траектории, чем страны Центральной Азии. Они опираются на собственные крупные платформы и национальный контроль над инфраструктурой. Беларусь занимает промежуточное положение благодаря Hi-Tech Park, но ее модель ограничена малым внутренним рынком. Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан находятся в близких стартовых условиях, и именно здесь, как мне представляется, потенциал кооперации наиболее велик: ни одна из этих стран в одиночку не построит «свой Alibaba», но вместе они вполне способны создать конкурентоспособную региональную экосистему.

Главный вывод, к которому подводит весь предшествующий анализ, я бы сформулировал так. Цифровая трансформация не нейтральная технологическая волна, поднимающая все лодки одинаково.

Сравнение моделей цифровой трансформации

Критерий	Казахстан	Узбекистан	Кыргызстан	Россия	Беларусь	Китай
Модель развития	Государственная модернизация с рыночными элементами	Институционально-реформаторская	Институциональная, акцент на цифровизации госуслуг	Государственно-корпоративная	Государственно-институциональная	Координируемая государством, ставка на национальные платформы
Источник цифровой силы	Электронное правительство, финтех, инфраструктура	IT Park, экспорт IT-услуг	Цифровые ID, госуслуги, IT-сектор	Национальные платформы, госинвестиции	IT-кластеры, Hi-Tech Park, экспорт услуг	Масштаб рынка, госинвестиции, финтех
Доля цифрового сектора в ВВП	5–7 %	3–6 %	2–4 %	7–10 %	3–5 %	10–15 %
Контроль над инфраструктурой	Зависимость от внешних технологий	Значительная зависимость	Частичная зависимость	Высокий национальный контроль	Средний; высокая зависимость от ряда поставщиков	Высокий национальный контроль
Роль государства	Программы цифровизации	Стратегия «Цифровой Узбекистан — 2030»	Национальная стратегия, e-gov	Национальные проекты, поддержка платформ	Программы цифрового развития, Hi-Tech Park	Стратегическое управление, контроль платформ и данных
Экспорт цифровых услуг	Растёт	Быстрорастущий	Начальный уровень	Развитие через государственные инициативы	Через Hi-Tech Park	Быстрорастущий, технологические решения
Уровень цифрового суверенитета	Формирующийся	Формирующийся	Формирующийся	Средний — высокий	Формирующийся, со значительной зависимостью	Высокий
Стратегический риск	Ограниченный объём рынка	Сервисная модель без глубокой технологической трансформации	Малый рынок, зависимость от внешних решений	Зависимость от импортного программного обеспечения	Малый рынок, высокая зависимость	Перегрев экономики, технологическая изоляция от Запада
Потенциал перераспределения власти	Региональный цифровой хаб	Потенциальный региональный IT-хаб	Локальный IT-хаб	Региональный лидер	Региональный IT-хаб	Альтернативный центр глобального цифрового влияния

Она перераспределяет экономическую власть, причем перераспределяет ее в пользу тех, кто способен формировать цифровую среду, а не просто пользоваться чужой. Для государств Центральной Азии это окно возможностей, которое не будет открыто бесконечно. От того, удастся ли в ближайшие 5–10 лет совместить открытую интеграцию с реальным цифровым суверенитетом, зависит, окажется ли регион субъектом новой глобальной экономики или останется ее фоном.

Научный руководитель: **Д. Т. Тураева**,
PhD, доцент

К. И. Каратеев

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Логистический суверенитет и обеспечение социальной стабильности в условиях фрагментации глобальных рынков

Ключевые слова: логистический суверенитет; глобальные цепочки поставок; инфраструктура; мобильная стабильность.

Современный этап геополитического развития ознаменован переходом от униполярной глобализации к формированию многополярного мироустройства. Этот процесс сопровождается глубокой фрагментацией глобальных рынков, пересмотром цепочек создания стоимости и обострением конкуренции не только между компаниями, но и между государственными моделями развития. На первый план выходит проблема обеспечения национальной и региональной устойчивости. Ключевую роль в ее решении играет логистика, как ключевой актив и основа социальной стабильности. Так, формирование логистического суверенитета — это требование для любого государства, стремящегося сохранить социальный мир и экономическую дееспособность в новой реальности.

Доминировавшая в последние десятилетия концепция логистики была нацелена на максимизацию эффективности и минимизацию издержек по принципу just-in-time. Создание глобальных цепочек поставок привело к экономическому росту, но одновременно создало системные уязвимости. Эти уязвимости, проявившиеся во время пандемии, санкционных конфликтов и блокировки транспортных путей, имеют болезненные социальные последствия.

Во-первых, это угроза физической доступности товаров первой необходимости. Сбой в поставке микрочипов из одной страны парали-

зует производство автомобилей в другой, а задержка контейнеровозов приводит к дефициту товаров на полках магазинов. Наиболее остро это ощущается в сегментах продовольствия и фармацевтики, где перебой напрямую угрожают здоровью и благополучию населения. Во-вторых, логистические коллапсы являются мощным драйвером инфляции. Рост фрахтовых ставок, удорожание страхования и необходимость поиска обходных маршрутов увеличивают издержки, которые в конечном итоге ложатся на потребителя. Это обесценивает доходы граждан, усиливая социальное напряжение. В-третьих, зависимость от критических иностранных логистических узлов (таких как Суэцкий или Панамский каналы, ключевые порты и железнодорожные магистрали) делает национальную экономику заложником политической конъюнктуры, ограничивая возможность суверенного принятия решений [2].

Логистический суверенитет можно определить как способность государства обеспечивать бесперебойное, контролируемое и безопасное движение материальных потоков, критически важных для функционирования экономики и общества, в любых внешних условиях. Это не означает полный отказ от международной торговли. Речь идет о формировании устойчивой логистической экосистемы с помощью ключевых стратегий:

- 1) диверсификация маршрутов и поставщиков;
- 2) развитие собственной транспортно-логистической инфраструктуры;
- 3) формирование стратегических логистических резервов и систем мониторинга.

Ответом на эти вызовы в России стало развитие инфраструктуры в рамках госпрограммы «Развитие транспортной системы», направленной на диверсификацию экспортно-импортных маршрутов. В программе прописаны цели по развитию инфраструктуры, транспортных путей, что является прямым инструментом логистического суверенитета, например, развитие участков Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей в направлениях на тихоокеанские порты (Владивосток, Находка, Восточный) и к сухопутным переходам на границу с Китаем, Северного морского пути, МТК «Север — Юг».

Инвестиции в логистический суверенитет можно рассматривать как инвестиции в социальный капитал. Предсказуемая логистика способствует социальной стабильности через несколько каналов: гарантия доступности и ценовой стабильности для населения (фундамент общественного доверия к власти); стимулирование экономики и занятости (строительство инфраструктуры создает новые рабочие места внутри страны); повышение качества жизни в регионах (развитие логистиче-

ских узлов способствует пространственному развитию и улучшению транспортной связанности внутри страны); укрепление национальной безопасности (возможность оперативно перебрасывать ресурсы, гуманитарные грузы и мобилизовать экономику в кризисной ситуации — это ключевой фактор устойчивости государства).

Таким образом, формирование нового мироустройства — это не только вопрос геополитики, но и практическая перестройка материальных основ мировой экономики [1]. В этом процессе логистика перестает быть фоновой услугой и становится центральным элементом государственной стратегии. Желание достичь эффективности за счет нарушения устойчивости несет социальную опасность. Отсюда следует, что построение логистического суверенитета — это необходимое условие для вступления в новую фазу международных отношений. Обеспечивая надежность внутренних и внешних материальных потоков, государство напрямую укрепляет социальную стабильность и создает основу для самостоятельного развития в условиях многополярности.

Библиографический список

1. *Выдашенко Л. А.* О некоторых проблемах в реализации международного транспортного коридора «Север — Юг» // Бюллетень науки и практики. — 2025. — Т. 11, № 3. — С. 130–135.
2. *Дигилина О. Б., Винарчик А. А.* Трансформация международной транспортно-логистической системы в условиях санкций // Вестник НГУЭУ. — 2024. — № 2. — С. 30–38.

Научный руководитель: **Е. Н. Кортес-Переа**

М. Е. Кичев

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Социальные вызовы трансформации глобального порядка: неравенство, цифровизация и доверие в контексте России

Ключевые слова: социальное неравенство; цифровой разрыв; кризис доверия; экологическая справедливость; устойчивое развитие.

Формирование нового миропорядка сегодня определяется не балансом сил, а качеством социальных систем внутри стран: устойчивость глобального порядка невозможна без снижения неравенства, цифрового разрыва, миграционной уязвимости и восстановления доверия к институтам.

Социальная неоднородность выступает основным источником глобальной нестабильности. По данным ООН, более трети населения

мира живет на 2,15–6,85 долл. в день, при этом 10 % наиболее обеспеченных аккумулируют свыше половины мирового дохода и три четверти богатства¹. В России это проявляется как межрегиональная асимметрия: уровень бедности 6,5–7,4 % сочетается с трехкратным разрывом медианных доходов между регионами, что подтачивает социальную мобильность и усиливает недоверие к элитам². Возникает замкнутый контур: неравенство питает кризис доверия, который блокирует реформы, способные это неравенство сократить.

Цифровая трансформация усиливает конфликт идентичностей: молодые поколения, встроенные в глобальное онлайн-пространство, все чаще отвергают приоритет «традиционных ценностей», тогда как старшие поколения их поддерживают. Цифровое неравенство делает этот разлом структурным: городская молодежь конструирует идентичность в глобальной сети, сельская остается выключенной из нее, получая двойной раскол — ценностный и возможностей. Интернет становится не только ресурсом развития, но и фактором стратификации, усиливающим уже существующие социально-экономические различия.

Международная миграция, превысившая 280 млн чел., выступает продуктом накопленных экономических, цифровых и экологических неравенств. В России около 11 млн мигрантов меняют структуру рынков труда и социальных взаимодействий, а отсутствие целостной интеграционной политики конвертируется в ксенофобию и политизацию миграционного страха³. Низкое доверие к институтам делает невозможной долгосрочную миграционную стратегию: общество не верит в ее справедливость, а элиты используют тему миграции как инструмент мобилизации.

Межстрановая миграция становится следствием накопленных неравенств — экономических, цифровых, экологических. По данным ООН за 2025 г., число международных мигрантов превышает 281 млн, вынужденно перемещенных — 117 млн. В России около 11 млн иностранных граждан и трудовых мигрантов (преимущественно из стран СНГ) меняют структуру занятости и социальную среду ряда регионов

---

¹ Доклад ООН: многие люди в мире балансируют на грани бедности, даже продвигаясь вверх по лестнице доходов // Организация Объединенных Наций. — 2025. — 24 апр. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/04/1463616> (дата обращения: 11.03.2026).

² Росстат представляет данные о численности населения с денежными доходами ниже границы бедности во II квартале 2025 г. // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). — 2025. — 5 сент. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/267106> (дата обращения: 11.03.2026).

³ Число пользователей интернета в мире продолжает расти, но сохраняющиеся диспропорции увеличивают основные цифровые разрывы // ITU. — 2025. — 17 нояб. — URL: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/Pages/PR-2025-11-17-Facts-and-Figures.aspx> (дата обращения: 11.03.2026).

(данные Росстата за 2025 г.). В странах без целостной политики интеграции миграция порождает ксенофобию и локальные конфликты. Показательно, что именно кризис доверия к институтам затрудняет выработку такой политики: население не верит в ее эффективность и честность, а политические элиты используют миграционный страх как инструмент мобилизации¹.

Кризис доверия становится ключевым системным барьером: в ряде стран, включая Россию, доверие к государственным структурам и официальным медиа снижается, уступая неформальным сетям и закрытым сообществам, что подрывает способность институтов выступать арбитром конфликтов и особенно заметно в климатической повестке: экологические реформы воспринимаются как механизм перераспределения ресурсов в пользу привилегированных групп. В результате даже формально принятые международные соглашения по климату оказываются частично нереализованными на национальном уровне.

Экологическая несправедливость замыкает контур социальных дисфункций, превращаясь в новый измеритель глобального неравенства. Страны с низким доходом несут до 75 % ущерба от изменения климата при менее чем 10 % глобальных выбросов, тогда как механизмы климатического финансирования остаются недовыполненными. В России значительная часть населения живет в зонах повышенного природного риска, причем климатические изменения в Арктике и Сибири идут вдвое быстрее среднемировых темпов. Ряд аналитиков рассматривает экологическую проблему как технологическую задачу, решаемую инвестициями в «зеленую» энергетику, но без доверия к институтам и снижения базового неравенства «зеленый переход» лишь перераспределяет ресурсы в пользу технологических лидеров, перекладывая издержки на уязвимые группы².

Формирование нового мироустройства определяется не балансом военно-политических сил, а способностью государств разорвать замкнутый круг взаимоусиливающих социальных дисфункций. Социальное неравенство питает кризис доверия — кризис доверия блокирует экологическую политику — экологические риски стимулируют миграцию — миграция обостряет ксенофобию и ценностный разлом — ценностный разлом углубляет неравенство. В России эти процессы протекают в условиях выраженной региональной неоднородности, что уси-

---

¹ World migration report 2024 // International organization for migration. — URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2024> (дата обращения: 11.03.2026).

² *Итоги* КС-30: расширение климатического финансирования и разработка плана по переходу к чистой энергии // Новости ООН. — 2025. — 22 нояб. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/11/1466891> (дата обращения: 11.03.2026).

ливают каждое звено этой цепи. Переход от модели соперничества к модели социальной солидарности возможен лишь при условии системной политики, в которой снижение неравенства, цифровое включение, миграционная интеграция, восстановление доверия и климатическая справедливость рассматриваются не как отдельные задачи, а как взаимосвязанные компоненты единой стратегии устойчивого развития.

Научный руководитель: **А. И. Матвеева**,
доктор философских наук, доцент

М. Б. Кудратиллаев

Ташкентский институт текстильной и легкой промышленности,
г. Ташкент, Республика Узбекистан

Применение цифровых технологий в медицинских методах исследований

Ключевые слова: метод; интернет вещей; рост; расположение; диагноз.

Сегодня можно увидеть, что современные технологии все активнее входят в сферу медицины. Особенно большое значение имеют такие направления, как 5G, Internet of Things и Artificial Intelligence. Их использование помогает врачам быстрее получать нужные данные, точнее проводить диагностику и в целом повышать качество медицинской помощи. Поэтому изучение подобных решений становится все более важным для развития здравоохранения.

Интернет вещей — это система, в которой разные устройства соединяются между собой через сеть и могут передавать информацию друг другу. Раньше подобные технологии воспринимались как что-то далекое, но сейчас они уже применяются во многих сферах. Медицина здесь занимает особое место, потому что именно в ней скорость получения информации и точность наблюдения за пациентом имеют очень большое значение. Благодаря IoT появляются новые способы контроля состояния человека, проведения диагностики и организации лечения.

Для Узбекистана цифровое развитие тоже стало одним из значимых направлений. После пандемии стало еще очевиднее, насколько важны электронные сервисы, современные средства связи и цифровая инфраструктура. В стране постепенно расширяются возможности в этой области, особенно в сфере государственных услуг. Вместе с этим развивается сотрудничество с государствами, которые обладают серьезным опытом в области технологий и инноваций. Все это создает условия для дальнейшего обновления экономики и социальной сферы.

В медицинской практике важны не только сами устройства, но и те данные, которые они собирают. Именно на этом основан Интернет медицинских вещей, или IoMT. По сути, это объединение медицинских приборов, цифровых платформ и сервисов в единую систему. Такой подход помогает сделать работу медицинских учреждений более организованной, а также позволяет лучше наблюдать за пациентами, даже если они находятся не в больнице, а дома.

Следует отметить, что идея Интернета вещей возникла не вчера, однако именно в последние годы она стала особенно востребованной. Это связано с быстрым развитием беспроводной связи, программного обеспечения и компактных электронных устройств. Количество IoT-устройств во всем мире постоянно растет, и медицина становится одной из тех сфер, где они используются наиболее активно. Это показывает, что технология действительно имеет большие перспективы.

Устройства, применяемые в медицинском IoT, могут быть самыми разными. Это и носимые гаджеты, и специальные датчики, и умная одежда, и даже имплантируемые элементы. Их задача состоит в том, чтобы собирать сведения о состоянии организма и передавать их в цифровую систему. В результате пациент может сам следить за основными показателями здоровья, а врач получает возможность вовремя заметить изменения и принять необходимые меры.

Интернет вещей (internet of things, IoT) представляет собой концепцию, в рамках которой различные устройства, оборудование и предметы, ранее не подключавшиеся к сети, получают возможность взаимодействовать друг с другом, обмениваться информацией и выполнять заданные функции. В последние годы технологии IoT активно внедряются в самых разных сферах, однако особенно перспективным направлением является медицина. Уже сегодня такие решения меняют подходы к диагностике, лечению и контролю заболеваний, а в будущем могут заметно трансформировать всю систему оказания медицинской помощи.

Следует отметить, что сама идея Интернета вещей не является новой, однако в последние годы ее значение заметно возросло в таких сферах, как энергетика, транспорт и здравоохранение. По оценкам, к 2025 г. общее количество IoT-устройств в мире достигнет 30,9 млрд ед., что значительно выше показателя 13,8 млрд, ожидавшегося в 2021 г. Согласно данным Statista, к 2025 г. число медицинских IoT-устройств в мире приблизится к 200 млн.

Устройства, подключенные к экосистеме IoT, могут иметь самые разные формы. Их разнообразие определяется как характером контролируемых параметров, например, физиологических показателей организма, так и способом размещения на теле человека: это может быть

специальная одежда, подкожные имплантаты или носимые гаджеты. Такие устройства способны в реальном времени передавать данные на смартфоны, компьютеры и иные беспроводные системы. С их помощью пациенты могут самостоятельно отслеживать и анализировать свое состояние, а медицинский персонал или лица, осуществляющие уход, получают удобные инструменты для постоянного мониторинга.

Иначе говоря, IoT является результатом технологической революции, благодаря которой различные устройства приобретают свойства «умных» объектов. Они объединяются между собой в сети и обмениваются информацией, что позволяет принимать необходимые решения на основе поступающих данных. Главная задача IoT заключается в том, чтобы сделать жизнь человека более удобной, гибкой и эффективной. Например, такие технологии позволяют автомобилям двигаться без участия водителя, интеллектуальному освещению автоматически включаться в пустом помещении, а кондиционеру — включаться при изменении температуры до заданного уровня. Кроме того, устройства Интернета вещей могут взаимодействовать друг с другом в интересах пользователя: к примеру, умный плеер способен подобрать и воспроизвести музыку в соответствии с предпочтениями владельца, используя данные, сохраненные на смарт-часах. Несмотря на то что многие IoT-устройства могут функционировать автономно, человек все же сохраняет возможность управлять ими, задавать параметры работы и контролировать доступ к данным.

Научный руководитель: **В. А. Цибилов**,
кандидат педагогических наук

Я. А. Маевская

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург

Догнать, чтобы перегнать?

Что на самом деле мешает нашему технологическому рывку

Ключевые слова: суверенитет; направления развития; технологии; производства; импорт.

Когда говорят о технологическом суверенитете, часто представляют железный занавес, отгораживающий страну от всего мира. На мой взгляд, это не про нас. Настоящий суверенитет — это не изоляция, а прочность каркаса, на котором держится экономика. Это способность государства в любой момент — хоть в спокойные годы, хоть, когда мир штормит — создавать критически важные технологии своими

руками. Для России после 2022 г. этот разговор перестал быть абстрактным. Санкции ударили так, что вопросы выживания встали ребром. И здесь мы уперлись в стену.

Казалось бы, статистика рапортует об успехах: импортозамещение идет, доля отечественного в магазинах и госзакупках растет. Прилавки полны, отчеты красивы. Но если копнуть глубже, вскрывается странная картина. Мы по-прежнему на 90 % зависим от импортных семян сахарной свеклы. Станки, микрочипы, целые технологические цепочки — все это все еще завязано на чужие разработки. Мы научились ловко собирать «иномарки» из готовых деталей, но своей инженерной школы, способной спроектировать эти детали с чистого листа, у нас до сих пор нет. И это не просто цифры — это наш главный парадокс.

Цель этого эссе — разобраться, как нам перестать догонять и начать опережать. Не просто замещать ушедшее, а создавать то, чего еще нет. Понять, что нам мешает и где искать те самые точки роста, которые действительно выведут Россию в технологические лидеры.

Эволюция понятия технологического суверенитета прошла два этапа. Первый реактивный, это ответ на санкции 2022 г., когда главной задачей было обеспечить физическое наличие товара любой ценой, например параллельный импорт, спешная замена комплектующих. Второй этап стратегический, это переход к обеспечению технологического превосходства, где цель не просто произвести аналог, а создать продукт с лучшими характеристиками.

Главная опасность текущего момента — ловушка «квази-суверенитета». Она возникает, когда отечественный продукт собран из иностранных компонентов на импортном оборудовании, а роль российского инженера сводится к конечной сборке. Без собственной научной школы и материаловедения такая «матрешка» рухнет при следующем витке санкций. Подлинный суверенитет начинается там, где есть право на ошибку и возможность творчества, а не только право на копирование.

Переход к опережающему развитию тормозит триада взаимосвязанных вызовов.

Первое — кадровый голод. Рынок труда высокотехнологичных специалистов (STEM) переживает шок. Согласно данным Ассоциации инновационных регионов России, за 2025 г. количество открытых вакансий для инженеров и IT-специалистов сократилось на 34,5 %. Эксперты называют это «утратой иллюзий», компании перестали верить, что дорогих специалистов можно найти, и перешли к внутренней оптимизации. Но проблема глубже, она заключена в разрыве между потребностями промышленности и компетенциями выпускников колоссален. Дефицит преподавателей, способных работать с новым оборудованием,

усугубляется отсутствием престижа инженерного труда. Более того, как отмечают эксперты, проблема ментального и физического здоровья нации напрямую влияет на производительность труда, без здорового человека не бывает эффективной экономики.

Второе — финансовая эффективность. Государство наращивает инвестиции. Так, финансирование радиоэлектронной промышленности в 2026 г. выросло на 534 % — до 186,5 млрд р., причем основной драйвер — вложения в НИОКР. Однако риски нецелевого использования средств остаются высокими. Минфин уже предлагает сократить прямое субсидирование НИОКР с 90 % до 70 %, смещая акцент на льготное кредитование через Фонд развития промышленности и гранты. Это сигнал, деньги должны работать, а не осваиваться.

Третье — региональная фрагментация. Инновационная Россия — это страна контрастов. Академические исследования фиксируют чудовищный разрыв, так по внутренним затратам на НИОКР на душу населения лидеры опережают аутсайдеров в 57,9 раз, а по численности научного персонала — в 284,5 раза. Более 80% креативных индустрий и стартапов сконцентрированы в Москве и Санкт-Петербурге. Инновации не «перетекают» в регионы, потому что там нет подготовленной инфраструктуры и платежеспособного спроса. Как следствие талантливая молодежь уезжает из периферии в столицы, оголяя остальную страну.

Несмотря на мрачный диагноз, каркас будущего суверенитета уже начал складываться.

Институциональная база. Ключевую роль играют национальные проекты технологического лидерства: «Новые атомные и энергетические технологии», «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности», программа «Экономика данных». Российская академия наук активно включилась в прогнозирование и экспертизу этих проектов, что должно повысить их научную обоснованность. Центры компетенций НТИ, например на базе СПбПУ и МИИГАиК, становятся «мозгами», генерирующими прорывные решения.

Отраслевые кейсы. Наиболее показательны контрасты. В агропромышленном комплексе Россия добилась феноменального успеха, став мировым лидером по экспорту пшеницы. Но плата за этот успех, 90%-ная зависимость от импортных семян сахарной свеклы и подсолнечника. Достижения в цифровой сфере сегодня очевидны: созданы и успешно функционируют такие платформы, как портал «Госуслуги», развиваются отечественные онлайн-кинотеатры. Однако их бесперебойная работа по-прежнему опирается на импортную серверную инфраструктуру и зарубежную микроэлектронику — т. е. на то, что нам только предстоит научиться производить самостоятельно. Более обна-

деживающая картина складывается в сельхозмашиностроении: рост финансирования отрасли на 42 % в 2026 г. позволяет говорить о том, что приоритеты государственной политики действительно смещаются в сторону реального производства.

Отдельного внимания заслуживает поворот к малому технологическому бизнесу. Раньше инновационные стартапы могли рассчитывать на господдержку лишь через крупные корпорации, что на практике часто означало недоступность таких мер. Сейчас ситуация меняется. «Единая Россия» анонсировала прямое включение малых инновационных компаний в национальные проекты, а Фонд содействия инновациям запустил адресные программы: «Студенческий стартап» (грант 1 млн р.) и «Развитие — Станкостроение» (до 30 млн р.). Именно малые предприятия, обладающие мобильностью и высокой мотивацией, способны стать драйверами обновления, внося в отрасль ту самую динамику, которой так не хватает крупным промышленным гигантам. Подводя итог, следует подчеркнуть, что технологический суверенитет не равен автаркии. Это не попытка построить стену, а умение контролировать критические точки и выстраивать кооперацию с дружественными странами на своих условиях. Россия уже прошла этап шокового импортозамещения. Теперь задача усложняется, от простого наличия технологии нужно перейти к способности ее постоянной генерации.

Моя авторская позиция заключается в том, что ключевым фактором успеха станет синхронизация трех политик: образовательной (готовящей инженера-творца), научной (создающей задел на 10–15 лет вперед) и промышленной (внедряющей разработки в серию). Без этой триады любые деньги, вложенные в НИОКР, превратятся в «черную дыру».

Перспектива, которая открывается перед нами, это формирование «креативного каркаса» экономики. Это означает, что инженерия и дизайн-мышление должны стать основой национальной идентичности и конкурентоспособности. Как точно заметил президент РАН Геннадий Красников, для освоения территорий на новом технологическом уровне нам нужны не просто рабочие руки, а «мощные научные центры по всей стране». Если мы сумеем вырастить эти центры и соединить их с бизнесом, то «догоняющее импортозамещение» навсегда останется в прошлом, уступив место опережающему развитию.

Научный руководитель: **А. А. Тимофеева**,
кандидат экономических наук, доцент

Влияние цифровой трансформации на рынок труда

Ключевые слова: рынок труда; цифровизация экономики; безработица.

Главной отличительной чертой нашего времени смело можно считать беспрецедентную скорость технологических изменений. Дискуссия о том, несет ли цифровая трансформация массовую безработицу или рождение новых профессий, является дискуссией о способности людей адаптироваться к миру, где постоянное обучение становится единственной альтернативой.

В первом квартале 2026 г. российские работодатели опубликовали свыше 16,5 тысячи вакансий, содержащих требования по работе с нейросетями или готовности к освоению таких технологий. Это в 2,7 раза превышает показатель аналогичного периода прошлого года. Как отмечают эксперты, запрос на ИИ-компетенции уже вышел далеко за пределы ИТ-сферы. Аналитики прогнозируют, что с развитием технологий искусственного интеллекта количество таких вакансий будет только увеличиваться, а искусственный интеллект прочно войдет в повседневный инструментарий специалистов из множества отраслей¹.

Цифровая трансформация наносит удар по «середине» рынка труда — конторским служащим, бухгалтерам, операторам, работникам складов. Их повторяющийся, алгоритмизируемый труд наиболее уязвим для автоматизации: нейросети сегодня способны вести документацию, писать типовые заключения и анализировать отчетность, то есть чем проще и короче задача, тем выше риск автоматизации. В результате возникает эффект «поляризации»: рынок затачивается под два полюса — высокооплачиваемых интеллектуалов и ИТ-специалистов, управляющих технологиями, и низкооплачиваемых работников сферы услуг, чей труд сложно автоматизировать (сиделки, курьеры, уборщики). Привычный для XX века «средний класс», служивший опорой стабильности, рискует исчезнуть, что ведет к росту неравенства. По оценкам McKinsey, к 2030 г. около 400 млн чел. (14 % глобальной рабочей силы) могут лишиться рабочих мест в результате автоматизации их функций цифровыми технологиями [1].

---

¹ *Работодатели в России все чаще требуют навыки работы с искусственным интеллектом* // Подмоскowie сегодня. — 2026. — 17 марта. — URL: <https://mosregtoday.ru/news/soc/rabotodateli-v-rossii-vse-chasche-trebujut-navyki-raboty-s-iskusstvennym-intellektom/> (дата обращения: 18.03.2026).

В таблице представлены факторы, указывающие на наличие или отсутствие уязвимости профессии перед искусственным интеллектом.

Факторы уязвимости перед внедрением нейросетей в профессию¹

Факторы высокой уязвимости	Факторы низкой уязвимости
Задачи с коротким временным горизонтом (от нескольких минут до нескольких часов)	Задачи с длительным временным горизонтом (от нескольких дней до нескольких месяцев)
Обширные, доступные данные по обучению	Ограниченные или труднодоступные данные по обучению
Низкая переговорная сила сотрудников	Высокая переговорная сила сотрудников
Ограниченная внутренняя ценность человеческой деятельности	Высокая внутренняя ценность человеческой производительности
Задачи можно выполнять полностью удаленно	Задачи требуют физического присутствия или ловкости

Однако, опасения, что технологии уничтожат рабочие места, сопровождают человечество веками. Луддиты разбивали ткацкие станки, но промышленная революция создала заводы и новый класс рабочих. Позже автоматизация фабрик породила миф о «конце труда», однако возникла огромная сфера услуг. Этот исторический прецедент демонстрирует закон компенсации: технологии, уничтожая одни профессии, создают другие, часто невообразимые ранее. Еще 10–15 лет назад никто не слышал о SMM-менеджерах, таргетологах, разработчиках нейросетей или операторах дронов. Эти профессии-«невидимки» возникли благодаря цифровой трансформации и сегодня составляют основу новой экономики [2].

Исходя из этого, смело можно утверждать: чем больше функций передается машинам, тем выше ценятся сугубо человеческие качества. Автоматизация рутины высвобождает ресурс для того, что невозможно алгоритмизировать, — эмпатии, творчества и критического мышления. На передний план выходит экономика «заботы»: психологи, врачи, педагоги становятся незаменимыми, поскольку их труд требует личного участия и сострадания. Одновременно растет спрос на креативный класс — художников, сценаристов, архитекторов, дизайнеров. Цифровые технологии выступают инструментом, усиливающим человеческий потенциал, они берут на себя расчеты, оставляя человеку пространство для интуиции и живого общения.

Разговор о будущем занятости требует иного подхода: в условиях, когда технологии обновляются быстрее навыков, на первый план вы-

---

¹ *Какие профессии реально может заменить ИИ* // Хабр. — 2025. — 25 июля. — URL: <https://habr.com/ru/articles/930902/> (дата обращения: 19.03.2026).

ходит концепция *lifelong learning* (непрерывного обучения) — безработица угрожает тем, кто останавливается в развитии. Однако ответственность не может лежать только на индивиде: государству необходимо создавать программы переобучения и новые социальные лифты. В долгосрочной перспективе обществу, вероятно, придется рассмотреть концепцию безусловного базового дохода как «подушки безопасности», смягчающей переход людей между профессиями и дающей время на освоение новых компетенций без риска оказаться за чертой бедности.

Библиографический список

1. *Давыденко С. В.* Влияние искусственного интеллекта на занятость населения // Вестник Прикамского социального института. — 2024. — № 1 (97). — С. 122–127.

2. *Краков М. С.* Информационные технологии — инструмент развития или угроза человечеству? // Информационные технологии в политических, социально-экономических и технических системах: материалы Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей и студентов (Минск, 22 апреля 2021 г.). — Минск: БНТУ, 2021. — С. 39–41.

Научный руководитель: **З. О. Фадеева**,
кандидат экономических наук, доцент

М. Мирзозода

Таджикский национальный университет, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Экономическая безопасность государств в эпоху технологической зависимости

Ключевые слова: экономическая безопасность; технологическая зависимость; государственный суверенитет; цифровая трансформация; мировая экономика.

Мне кажется, что сегодня экономическую безопасность государств уже нельзя понимать только через запасы сырья, объем экспорта, устойчивость бюджета или состояние валютного рынка. В XXI веке страна может иметь промышленность, природные ресурсы и крупный внутренний рынок, но при этом оставаться уязвимой, если она критически зависит от чужих микрочипов, чужих центров обработки данных, чужих платежных контуров и чужих программных сред. Именно поэтому технологическая зависимость становится не частной проблемой отдельных отраслей, а вопросом экономического суверенитета. Не случайно среди стратегических задач цифровой трансформации прямо выделяется повышение надежности и безопасности информационных систем, а также технологическая независимость инфраструктуры от обо-

рудования и программного обеспечения иностранного происхождения¹. Одновременно цифровая инфраструктура все чаще понимается как система трех взаимосвязанных уровней — цифровой идентификации, платежей и обмена данными². В моем понимании это означает очень простую вещь — если хотя бы один из этих уровней контролируется извне, то и экономическая устойчивость государства становится условной.

Особенно наглядно такая зависимость проявляется в сфере микрочипов. На первый взгляд может показаться, что это лишь одна из отраслей высоких технологий, но на деле именно она лежит в основе почти всего современного хозяйства — связи, транспорта, банковских услуг, оборонной промышленности, энергетики и производства оборудования. Меня особенно убеждает то, что современная цепочка создания полупроводниковой продукции описывается как крайне сложная, глобально распределенная и тесно взаимосвязанная, а критически важные ресурсы и стадии производства концентрируются в ограниченном числе регионов³. Более того, число торговых зависимостей в этой сфере более чем удвоилось по сравнению с периодом 2012–2014 гг., а поставки ряда материалов, кремниевых пластин и компонентов для их обработки отличаются высокой концентрацией. Для меня из этого следует прямой вывод — в эпоху цифровой экономики микрочипы стали примерно тем же, чем в индустриальную эпоху были нефть, уголь и сталь. Кто контролирует доступ к ним, тот в значительной степени влияет и на темпы роста, и на устойчивость чужой экономики.

Но зависимость государств не ограничивается только производством микрочипов. Не менее важной становится зависимость от вычислительной и облачной инфраструктуры. Если основные вычисления, ключевые центры обработки данных и технологические мощности сосредоточены в нескольких странах, то и возможности остальных участников мировой экономики неизбежно оказываются ограниченными. Сегодня около трети из 500 мощнейших суперкомпьютеров приходится на США, там же сосредоточено более половины всех вычислений, а большинство центров обработки данных также расположено именно там. За пределами нескольких крупных государств инфра-

---

¹ *Стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления*, утв. распоряжением Правительства РФ от 22 октября 2021 г. № 2998-р.

² *Национальная цифровая инфраструктура финансового рынка: доклад для общественных консультаций* / Банк России. — М., 2025. — 34 с.

³ *Mapping the semiconductor value chain. Working towards identifying dependencies and vulnerabilities* // OECD science, technology and industry. Policy papers. — 2025. — No. 182. — June. — URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/06/mapping-the-semiconductor-value-chain_5ba52971/4154cdbf-en.pdf (дата обращения: 14.02.2026).

структурный потенциал в этой сфере остается ограниченным¹. На мой взгляд, это означает, что облачная зависимость является не менее серьезной, чем энергетическая. Если государство хранит данные, обучает системы, поддерживает цифровые сервисы и управляет значимой частью хозяйственной жизни через внешнюю инфраструктуру, то оно передает вовне часть своих экономических возможностей. В таком случае вопрос стоит уже не только о скорости цифровизации, но и о том, кто именно контролирует ее материальную основу.

Еще одним узлом зависимости являются платежные системы. В современной экономике возможность произвести платеж, провести расчет, передать финансовое сообщение и обеспечить бесперебойность переводов имеет не меньшее значение, чем возможность произвести товар. Когда прекращают работу международные платежные системы, отключаются популярные платежные приложения глобальных технологических компаний, а крупные банки лишаются доступа к международной системе финансовых сообщений, становится очевидно, что платежная инфраструктура — это не просто удобный сервис, а часть национальной экономической безопасности². Для меня здесь особенно важен один вывод — суверенитет в денежной сфере сегодня определяется не только правом на эмиссию национальной валюты, но и способностью проводить расчеты без внешнего разрешения. Если страна не контролирует собственные платежные каналы, она рискует столкнуться не просто с финансовыми неудобствами, а с ограничением хозяйственной жизни как таковой.

Не менее опасной я считаю зависимость от программных экосистем. Она часто выглядит менее заметной, чем зависимость от оборудования или платежных каналов, но в реальности может быть даже глубже. Когда критически важные процессы строятся на внешних программных решениях, удаленных обновлениях, чужих прикладных интерфейсах, внешних облачных сервисах и подрядных цифровых платформах, государство оказывается уязвимым не только к санкциям, но и к технологическому сбою, утечке данных или скрытому ограничению доступа. Эта уязвимость особенно отчетливо проявляется там, где атака на финансовые организации осуществляется через инфраструктуру подрядчиков, провайдеров телекоммуникационных и облачных услуг, а также через компании, предоставляющие цифровые решения³.

---

¹ Доклад о технологиях и инновациях. Инклюзивный искусственный интеллект во благо развития. 2025 г. Обзор / ЮНКТАД. — Женева, 2025. — 40 с.

² Основные направления развития национальной платежной системы на период 2025–2027 гг. / Банк России. — М., 2025. — 43 с.

³ Обзор основных типов компьютерных атак в финансовой сфере в 2024 г. / Банк России. — М., 2025. — 36 с.

Мне кажется, что именно в этом и состоит новый характер зависимости — государство может формально владеть своими организациями, но если их работа опирается на чужую программную среду, то реальный контроль становится неполным. Экономическая безопасность в таких условиях требует уже не только защиты границ, но и защиты цифровой архитектуры хозяйства.

Поэтому я убеждена, что в эпоху технологической зависимости самая опасная иллюзия — это вера в то, что рынок сам по себе всегда обеспечивает доступ ко всему необходимому. Последние годы показали обратное. В решающий момент доступ к технологии, данным, платежам или программным решениям может оказаться не экономическим, а политическим вопросом. Но это не означает, что каждая страна обязана производить абсолютно все самостоятельно. Такой путь был бы и слишком дорогим, и во многих случаях нереалистичным. Намного важнее другое — государство должно контролировать критические звенья, иметь возможности замещения, создавать собственные цифровые и платежные контуры, развивать внутренние вычислительные мощности, поддерживать национальные программные решения и не допускать концентрации ключевых функций в единственной внешней юрисдикции. Именно такая управляемая, а не беспредельная открытость, на мой взгляд, и становится сегодня главным условием экономической безопасности.

В конечном счете я пришла бы к такому выводу. Экономически сильным в ближайшие десятилетия будет не только то государство, которое богато ресурсами или обладает крупным рынком, а то, которое способно удерживать контроль над собственной технологической основой. Микрочипы, центры обработки данных, платежные системы и программные экосистемы становятся новыми опорами национальной устойчивости. Именно поэтому в цифровую эпоху вопрос экономической безопасности все больше превращается в вопрос о том, кому принадлежит архитектура зависимости. И если раньше государства боролись главным образом за территории, сырье и торговые пути, то теперь они все чаще будут бороться за вычисления, данные, стандарты и право не быть отключенными.

Научный руководитель: **П. Содикзода**,
доктор экономических наук, доцент

Д. Н. Петрова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Социально-экономическое развитие России и ее взаимодействие с другими странами: вызовы и траектории посткризисной адаптации

Ключевые слова: социально-экономическое развитие; внешнеэкономические связи; санкции; импортозамещение; посткризисная адаптация.

Российская Федерация находится в точке бифуркации, определяющей фундаментальные основы его дальнейшего социально-экономического развития и места в глобальной системе координат. Комплекс внешних вызовов, включающий беспрецедентное санкционное давление, трансформацию глобальных цепочек поставок и усиление геополитической напряженности, ставит перед экономикой страны задачу глубокой структурной перестройки и поиска новых, устойчивых траекторий роста. Параллельно с этим, внутренние факторы, такие как демографические тренды, необходимость модернизации социальной сферы и ускоренного технологического развития, требуют переосмысления прежних моделей экономического поведения.

Проблема социально-экономического развития России и ее внешнеэкономического взаимодействия в условиях новой геополитической реальности активно исследуется отечественными учеными.

Среди них следует отметить работы А. А. Френкеля, Б. И. Тихомирова и А. А. Суркова [4], И. С. Лола и Д. Г. Асоскова [3], посвященные вопросам технологического суверенитета и альтернативных моделей развития и В. Е. Королькова [2], А. А. Блохина [1], анализирующих проблемы структурных реформ и их социально-экономических последствий. Целью, настоящей статьи является комплексный анализ текущей ситуации социально-экономического развития России, эволюции ее внешнеэкономических связей в условиях пост-кризисной адаптации, а также определение перспективных траекторий международного взаимодействия, способствующих достижению устойчивого роста и укреплению национального суверенитета.

Современный этап социально-экономического развития России характеризуется сложным переплетением адаптивных реакций на внешние шоки и внутренних потребностей в модернизации.

Санкционное давление, введенное рядом западных стран, привело к необходимости кардинального пересмотра экономической политики (см. таблицу).

Направления пересмотра экономической политики России

Направление экономической политики	Экономическая сущность направлений
1. Структурные сдвиги в экономике	Санкции, введенные против ключевых секторов российской экономики (финансовый, оборонно-промышленный, энергетический), стимулировали процессы импортозамещения и развитие внутреннего производства. Это особенно заметно в сельском хозяйстве, пищевой промышленности, машиностроении. Однако зависимость от импорта в ряде высокотехнологичных отраслей (микроэлектроника, фармацевтика, станкостроение) остается существенной, что определяет приоритетность задачи технологического суверенитета
2. Фискальная политика и бюджет	Приоритетом государственной политики стало обеспечение макроэкономической стабильности и устойчивости бюджетной системы. Увеличение расходов на оборону и социальную поддержку населения, а также поддержка импортозамещающих производств требуют поиска дополнительных источников доходов и оптимизации бюджетных расходов
3. Социальная сфера	Демографические вызовы, старение населения, а также необходимость поддержки граждан в условиях экономической неопределенности делают социальную политику одним из ключевых направлений развития. Индексация пенсий, социальных пособий, поддержка семей с детьми, развитие здравоохранения и образования — все эти меры требуют значительных бюджетных ассигнований
4. Региональное развитие	Усугубление региональных диспропорций на фоне экономических шоков требует активной политики поддержки отстающих регионов, развития межрегиональных экономических связей и использования потенциала новых экономических центров

Соответственно, глобальная экономическая и геополитическая трансформация вынудила Россию пересмотреть свою внешнеэкономическую стратегию. Деятельность многих западных компаний в России была приостановлена или прекращена. Ограничения на экспорт и импорт, заморозка активов, уход из страны ряда транснациональных корпораций оказали существенное влияние на торговый и инвестиционный баланс. Также произошла существенная переориентация торговых потоков на страны Азии (Китай, Индия), Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. Активно развивается сотрудничество в рамках ЕАЭС. Если на начальном этапе импортозамещение было в большей степени направлено на продовольствие, то сейчас акцент сместился на критически важные отрасли: машиностроение, электронику, программное обеспечение. Формирование собственных производственных цепочек и разработка отечественных технологий становится приоритетом. Приток прямых иностранных инвестиций из традиционных западных стран резко сократился. Однако сохраняется интерес со стороны инве-

стором из «дружественных стран», которые видят потенциал в замещении ушедших игроков и освоении новых ниш.

Социально-экономическое развитие России в условиях трансформации международных отношений и внутренних вызовов требует сбалансированного подхода, сочетающего максимальное использование внутреннего потенциала с развитием прагматичного и многовекторного международного сотрудничества.

Библиографический список

1. *Блохин А. А.* Российская экономика — от защитной стратегии к амбициозной // Экономические стратегии. — 2023. — № 5. — С. 54–63.
2. *Корольков В. Е.* Социально-экономическое развитие России в условиях турбулентной геополитики // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2024. — № 10. — С. 41–46.
3. *Пола И. С., Асосков Д. Г.* Торгово-экономические связи России и Китая: анализ на основе индикаторного подхода // Вопросы статистики. — 2025. — Т. 32, № 6. — С. 43–56.
4. *Френкель А. А., Тихомиров Б. И., Сурков А. А.* Социально-экономическое развитие России в 2023–2025 гг.: тенденция роста сохраняется // Вопросы статистики. — 2024. — Т. 31, № 3. — С. 35–52.

Научный руководитель: **Е. Н. Ялунина**,
доктор экономических наук, доцент

В. Д. Пилипенко

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»,
г. Новосибирск

Практическое применение беспилотных транспортных грузовиков между распределительными центрами

Ключевые слова: беспилотное транспортное средство; распределительный центр; грузоперевозки; логистика; цифровизация.

Цифровизация логистики стимулирует интеграцию автономных систем для повышения эффективности грузоперевозок между складскими узлами. По прогнозам, мировой рынок беспилотного грузового транспорта к 2027 г. достигнет 126,8 млрд долл.¹, среднегодовой темп

---

¹ *Cullen D.* Global Self-Driving Market Expected to Grow 40 % by 2027 // WorkTruck Online. — 2017. — July 12. — URL: <https://www.worktruckonline.com/news/global-self-driving-market-expected-to-grow-40-by-2027> (дата обращения: 14.04.2026).

роста — 17,1 % [3]. Ведущие международные операторы (Amazon, Walmart, DHL) внедряют автономные решения на регулярных маршрутах между хабами. Европейские DB Schenker и DHL тестируют беспилотные грузовики на коридоре Роттердам — Гамбург с экономией затрат 30 %¹.

В России компания «Магнит» совместно с Navio с 2023 г. эксплуатирует автономные грузовики на маршруте Москва — Санкт-Петербург между распределительными центрами (РЦ). К 2024 г. выполнено более 900 рейсов, перевезено около 129 млн м³ грузов². «СберЛогистика» тестирует беспилотники на маршруте Москва — Казань (для «Пятерочки») — время в пути сократилось на 18 %, затраты на топливо — на 15 %. Ключевые показатели динамика развития беспилотных грузоперевозок между РЦ в мире и России представлены в табл. 1.

Российский рынок беспилотных грузовиков показывает высокие темпы роста благодаря проекту «Беспилотные логистические коридоры». Пробег превысил 9,5 млн км, аварий нет (2025 г.). Применяется гибридная модель: автономное движение на магистрали и удаленное управление на сложных участках, что ускорило коммерциализацию

Переход к коммерческой эксплуатации подтверждает жизнеспособность технологии: в апреле 2024 г. количество рейсов удвоено до 28 в неделю. По итогам 2024 г. на маршруте Москва — Санкт-Петербург достигнуты результаты: снижение себестоимости перевозки на 37,5 %, сокращение времени в пути на 18,8 % (сняты ограничения по режиму труда водителей), рост коэффициента использования подвижного состава с 68 % до 92 %. Сравнительный анализ показателей беспилотных и традиционных грузовиков, а также экономический эффект внедрения беспилотных грузовиков представлен в табл. 2.

Несмотря на высокие капзатраты, беспилотные грузовики экономически эффективны: средняя себестоимость снизилась с 65,3 долл./100 км (2020 г.) до прогнозных 42,8 долл./100 км (2025 г.). Российский рынок отстает от мирового. При мировом объеме 65,72 млрд долл. к 2030 г. российский оценивается в 25 млрд р. (~0,3 млрд долл.). Без господдержки он составил бы лишь 300–500 млн р.³

---

¹ Goddu J. The impact of autonomous trucking on logistics // Motive. — 2022. — July 22. — URL: <https://gomotive.com/blog/impact-of-autonomous-trucking-logistics/> (дата обращения: 14.04.2026).

² Годовые отчеты Публичного акционерного общества «Магнит» // ПАО «Магнит». — URL: <https://www.magnit.com/ru/disclosure/annual-reports/> (дата обращения: 27.01.2026).

³ Трапезникова Н. Объем рынка беспилотной доставки к 2030 г. может составить 25 млрд р. // Frank Media. — 2025. — 19 авг. — URL: <https://frankmedia.ru/214972> (дата обращения: 27.01.2026).

Т а б л и ц а 1

Динамика развития и ключевые показатели беспилотных грузоперевозок между РЦ в мире и России (2020–2025 гг.)

Показатель	2020–2022 (этап испытаний)	2023–2024 (этап пилотной коммерции)	2025 (этап масштабирования)
Мировой опыт (США, Китай, Швеция)	Начало коммерческих испытаний на маршрутах (Kodiak Robotics, TuSimple). Первые рейсы без водителя в кабине в США	Рост числа пилотных проектов. Первые платные коммерческие перевозки (Kodiak Robotics, 2024). Тестирование «роев» и колонн	Ключевое событие – первое в мире пересечение границы беспилотным грузовиком (Einride, Швеция – Норвегия). Активная подготовка к массовому запуску (Aurora Innovation)
Опыт России	Формирование нормативной базы (ЭПР). Начало испытаний на трассе М-11	Старт федерального проекта «Беспилотные логистические коридоры». Начало регулярных рейсов КамАЗов по М-11	Данные на конец 2025 г.: — пробег: >9,5 млн км по РФ; — объем перевезенных грузов: > 640 тыс. м³; — парк: 90–100 грузовиков на трассах; — ключевые операторы: Navio, КамАЗ (NatCar)
Ключевые экономические драйверы	Исследование потенциала снижения затрат на 25–30 %. Решение проблемы дефицита водителей	Доказанная экономия на оплате труда водителей и оптимизации топлива. Круглосуточный режим работы	Прогноз снижения затрат: до 30–35 % на длинных магистральных маршрутах при массовом внедрении
Основные технологические и регуляторные барьеры	Недостаточная надежность систем, отсутствие законодательной базы	Необходимость инфраструктурных хабов для перехода на «последнюю милю». Ограничения по погодным условиям	Продолжающаяся зависимость от качества дорожной инфраструктуры. Необходимость международной гармонизации правил

**Сравнительные операционные показатели
беспилотных и традиционных грузовиков (2025 г.)**

Показатель	Беспилотные грузовики	Традиционные грузовики	Разница, %	Экономический эффект
Себестоимость перевозки на 100 км, долл.	42,8	68,5	–37,5	Экономия 25,7 долл./100 км
Время в пути (Москва — Санкт-Петербург), ч	11,2	13,8	–18,8	Ускорение на 2,6 ч
Расход топлива на 100 км, л	28,3	36,8	–23,1	Экономия 8,5 л/100 км
Коэффициент использования транспорта, %	92	68	+24	Увеличение на 24%
Частота ДТП на 1 млн км	0,15	0,42	–64,3	Снижение рисков на 64,3%
Точность соблюдения расписания, %	98,3	86,7	+11,6	Повышение надежности

Ключевой драйвер — господдержка и регуляторика. Экспериментальный правовой режим (ЭПР) продлен до 2028 г. и расширен. «Лемана ПРО» фиксирует снижение затрат до 4% и рост скорости доставки до 30 %. Дополнительные факторы: решение дефицита водителей, повышение безопасности. В 2026 г. ожидаются грузовики пятого уровня автономности и запуск М 12 «Восток».

Научный руководитель: **А. В. Ткаченко**

А. А. Шавкунова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

**Стратегическое и проектное управление
как детерминанта обеспечения
технологического суверенитета Российской Федерации**

Ключевые слова: технологический суверенитет; стратегическое управление; проектное управление; искусственный интеллект; университетско-промышленный кластер.

В условиях беспрецедентной глобальной турбулентности — от жестких санкционных ограничений до полномасштабного разрыва международных технологических цепочек — вопрос достижения технологического суверенитета перестал быть исключительно экономической категорией. Сегодня это стратегический императив национальной без-

опасности, требующий радикальной трансформации фундаментальных управленческих парадигм. Обеспечение подлинной независимости требует синергии стратегического и проектного управления, которые должны выступать не как формальные бюрократические процедуры, а как адаптивные механизмы, способные конвертировать долгосрочные цели в конкретные, измеримые результаты.

Теоретический базис управления предполагает четкое распределение ролей: стратегический уровень определяет вектор развития, в то время как проектный инструментарий обеспечивает практическую реализацию. Однако в современных российских реалиях эта связь зачастую оказывается разомкнутой.

Эмпирическое исследование, проведенное автором в 2024–2025 гг. среди 37 компаний среднего и крупного бизнеса, выявило глубокий системный кризис в интеграции этих уровней. Результаты демонстрируют критический разрыв в управленческой вертикали, представленный в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Степень интеграции стратегических целей и проектной деятельности в российском бизнесе (2024–2025 гг.)

Группа компаний	Доля, %	Характеристика управленческой модели
Интегрированные	28	Наличие сквозной связи между целями (импортозамещение, цифровизация) и портфелем проектов
Декларативные	~36	Стратегия официально утверждена, но не имеет механизмов воплощения в проектную деятельность
Несогласованные	~36	Запуск проектов происходит стихийно, без учета общего вектора развития организации

Данный «управленческий вакуум» приводит к нерациональному распределению ресурсов и потере временного преимущества. Ситуация осложняется технологической зависимостью: лишь 19 % организаций применяют технологии искусственного интеллекта (ИИ) даже на базовом уровне. Большинство руководителей продолжают опираться на интуитивные методы или устаревшие ERP-системы, неспособные к обработке данных в реальном времени.

Внедрение ИИ выступает не факультативной опцией, а необходимым компонентом современного инструментария, обеспечивающим предиктивность и адаптивность управления. Кейсы компаний, интегрировавших ИИ-аналитику и цифровые двойники на базе отечественного программного обеспечения, подтверждают значительный прирост операционной эффективности (табл. 2).

**Влияние внедрения ИИ-инструментов
на ключевые показатели эффективности (KPI)**

Показатель эффективности	Эффект от внедрения, %
Сокращение срока вывода инноваций на рынок (time-to-market)	–35
Повышение общей рентабельности бизнеса	+22
Точность прогнозирования дефицитов и «узких мест»	До 90

Для преодоления технологической зависимости и перехода к модели опережающего развития предлагается следующий комплекс конкретных мер. Необходимо осуществить переход от жесткого долгосрочного планирования к гибкой стратегии, управляемой данными, где ИИ обеспечивает непрерывную обратную связь между проектом и стратегической целью [1]. Внедрение систем интеллектуальной поддержки принятия решений (DSS) должно стать обязательным этапом при утверждении портфеля проектов по импортозамещению. Создание «прорывных» автономных команд внутри структур корпораций позволяет увеличить генерацию инновационных идей на 40 %. Наделение таких команд правом на операционную самостоятельность и предоставление прямого доступа к инструментам ИИ-аналитики. Использование опыта университетско-промышленных кластеров (на примере Уральский государственный экономический университет) для сокращения цикла «НИОКР — серийное производство» в 2–3 раза [2].

Технологический суверенитет — это не состояние изоляции, а способность конкурировать и лидировать на глобальном рынке за счет качественного изменения управленческой культуры. Только через эволюцию в единую ИИ-усиленную систему возможно достижение подлинной технологической независимости Российской Федерации¹.

Библиографический список

1. *Ефремова Н. А., Зайцев Д. С.* Роль университетско-промышленных кластеров в формировании технологического суверенитета // *Инновации.* — 2023. — № 9. — С. 34–42.
2. *Кузнецов А. А., Логинова А. В.* Интеграция стратегического и проектного управления в условиях технологической неопределенности // *Управленческое консультирование.* — 2023. — № 6. — С. 45–57.

Научный руководитель: **Е. Г. Шеина**,
кандидат экономических наук, доцент

---

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.: указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309.

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Конкурс научно-исследовательских работ

С. Е. Аверин

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Защита прав в сфере дополнительного образования: инструменты обжалования некачественного обучения — от досудебной претензии до иска

Ключевые слова: право на образование; дополнительное образование; защита прав граждан; социальные права.

Актуальность обусловлена тем, что рынок дополнительного образования, особенно онлайн-курсов, стремительно растет, но это сопровождается ростом количества споров о качестве услуг. В цифровой среде эти конфликты усугубляются спецификой оказания услуг на расстоянии.

Потребители онлайн-курсов сталкиваются с барьерами в защите прав, а также необходимостью адаптации механизмов обжалования к цифровой среде в свете законов от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Закон № 273-ФЗ), от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (Закон № 2300-1) и норм о дистанционном взаимодействии.

По данным Роспотребнадзора, в 2024–2025 гг. жалобы на некачественные онлайн-курсы выросли почти на 30 %¹. За 2024 г. поступило более 4 тыс. обращений, а за первую половину 2025 г. их количество

---

¹ Темченко С., Мисина В. Учебная голограмма: россияне жалуются на качество онлайн-курсов // Известия. — 2026. — 5 февр. — URL: <https://iz.ru/1957372/sofa-temchenko-valeria-misina/ucebnaa-gologramma-rossiane-zaluutsa-na-kacestvo-onlain-kursov> (дата обращения: 11.02.2026).

достигло уже 3,7 тыс.¹ За первые шесть месяцев 2025 г. было подано 170 исков, и сумма взысканий с участием регулятора составила более 12 млн р. Из них 700 тыс. р. пришлось на моральный вред². При этом механизмы защиты прав остаются для потребителей малопонятными, а свежая судебная практика Верховного Суда РФ, подтверждающая право на возврат средств за некачественную услугу, делает тему особенно значимой.

Проблема состоит в отсутствии у потребителей онлайн-курсов четкого понимания последовательности инструментов обжалования — от досудебной претензии к провайдеру до подачи иска в суд, а также в нормативных пробелах: неунифицированные критерии оценки качества цифрового контента, сложности фиксации нарушений в онлайн-среде и низкой информированностью потребителей о том, как именно применять общие нормы закона (например, о дистанционной сделке) к конкретной ситуации с онлайн-курсом.

Ключевым прецедентом стало дело № 4-КГ24-57-К1, рассмотренное Верховным Судом РФ. Истец приобрел курс 3D-художников на платформе «Гикбрейнс» и обнаружил существенные недостатки: программу заменили на урезанную версию, домашние задания проверяли с задержками, в графике появились незапланированные каникулы, вебинары в прямом эфире заменили на записи, навязали лишний курс. Нижестоящие инстанции подтвердили некачественность услуг, но взыскали деньги только за непройденную часть, применив ст. 32 Закона № 2300-1 (отказ без вины исполнителя). Верховный Суд указал на фундаментальную ошибку: ст. 32 работает, когда потребитель отказывается от договора сам, а исполнитель ничего не нарушал. В данном деле имели место именно существенные недостатки услуги, поэтому подлежит применению ст. 29 Закона № 2300-1, дающая право на полный возврат всей уплаченной суммы, независимо от объема фактически потребленного контента. Суд подчеркнул: частичное прохождение некачественного курса не лишает права на полное возмещение. Позиция принципиально меняет практику: формальная отсылка к «доступ открыт — услуга оказана» больше не работает. Ключевым становится вопрос качества: если курс не соответствует обещанному, потребитель вправе требовать возврата всей стоимости³.

---

¹ *Онлайн-курсы блогеров предложили лицензировать* // Парламентская газета: сайт. — 2025. — 21 окт. — URL: <https://www.pnp.ru/social/onlayn-kursy-bloggerov-predlozhili-licenzirovat.html> (дата обращения: 11.02.2026).

² *Растет число жалоб на онлайн-образование* — официально // D-Russia.ru: сайт. — 2025. — 21 окт. — URL: <https://d-russia.ru/rastjot-chislo-zhalob-na-onlajn-obrazovanie-oficialno.html> (дата обращения: 11.02.2026).

³ *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2024 г. № 4-КГ24-57-К1 по делу № 2а-4587/2023.*

Параллельно с развитием судебной практики начал решаться и фундаментальный нормативный пробел, а именно отсутствие объективных критериев оценки качества онлайн-курсов. Как отмечает руководитель практики Бюро адвокатов «Де-юре» Р. Гитинов, «законом прямо не предусмотрены критерии, которые бы позволили на этапе заключения договора определить качество обучающих онлайн-курсов». Именно это долгое время служило главным барьером: субъективное ощущение «некачественности» сложно трансформировать в юридически значимые доказательства. В июле 2025 г. НИУ ВШЭ и Skillbox представили первую многокомпонентную модель оценки качества цифровых образовательных продуктов для ДПО. Система охватывает весь цикл — от бизнес-процессов до результатов студентов, и является научно обоснованным инструментом, позволяющим подтверждать качество (или его отсутствие) объективными критериями. Появление валидированной методики позволяет преодолеть «цифровой барьер доказывания»: теперь некачественность курса может быть подтверждена экспертным заключением, а не только субъективным мнением слушателя¹.

Закрепленная Верховным Судом правовая позиция о полном возврате средств и появление объективной методики оценки качества создают необходимую нормативно-доказательственную базу. Однако сами по себе эти достижения не работают без четкого понимания того, как именно потребителю выстроить линию поведения. В связи с этим, чтобы потребители могли уверенно защищать свои права при покупке онлайн-курсов, нужен понятный алгоритм действий. Он должен состоять из логически связанных шагов, последовательное выполнение которых даст необходимые материалы и основания для перехода к следующему этапу. Такая инструкция сделает процесс отстаивания интересов в сфере онлайн-образования прозрачным и результативным.

Первый этап — превентивный. До заключения договора рекомендуется проверить наличие лицензии, изучить условия о подсудности, одностороннем изменении стоимости и порядке фиксации оказания услуг, проанализировать отзывы. В идеале — соотнести программу с критериями модели ВШЭ для объективной оценки качества.

Второй этап — фиксация нарушений. Необходимо сохранять скриншоты рекламы и лендингов (с датами), программу курса на момент покупки, переписку с техподдержкой, подтверждения оплаты. При обнаружении несоответствий — составлять акты осмотра личного кабинета или видеозапись экрана.

---

¹ ВШЭ и Skillbox создали модель оценки качества онлайн-курсов // РБК Компании. — 2025. — 1 авг. — URL: <https://companies.rbc.ru/news/JG6Oo3a7xY/vshe-i-skillbox-sozdali-model-otsenki-kachestva-onlajn-kursov/> (дата обращения: 11.02.2026).

Третий этап — досудебная претензия. Потребитель вправе требовать соразмерного уменьшения цены, устранения недостатков либо возврата средств. Отказ от договора возможен в любое время, но с оплатой фактических расходов исполнителя. Бремя доказывания их размера лежит на исполнителе.

Четвертый этап — судебная защита. Иск содержит расчет неустойки (3 % в день, ст. 28 Закона № 2300-1), компенсацию морального вреда (ст. 15 Закона № 2300-1) и штраф 50 % (п. 6 ст. 13 Закона № 2300-1). Ключевое доказательство — экспертное заключение по методике ВШЭ/Skillbox либо иной валидированной модели.

Ознакомиться с предложенным алгоритмом и использовать его на практике потребители смогут непосредственно из текста, данного эссе, а также в случае его адаптации и размещения в открытых источниках. Наиболее целесообразной площадкой для распространения подобных практико-ориентированных инструкций является Государственный информационный ресурс в сфере защиты прав потребителей, где в разделе «Справочник потребителя» уже публикуются типовые алгоритмы защиты прав в различных сферах. Внедрение разработанной пошаговой стратегии в указанный ресурс позволит сделать инструменты обжалования некачественных онлайн-курсов доступными для каждого гражданина.

Таким образом, проблема защиты прав потребителей онлайн-курсов обрела конкретные правовые и методические решения. Судебная практика закрепила: существенные недостатки услуги влекут полный возврат средств независимо от объема потребленного контента. Формальный подход уступил место оценке реального качества. Появление валидированных методик позволило перевести субъективное ощущение некачественности в объективное экспертное заключение. Разработанный в эссе алгоритм объединяет эти достижения в практико-ориентированную систему защиты — от превентивной фиксации нарушений до судебного взыскания всей суммы с неустойкой и штрафом. Каждый этап адаптирован к цифровой специфике и опирается на актуальную судебную практику. Инструменты обжалования — от досудебной претензии до иска перестали быть абстрактным перечнем прав. Они трансформировались в доступную пошаговую стратегию, позволяющую восстановить нарушенное право и стимулировать добросовестное поведение на рынке онлайн-образования.

Научный руководитель: **А. Ш. Вохидова**

А. А. Бардыгина

Ташкентский государственный экономический университет,
г. Ташкент, Республика Узбекистан

Реализация и защита прав несовершеннолетних в сети Интернет

Ключевые слова: цифровая среда; защита прав несовершеннолетних; кибербуллинг; мошенничество; искусственный интеллект.

С каждым годом количество пользователей сети Интернет растет, в частности увеличивается число детей и подростков, их доля составляет 79,4 % на 2025 г. Интернет предоставляет широкий спектр возможностей для подростков и детей, таких как обучение, получение информации, общение с людьми из разных стран и даже континентов, а также возможности для самореализации. В то же время, цифровая среда может нести серьезные угрозы, которые невозможно устранить без реализации и защиты прав несовершеннолетних.

Как и взрослые, несовершеннолетние обладают правами и свободами, закрепленными в международных актах и национальном законодательстве, включая право на образование, получение информации, свободу выражения мнения и защиту частной жизни. Международные гарантии прав показаны в Конвенции ООН о правах ребенка, которая обеспечивает как свободу самовыражения, так и защиту от вмешательства в личную жизнь. Я считаю, что защита и реализация данных прав в цифровой среде способствуют расширению возможностей несовершеннолетних для личностного и интеллектуального развития, получения доступа к образовательным платформам, а также их успешной социальной адаптации. Тем не менее, полноценная реализация прав несовершеннолетних невозможна без определенных механизмов их защиты, поскольку интернет, поскольку цифровая среда обладает анонимностью, создающей риски для информационной и личной безопасности.

В интернете существует множество опасностей, с которыми может столкнуться ребенок. Одним из самых серьезных факторов риска является кибербуллинг, который представляет собой психологическую травлю в сети. Он приводит к ухудшению психического и эмоционального состояния, снижению успеваемости и изоляции от общества. Согласно исследованию «Каковы последствия кибербуллинга?» около 59 % подростков в США сталкиваются с буллингом в сети Интернет, а 90 % из опрошенных считают, что данная проблема затрагивает большинство несовершеннолетних. Дети также сталкиваются с интернет-мошенничеством, утечкой персональных данных и вредным кон-

тентом. Я также сталкивалась с мошенниками в социальных сетях, пытавшимися притвориться родными для того чтобы обманом получить денежные средства, но я смогла вовремя распознать угрозу и не стать жертвой мошенничества. Однако, доверчивость и недостаток опыта делают несовершеннолетних уязвимее к подобным рискам. Кроме того, особую опасность представляют экстремистские и террористические сообщества, которые используют мессенджеры и онлайн-игры для вовлечения детей. Ярким примером подобных платформ являются онлайн-игры, в том числе Roblox, в которых дети могут вступать в общение с незнакомыми лицами, включая представителей экстремистских или террористических сообществ. В России в 2021 г. в Перми произошло вооруженное нападение на Пермский государственный университет. По данным Следственного комитета, студент активно искал и интересовался материалами о массовых нападениях в интернете. Дополнительную угрозу создает искусственный интеллект, который способствует распространению фейковой информации. Подростки, не обладающие достаточным уровнем знаний для распознавания недостоверной информации, могут становиться жертвами дезинформации, что негативно сказывается на их развитии.

Защита прав несовершеннолетних обеспечивается законодательством и комплексом правовых мер, который существует практически в каждой стране. Защита прав несовершеннолетних обеспечивается комплексом правовых мер. В Российской Федерации данная сфера регулируется федеральными законами от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», а также нормами уголовного законодательства. В Республике Узбекистан правовая защита основывается на Конституции Республики Узбекистан, Законе № ЗРУ-560 «Об информатизации», Законе № ЗРУ-547 «О персональных данных» и нормах Уголовного кодекса. На данный момент, важную роль играют именно платформы, которые обязаны обеспечить безопасность пользователей. Однако, я считаю, что существующих мер недостаточно, новые методы могут дать больше возможностей в сфере защиты прав.

По моему мнению, права несовершеннолетних могут эффективно регулироваться и реализоваться только в том случае, если защита прав будет строиться на сочетании правовых, образовательных и технологических мер.

В первую очередь, необходимо развивать цифровую грамотность среди подростков и детей. К примеру, можно ввести обязательные образовательные программы, посвященные восприятию информации, кибербуллингу и защите персональных данных.

Также регулирование контента и его модерирование с помощью специальных платформ или приложений поможет реже встречать ложную информацию или вредный контент. Кроме того, для сокращения числа террористических организаций следует ввести блокирование по серийному номеру компонентов компьютера, что помешает созданию повторных аккаунтов и предотвратит распространение деструктивного контента.

В данной проблеме также важна роль семьи. Родители должны выстраивать доверительные отношения, которые впоследствии помогут выйти на открытый диалог с ребенком. В дополнение к этому, создание приложения, которое будет иметь доступ к голосовым и обычным чатам и в случае чего будет отправлять данные родителям. Данное нововведение поможет сократить вербовку в террористические организации.

Наконец, международное сотрудничество способствует разработке уникальных и универсальных методов в обеспечении цифровой безопасности и обмену специальными подходами между государствами.

В заключение следует отметить, что реализация и защита прав несовершеннолетних в сети Интернет является общей задачей, которая требует совместных усилий государства, семьи, образовательных учреждений и международных организаций. Я убеждена, что при совместной работе и вовлечению всех участников, в том числе и детей, будет возможно создать безопасное цифровое пространство для всех участников сети Интернет, а также воспользоваться всеми возможностями в цифровой среде.

Научный руководитель: **Б. Б. Избосаров**,
доктор экономических наук

А. О. Бельдина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Краудсорсинг как инструмент стратегического партнерства органов власти и граждан

Ключевые слова: цифровая трансформация; краудсорсинг; государственное управление.

Цифровая трансформация государственного управления, зафиксированная в стратегических документах Российской Федерации, предполагает не только внедрение технологических решений, но и измене-

ние моделей взаимодействия между властью и обществом. Одним из наиболее востребованных инструментов такого взаимодействия становится краудсорсинг — технология сбора идей, предложений и обратной связи от граждан для решения общественно значимых задач. В Концепции развития механизмов электронной демократии до 2020 г. краудсорсинг определялся как ключевой элемент «качественно нового уровня взаимодействия граждан и государства». В Прогнозе научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. краудсорсинг упоминается в разделе информационно-коммуникационных технологий как перспективная технология управления, позволяющая вовлекать граждан в публичную политику и совершенствовать практики госуправления.

Цифровая демократия, как отмечает М. Б. Добробаба, представляет собой «эволюционную трансформацию традиционной демократии, обусловленную цифровизацией политико-правового пространства» [1, с. 33]. В отличие от классических форм народовластия, цифровая демократия опирается на информационно-коммуникационные технологии, что позволяет расширить охват участников, снизить транзакционные издержки и обеспечить более оперативную обратную связь. В структуре цифровой демократии краудсорсинг занимает особое место: он не сводится к электронному голосованию или петициям, а предполагает коллективную выработку решений на всех этапах — от постановки проблемы до оценки результатов.

В зарубежной и российской науке краудсорсинг в государственном управлении рассматривается как форма «соучаствующего управления». А. В. Соколов, анализируя региональные краудсорсинговые площадки, подчеркивает, что они становятся инструментом прямой демократии, позволяющим учитывать мнение широких слоев населения при принятии управленческих решений [2].

Таким образом, краудсорсинг вписывается в модель стратегического партнерства, где власть выступает организатором и модератором, а граждане — не пассивными получателями услуг, а соавторами решений.

Несмотря на накопленный позитивный опыт, реализация краудсорсинговых механизмов сталкивается с рядом проблем, выделенных в научной литературе и официальных документах:

Цифровое неравенство. Как отмечает М. Б. Добробаба, цифровая демократия в России развивается неравномерно, что «обусловлено проблемой цифрового неравенства» [1, с. 31]. Наиболее активно инструменты краудсорсинга внедряются в мегаполисах, тогда как в малых городах и сельской местности доступ к ним и уровень цифровой грамотности ниже.

Отсутствие единых процедур. В законодательстве не закреплены единые требования к проведению краудсорсинговых процедур, гарантирующие равенство возможностей для участников, использующих разные каналы коммуникации.

Проблемы идентификации и информационной безопасности. Использование цифровых платформ требует надежной аутентификации пользователей, чтобы исключить накрутки и ботов. В то же время избыточная идентификация может снизить готовность граждан к участию.

Проведенный анализ показывает, что краудсорсинг стал неотъемлемым инструментом цифровой демократии в России. Правозащитник должен учитывать цифровое неравенство, риски конфиденциальности, отсутствие единых процедур и право клиента на отказ от цифрового участия. Грамотное сочетание краудсорсинговых механизмов с традиционными правовыми инструментами позволяет повысить эффективность защиты прав граждан, сделать ее более системной и прозрачной.

Библиографический список

1. *Добробаба М. Б.* Правовое регулирование в информационной сфере // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20, № 2 (171). — С. 27–34.

2. *Соколов А. В.* Краудсорсинговые площадки органов власти (на примере региональных программ «Открытый регион» и «Электронное правительство») // Человек. Сообщество. Управление. — 2015. — Т. 16, № 3. — С. 75–89.

Научный руководитель: **О. Г. Бельдина**

Н. А. Евстигнеев

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Современное местное самоуправление

Ключевые слова: единая система публичной власти; взаимодействие; органы местного самоуправления; органы государственной власти; полномочия органов местного самоуправления.

Принятие Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» — событие, которое сложно назвать рядовым. Это не просто очередная редакция устаревшего документа, а скорее смена самой оптики, через которую законодатель смотрит на муниципальную власть.

Новая редакция пытается уйти от этой теоретической расплывчатости. Местное самоуправление здесь трактуется более приземленно — как инструмент, с помощью которого люди решают свои повседневные проблемы: состояние дорог, работа транспорта, благоустройство, качество социальных услуг. Законодатель словно говорит: давайте меньше спорить о высоких материях и больше думать о том, как сделать так, чтобы в поселке было светло, тепло и чисто. Идеологический пафос уступает место прагматике.

Самые ощутимые перемены коснулись того, как устроена сама карта местной власти. Привычная двухуровневая модель «поселение — район» перестала быть единственно возможной. Теперь законодатель делает ставку на одноуровневую систему: городские округа, муниципальные округа и внутригородские территории в городах федерального значения. Логика здесь простая и по-своему убедительная — унификация и управляемость. Укрупнение — это тренд, и новый закон его окончательно легализует.

Но у этой медали есть и обратная сторона, о которой пока говорят меньше, но которая неизбежно даст о себе знать. Когда несколько небольших поселений сливаются в один большой муниципальный округ, власть неизбежно уходит из «глубинки». В условной деревне, которая раньше была отдельным поселением со своим бюджетом и пусть скромным, но своим административным ресурсом, теперь остается лишь территориальный отдел или вообще никого. Все ключевые решения — по ремонту дороги, по водоснабжению, по уборке снега — принимаются за сорок, а то и за сто километров, в административном центре округа.

Возникает парадокс: власть формально становится ближе к региональному центру, но для жителя отдаленной деревни она оказывается дальше, чем когда-либо. Раньше можно было прийти на прием к главе поселения, который жил здесь же, в соседнем доме. Теперь нужно ехать в город, записываться через интернет, которого нет, или пробиваться через секретаря. Это и есть та самая цена унификации, которую платит конкретный человек. Хорошо, если в бывшем поселении оставят толкового старосту или создадут территориальный отдел с реальными полномочиями. Но закон лишь допускает такую возможность, но не гарантирует ее. И здесь многое будет зависеть от доброй воли и ресурсов регионов, а они, как известно, есть не у всех.

Если старая система строилась на жесткой привязке полномочий к типу муниципалитета (городское поселение, сельское поселение, район), то новый закон предлагает более подвижную конструкцию. Вместо длинных и запутанных списков «вопросов местного значения» вводится трехуровневая система распределения функций.

Первый уровень — это восемнадцать неотчуждаемых полномочий, тех, что намертво закреплены за муниципалитетами. Это вопросы, которые не требуют колоссальных бюджетов, но критически важны для жизни: благоустройство, уличное освещение, ритуальные услуги, сбор мусора. Их нельзя передать наверх, они должны решаться на месте.

Второй блок — двадцать девять позиций, которые регион может забрать себе, если посчитает, что справится с ними эффективнее. Это, как правило, более затратные истории, требующие серьезной инфраструктуры и квалифицированных кадров.

Третий — восемнадцать направлений, где регион, наоборот, может «спустить» свои функции вниз, но только при условии, что передаст вместе с ними и деньги, и ресурсы. Без финансового обеспечения такая передача просто невозможна.

Такая схема выглядит разумной. Она позволяет учитывать реальные возможности региона и конкретного муниципалитета. Где-то район сильный, с развитой экономикой, и может взять на себя дополнительные задачи. Где-то, наоборот, региональные власти вынуждены подключаться, потому что у местного бюджета просто нет ресурсов. Это напоминает принцип субсидиарности в европейском управлении, когда решение принимается на том уровне, где его можно исполнить наиболее эффективно. Правда, в российских реалиях эта гибкость может обернуться и избирательным подходом: выгодные полномочия регионы могут оставить себе, а проблемные, без достаточного финансирования, спустить вниз.

Что касается структуры органов власти, то здесь внешне все осталось по-прежнему: совет депутатов, глава, администрация. Но способ, которым люди попадают в кресло главы, изменился заметно. Раньше вариантов было меньше, теперь их целых четыре. Самый спорный — когда главу выбирают из числа кандидатов, предложенных губернатором. Формально это укрепляет единство власти, не дает возникнуть конфликту между регионом и муниципалитетом. Но по факту глава попадает в ситуацию двойного подчинения: с одной стороны, он должен отстаивать интересы своих избирателей, с другой — оправдывать доверие регионального начальства, от которого теперь напрямую зависит его карьера.

Учитывая, что больше половины доходов местных бюджетов (по разным оценкам, до 60 % и выше) формируется за счет отчислений из региона, зависимость эта становится почти абсолютной. Глава, которого не утвердил или не предложил губернатор, оказывается в очень уязвимом положении. Хорошо это или плохо? С точки зрения управляемости — возможно, хорошо. С точки зрения самостоятельности

и учета местных интересов — большой вопрос. Есть риск, что фигура главы превратится в чиновника, назначаемого «сверху», а не в лидера, избранного «снизу».

Усилилась и ответственность. Появилось основание для отставки, которого раньше не было: систематическое невыполнение ключевых показателей эффективности. Сама по себе идея пришла из бизнеса, где KPI — обычный инструмент оценки. В государственном управлении это работает сложнее. Что считать показателем эффективности? Количество отремонтированных метров дороги на душу населения? Процент жалоб, на которые ответили в срок? Удовлетворенность граждан, которую трудно измерить цифрами? Методики оценки еще предстоит отточить, и здесь велик риск формального подхода, когда главным показателем станет не реальное улучшение жизни, а отчетность перед регионом.

Региональные власти получили и право отрешать глав от должности при определенных условиях. Губернатор может сделать это за ненадлежащую работу, но не сразу, а после года работы главы и с учетом мнения местных депутатов. Либо в ситуации, когда депутаты дважды отклоняли его предложение об отставке главы — тогда он может настоять на своем, но не ранее чем через два года. Это такие «процессуальные фильтры», призванные не допустить произвола, но в то же время дающие региону рычаги давления на нерадивых или nepокладистых руководителей.

Что касается общения власти с людьми, здесь законодатель в основном сохранил прежние механизмы. Люди по-прежнему могут голосовать, участвовать в референдумах и сходах (это прямая демократия). Или включаться в более мягкие формы участия: публичные слушания, опросы, инициативные проекты, территориальное общественное самоуправление. Все это осталось.

Но интересно, что некоторые процедуры из нового закона исчезли. Например, там подробно не расписан порядок отзыва депутата или механизм рассмотрения обращений граждан. Очевидно, предполагается, что это урегулируют либо региональные законы, либо специальный Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». С одной стороны, в этом есть логика: зачем дублировать? С другой — некоторая децентрализация в деталях на фоне общей централизации всей системы выглядит немного неожиданно. Возможно, это сигнал регионам: в частности разбейтесь сами, а общие правила игры заданы сверху.

Если попытаться увидеть общую картину, становится понятно: мы переходим от модели относительно автономных муниципалитетов

к модели, где местная власть — это органичная часть большой государственной машины. Основные векторы перемен — укрупнение территорий, перераспределение полномочий в сторону гибкости, усиление влияния регионов и ужесточение требований к руководителям.

Насколько удачной окажется эта новая конструкция, покажет только время и повседневная практика. Слишком многое будет зависеть от того, как именно регионы воспользуются предоставленной им свободой. Где-то смогут найти баланс между контролем и самостоятельностью, сохранить живую инициативу на местах и не допустить, чтобы отдаленные села и деревни оказались на обочине жизни. Где-то, вероятно, новый закон приведет к еще большей бюрократизации, когда любое решение — даже о замене лампочки в фонаре — потребует согласования в районном центре и ляжет под сукно. Российский опыт подсказывает, что любой, даже самый продуманный закон, работает ровно настолько, насколько человечным оказывается его применение.

Научный руководитель: **К. И. Корсун**

А. В. Каменских

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Зеленый город — право каждого?

Ключевые слова: окружающая среда; экологические права граждан; защита прав и свобод.

Согласно ст. 42 гл. 2 Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением». Однако в условиях индустриального общества, где основой воспроизводства жизни является промышленность, а личный транспорт — необходимостью, обусловленной темпами жизни и расстояниями, осуществлять это право становится затруднительным.

Начиная с 2021 г., уровень загрязнения воздуха в городе Екатеринбург квалифицируется как «высокий» (шкала содержит четыре уровня: низкий, повышенный, высокий и очень высокий)¹. Такая квалификация возможна, если в течение трех календарных лет на 50 % территории му-

---

¹ *Обзор* состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2021 г. / Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет) / отв. ред. Г. М. Черногаева. — М.: Росгидромет, 2022. — 219 с.

ниципального образования наблюдается превышение предельно допустимой концентрации (ПДК) вредных веществ в 1,5 раз и более¹.

Так в Екатеринбурге хронически наблюдается превышение показателей ПДК по этилбензолу, оксиду углерода (угарному газу), формальдегиду, диоксиду азота, бензапирену, фенолу и взвешенным веществам². Вдыхание этих веществ вызывает слабость, заболевания дыхательных путей, обострение хронических заболеваний, судороги, головные боли, аллергии, расстройства нервной системы и прочие нарушения здоровья, вплоть до преждевременной смерти. Согласно статистике 45,9 % больничных среди рабочего населения оформляются по причине заболеваний именно органов дыхания³. Источниками загрязнений являются промышленные предприятия и многочисленный транспорт. Осложняет ситуацию то, что в городе идет активная точечная застройка, нарушающая розу ветров и сокращающая площади зеленых насаждений в старых и центральных районах.

Согласно СНиП 2.07.01-89⁴ площадь зеленых насаждений на одного жителя должна составлять не менее 10 м². Если рассматривать площадь всего муниципального образования города Екатеринбург, то данный показатель даже превышен — 16,6 м² на одного жителя. Однако данная оценка не совсем справедлива, так как рассматриваемая

---

¹ Об исполнении Закона Свердловской области «Об охране окружающей среды на территории Свердловской области» в части отнесения отдельных муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, к числу муниципальных образований с неблагоприятной экологической обстановкой и исключения их из числа муниципальных образований с неблагоприятной экологической обстановкой: постановление Законодательного собрания Свердловской области от 25 марта 2025 г. № 2397-ПЗС.

² Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2021 г. / Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). — М.: Росгидромет, 2022. — 219 с.; Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2022 г. / Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). — М.: Росгидромет, 2023. — 215 с.; Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2023 г. / Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). — М.: Росгидромет, 2024. — 215 с.; Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2024 г. / Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). — М.: Росгидромет, 2024. — 222 с.

³ Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Свердловской области в 2024 г.» Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Свердловской области, Федерального бюджетного учреждения здравоохранения «Центр гигиены и эпидемиологии в Свердловской области».

⁴ Об утверждении СП 42.13330 «СНиП 2.07.01-89. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений»: приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 30 декабря 2016 г. № 1034/ПР.

территория включает в себя «Зеленое кольцо», опоясывающее город, пригород и лесные массивы, находящиеся за чертой города, но входящие в состав муниципального образования.

Если разделить город на районы и выявлять степень озеленения, то можно обнаружить плачевный результат: во всех городских районах, кроме Октябрьского, площадь озеленения не соответствует нормам¹. Так наихудший результат показал Верх-Исетский район с площадью озеленения в 1,9 м²/чел, лучший показатель зафиксирован в Орджоникидзевском районе — 9,2 м²/чел.

Помимо недостаточного озеленения, проблема заключается и в доступности этих зеленых зон. Согласно СНиП 2.07.01-89 человек должен иметь парк или иное зеленое пространство в радиусе 15–20 мин ходьбы или 20–30 мин поездки на машине для осуществления здорового отдыха. Однако жители большинства районов города, из-за плотности застройки, не могут позволить себе прогулок на чистом воздухе как по улицам, так и по паркам.

Еще одной значимой проблемой является то, что зеленые площади сокращаются из года в год, все чаще попадая под застройку ЖК. Часть территории Зеленой рощи (0,04 км²) была отдана под строительство ЖК «Антарес», ТЦ «Парк Хаус» занимает 0,7 км² от Основинского парка, даже «Зеленое кольцо» сократилось на 8,2 % от своей начальной площади, также границы Юго-Западного лесопарка изменили для проведения водоснабжения и постройки разгрузочного коллектора. Данные процессы губительно влияют на здоровье, качество работы и отдыха горожан. А из-за статуса Столицы Урала в Екатеринбург мигрирует население из соседних населенных пунктов, повышая уровень урбанизации и загрязненности воздуха выбросами.

Администрация города ведет активную политику по озеленению города: на данный момент суммарная площадь зеленых насаждений составляет 156 га, к 2030 г. ее планируют увеличить до 208 га. Для этого разбивают цветники и высаживают деревья и кустарники в существующих парках и вдоль улиц. Но планируемое население Екатеринбурга в 2030 г. будет составлять 1 612 000, что означает — примерная площадь озеленения будет равна 1,3 м²/чел, чего явно недостаточно.

В связи с этим следует:

1) ужесточить требования городской застройки. На данный момент территория жилой зоны с домами от 9 этажей должна составлять

---

¹ Об исполнении Закона Свердловской области «Об охране окружающей среды на территории Свердловской области» в части отнесения отдельных муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, к числу муниципальных образований с неблагоприятной экологической обстановкой и исключения их из числа муниципальных образований с неблагоприятной экологической обстановкой: постановление Законодательного собрания Свердловской области от 25 марта 2025 г. № 2397-ПЗС.

7 га, при этом на этой площади могут размещаться жилые дома, гаражи, стояки для транспорта, огороды и сады, культурные и религиозные сооружения, зеленые насаждения и здания мелких предприятий, не оказывающих вредное воздействие; расчет идет на 1 000 чел.¹ Но сейчас нередко случаи, когда в одном доме проживает более 1 000 чел., следовательно, необходимо ужесточить нормы и увеличить жилые зоны для поддержания уровня озеленения;

2) ограничить возможность застройщиков выкупать площади из-под снесенных строений. В ряде случаев их целесообразней переводить в разряд площадей общественного пользования: на них можно разбивать скверы или цветники;

3) развивать внутриквартальное озеленение. На законодательном уровне обязать застройщиков организовывать зеленые зоны на территориях ЖК, которые они возводят. Возможно вертикальное озеленение на стенах или создание двориков на крышах;

4) изменить порядок планирования застройки. Новые районы необходимо планировать заранее, включая в список обязательных объектов места общего пользования, в том числе парки;

5) структурировать существующие насаждения — вполне возможно объединить некоторые парки и скверы зелеными бульварами или аллеями;

6) повысить плотность насаждений. В парках и скверах стоит убрать излишнее твердое покрытие для высадки дополнительных кустов и деревьев, которые смогут более эффективно очищать городской воздух;

7) создать план высадки живых изгородей вдоль оживленных трасс или около предприятий для фильтрации воздушных потоков.

При реализации данных предложений уровень обеспеченности зелеными насаждения будет приближен к безопасным значениям, что позитивно скажется на здоровье населения и качестве его жизни. Также социальная функция государства по защите прав и свобод человека и гражданина будет успешно исполняться, что снизит нагрузку на учреждения здравоохранения и на Инспекцию охраны окружающей среды города Екатеринбурга.

Научный руководитель: **К. И. Корсун**

---

¹ Об утверждении СП 42.13330 «СНиП 2.07.01-89. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений»: приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 30 декабря 2016 г. № 1034/ПР.

Демографическая ситуация в России: анализ проблем и пути выхода

Ключевые слова: демография; защита прав и свобод человека и гражданина; социальные права и свободы.

Демография сегодня — это не просто цифры в статистических отчетах, а вопрос будущего страны. Для России начало 2026 г. стало периодом, когда сразу несколько негативных факторов наложились друг на друга: последствия низкой рождаемости 1990-х годов, экономические трудности, геополитическая напряженность и связанный с ней отток населения. В декабре 2025 г. президент назвал повышение рождаемости ключевой стратегической целью¹. Цель этой работы — разобраться в причинах демографического кризиса и оценить, насколько эффективны меры, которые предлагает государство.

Актуальность темы объясняется не просто уменьшением числа жителей, а изменением самой структуры общества. Как отмечают исследователи, основные вызовы сегодня — это низкая рождаемость, старение населения и высокая смертность среди людей трудоспособного возраста [1].

Падение рождаемости. Главная причина — сокращение числа женщин, способных родить ребенка. Число женщин в возрасте 20–29 лет к 2026 г. сократилось до минимума. Это прямое следствие кризиса 1990-х годов, когда рождаемость упала до рекордно низких значений. Кроме того, изменилась и модель поведения: сейчас первых детей рожают позже, чаще после 25 лет, а значит, времени на второго и третьего ребенка остается меньше. Исследования показывают, что даже серьезные меры поддержки не всегда могут переломить ситуацию, если общество уже перестроилось на другую модель жизни [5].

Потери населения. События 2022 г. вызвали волну эмиграции. Уезжали в основном молодые и образованные люди. К этому добавились потери в ходе специальной военной операции — из экономики ушла значительная часть мужчин трудоспособного возраста.

Старение и дефицит кадров. На рынок труда выходит поколение, которое по численности намного меньше, чем поколение их родителей.

---

¹ *Перечень поручений по итогам заседания Совета по реализации государственной демографической и семейной политики, утв. Президентом РФ 10 февраля 2026 г. № Пр-218.*

Экономисты утверждают, что ситуация не улучшится как минимум до 2030-х гг., когда начнут работать дети, рожденные в период действия материнского капитала [2]. Если ничего не менять, через 15–20 лет общество рискует превратиться в «страну пожилых людей» с огромной нагрузкой на пенсионную систему и медицину.

В этой ситуации ученые предлагают переосмыслить само понятие «демографические ресурсы». Сейчас важно делать ставку не просто на количество людей, а на благополучные молодые семьи с детьми — именно они становятся основой для будущего роста [4].

Анализ последних документов показывает, что власть переходит от простых выплат к более сложной и адресной системе поддержки.

В 2026 г. заработал национальный проект «Семья»¹. Его главная задача — изменить демографическую ситуацию в ближайшие годы. Перечень поручений президента, подписанный в феврале, охватывает самые разные стороны жизни семей с детьми².

Одна из ключевых мер — семейная налоговая выплата для тех, у кого двое и больше детей и невысокий доход. Министр труда А. Котяков уточнил, что на эти цели в бюджете заложено более 100 млрд р.³ Продлевается и программа материнского капитала — в 2026 г. на нее выделяют больше 560 млрд⁴.

Отдельное внимание — жилью. Вместо массовой льготной ипотеки вводят дифференцированные ставки: чем больше детей, тем ниже процент. Также сохраняется возможность погасить часть ипотеки (до 450 тыс. р.) при рождении четвертого ребенка. Для семей, у которых нет своего жилья, прорабатывают программу льготной аренды⁵.

Важно и развитие медицинской помощи. Планируется расширять сеть центров репродуктивного здоровья, где женщины могут получить

---

¹ Кабмин утвердил план по реализации стратегии семейной политики // Российская газета. — 2025. — 29 дек. — URL: https://rg.ru/2025/12/29/razgovor-s-roditeliarni.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 18.03.2026).

² Перечень поручений по итогам заседания Совета по реализации государственной демографической и семейной политики, утв. Президентом РФ 10 февраля 2026 г. № Пр-218.

³ Артемов М. Котяков: Нацпроект «Семья» в ближайшие годы должен улучшить демографическую ситуацию // Парламентская газета. — 2025. — 14 окт. — URL: <https://www.pnp.ru/social/kotyakov-nacproekt-semya-v-blizhayshie-gody-dolzhen-uluchshit-demograficheskuyu-situaciyu.html> (дата обращения: 18.03.2026).

⁴ Правительство утвердило план основных мероприятий по проведению Года семьи // Официальный сайт Правительства России. — 2024. — 9 янв. — URL: <http://government.ru/news/50603/> (дата обращения: 18.03.2026).

⁵ Перечень поручений по итогам заседания Совета по реализации государственной демографической и семейной политики, утв. Президентом РФ 10 февраля 2026 г. № Пр-218.

поддержку в сложной ситуации. Такой опыт уже есть в системе «Росатома» и ФМБА, его хотят распространить на всю страну¹.

Для студенток, родивших ребенка, Минобрнауки готовит рекомендации вузам, чтобы девушки могли совмещать учебу и уход за малышом². Отдельная задача — популяризация традиционных семейных ценностей и образа многодетной семьи в рекламе и СМИ³.

Раньше миграцию часто рассматривали как способ залатать демографические дыры. Сейчас подход меняется. Ученые отмечают, что приток мигрантов создает дополнительную нагрузку на медицину, образование и социальную сферу [3]. Поэтому новая концепция миграционной политики, утвержденная в конце 2025 г., ставит во главу угла интересы российского рынка труда⁴.

Теперь упор делается не на количество приезжих, а на их качество. Власти хотят привлекать в первую очередь тех, кто уже получил образование в России и лучше адаптирован к жизни в стране⁵.

Любые демографические программы не сработают, если у людей нет уверенности в завтрашнем дне. Поэтому параллельно с выплатами государство развивает социальную инфраструктуру: модернизирует женские консультации, детские поликлиники и больницы, расширяет программу репродуктивной диспансеризации⁶.

Важно и наличие яслей. Власти анализируют, насколько востребованы ясельные группы, и готовы поддерживать их развитие, в том числе в частных детских садах⁷.

Отдельная тема — помощь работодателей. Планируется изучать и распространять успешный опыт компаний, которые поддерживают сотрудников с детьми. В идеале такие меры должны становиться частью коллективных договоров на предприятиях⁸.

Демографический кризис в России — это затяжная и сложная проблема. Она не возникла сегодня и не исчезнет завтра. Принятые

---

¹ *Перечень поручений по итогам заседания Совета по реализации государственной демографической и семейной политики, утв. Президентом РФ 10 февраля 2026 г. № Пр-218.*

² *Там же.*

³ *Правительство утвердило план основных мероприятий по проведению Года семьи // Официальный сайт Правительства России. — 2024. — 9 янв. — URL: <http://government.ru/news/50603/> (дата обращения: 18.04.2026).*

⁴ *Концепция миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 гг., утв. указом Президента РФ от 15 октября 2025 г. № 738.*

⁵ *Перечень поручений по итогам заседания Совета по реализации государственной демографической и семейной политики, утв. Президентом РФ 10 февраля 2026 г. № Пр-218.*

⁶ *Там же.*

⁷ *Там же.*

⁸ *Там же.*

в 2025–2026 гг. документы — нацпроект «Семья», новая миграционная стратегия, президентские поручения — показывают, что государство видит глубину проблемы и пытается действовать системно.

Но успех зависит от того, удастся ли соединить все направления: поддержку семей, доступное жилье, развитие медицины, укрепление традиционных ценностей и разумную миграционную политику. Важно и то, что сегодня ученые все чаще говорят о качестве демографических ресурсов, а не просто о количестве людей [4]. 2026 г. объявлен переломным. Станет ли он таким на самом деле, покажет не количество принятых программ, а реальные изменения в жизни российских семей.

Библиографический список

1. Зудин А. Б., Блинкова Л. Н., Карпова О. Б. Современные демографические вызовы России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2025. — Т. 33, № 5. — С. 1131–1138.
2. Ростовская Т. К., Ситковский А. М. Демографические ресурсы России: вариативность подходов и оценок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2025. — Т. 18, № 3. — С. 183–202.
3. Рязанцев С. В. Вклад Л. Л. Рыбаковского в развитие концептуальных основ миграционной политики // Демографическое развитие России: становление и эволюция научной школы Л. Л. Рыбаковского / Т. К. Ростовская, С. В. Рязанцев, В. Н. Архангельский и др. — Ярославль: Филигрань, 2025. — С. 68–78.
4. Ситковский А. М., Ростовская Т. К. Многодетная многопоколенная семья как ключевой ресурс новой долгосрочной стратегии демографического развития России // Вестник Российской академии наук. — 2025. — № 4. — С. 63–74.
5. Kazenin K., Zakharov S., Billingsley S. Demographic momentum and fertility responses to pronatalist policies: the case of ethnic minorities in Russia // Stockholm research reports in demography. — 2024. — Vol 51. — URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/1011020463.pdf> (дата обращения: 19.03.2026).

Научный руководитель: **Ю. Ш. Никонова**,
кандидат юридических наук, доцент

Право совершеннолетних граждан на образование в условиях временной нетрудоспособности

Ключевые слова: право на образование; права и свободы человека и гражданина; временная нетрудоспособность.

Право на образование является одним из фундаментальных прав человека, гарантированных Конституцией РФ. В ст. 43 Конституции закреплено: «Каждый имеет право на образование». Однако реализация этого права может быть осложнена при наступлении временной нетрудоспособности, особенно если речь идет о необходимости получения длительного лечения.

Основные нормы, регулирующие отношения в сфере образования, содержатся в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Закон № 273-ФЗ).

Данный закон носит универсальный характер и в равной степени гарантирует права всем категориям граждан, однако объем правового регулирования для несовершеннолетних в Законе № 273-ФЗ объективно шире. Согласно ст. 43 Конституции РФ, основное общее образование обязательно и является не просто правом, а конституционной обязанностью несовершеннолетних граждан. В это же время, для совершеннолетних граждан получение образования всех уровней является их правом. Так, Закон № 273-ФЗ является документом, который развивает и детализирует конституционные положения и эффективно решает вопросы правового регулирования получения основного общего образования несовершеннолетними. Однако из-за такого акцента на регулировании образования возникают пробелы в праве в отношении иных категорий граждан. В частности, получение образования при временной нетрудоспособности, совершеннолетние граждане вынуждены самостоятельно регулировать в частноправовом порядке на более «договорных» и менее императивных началах.

По данным Министерства здравоохранения РФ, ежегодно специализированная медицинская помощь в стационарах оказывается тысячам граждан, и многие из них вынуждены прерывать обучение на срок более 21 дня¹. В этой ситуации возникает вопрос: как государство защищает право гражданина на образование, когда он временно не может

---

¹ Федеральная служба государственной статистики. — URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.04.2026)..

проходить дистанционное обучение по состоянию здоровья? Основу правового регулирования в этих случаях составляют следующие нормативные правовые акты:

- 1) Закон № 273-ФЗ (ст. 34, 41, 58, 59), гарантирующий право на обучение на дому или в стационаре, а также на академический отпуск;
- 2) приказ Минздрава № 436н, закрепляющий перечень заболеваний для обучения на дому;
- 3) приказ Минобрнауки/Минпросвещения № 845/369 — регулирующий порядок предоставления академического отпуска.

Также, полномочия по определению порядка организации обучения на дому переданы субъектам РФ. В Свердловской области соответствующие правовые положения регулируются, как правило, постановлениями Правительства области (например, постановление Правительства Свердловской области от 11 июня 2025 г. № 318-ПП) и новыми актами, регламентирующими финансовое обеспечение и порядок взаимодействия школ с медицинскими организациями.

В случае, когда совершеннолетний гражданин не может проходить дистанционное обучение по состоянию здоровья, например, при ухудшении зрения, неврологических заболеваниях, обострении хронических болезней, применяются следующие механизмы.

1. Применение адаптации образовательной программы: согласно ст. 79 Закон № 273-ФЗ, для лиц, временно ограниченных в возможностях здоровья, должны создаваться специальные условия, включая: использование специальных учебных пособий и технических средств; предоставление услуг ассистента в обучении; изменение формата предоставления учебных материалов, таких как аудиоформаты, укрупненный шрифт или тактильные пособия.

2. Приостановление обучения: если состояние здоровья исключает любую форму освоения программы, в том числе и адаптированный дистанционный формат. Гражданин вправе оформить академический отпуск. В таком случае медицинское заключение является достаточным основанием для его получения.

3. Перевод на иные формы обучения: законодательство допускает возможность перевода с дистанционной на очную форму обучения при наличии вакантных мест, если это позволит скорректировать учебный процесс с учетом состояния здоровья.

4. Приостановление обучения и пересчет стоимости или перенос стоимости оказания услуг: если гражданин заключил договор об обучении (особенно на платной основе) и по состоянию здоровья не может его посещать, законодательство предусматривает.

Приостановление обучения, т. е. академический отпуск: согласно совместному приказу Минобрнауки и Минпросвещения № 845/369, ос-

нованием для предоставления отпуска является наличие медицинских показаний (временная нетрудоспособность продолжительностью более 1 мес.). На время отпуска плата за обучение не взимается, а при выходе с отпуска гражданин продолжает обучение на прежних условиях¹.

Перерасчет стоимости или перенос срока оказания услуг: хотя в законодательстве это прямо не прописано для краткосрочных болезней, Гражданский кодекс РФ (ст. 781) допускает возможность изменения условий договора возмездного оказания услуг при наступлении обстоятельств, за которые ни одна из сторон не отвечает, например, болезнь. На практике образовательные организации, особенно в сфере дополнительного образования и курсов, предлагают заморозку оплаченного периода или перенос занятий, но это должно быть закреплено в локальном акте организации или договоре.

Таким образом, при анализе нормативно-правовых актов по исследуемой тематике обнаружили следующие пробелы в праве.

Основная масса нормативно-правовых актов ориентирована на несовершеннолетних граждан, получающих общее или профессиональное образование по государственным программам. Граждане, оплатившие краткосрочные курсы, например, повышения квалификации или иностранного языка, и временно нетрудоспособные, защищены слабее. Их защита зависит не от государственных гарантий, а от условий договора с организацией.

Методические рекомендации при временной нетрудоспособности дают ориентир «более 21 дня», но для обучающихся на платных курсах или в системе дополнительного профессионального образования такая ситуация часто означает потерю денег, так как понятие «академический отпуск» на них не распространяется. Возникает закономерный вопрос: что делать при болезни сроком две недели, если курс длится месяц и имеет жесткую структуру?

При выявленных проблемах могут быть предложены следующие решения по улучшению законодательства:

1) внести изменения в Закон № 273-ФЗ, обязывающие организации дополнительного профессионального образования включать в договоры пункт о «периоде нетрудоспособности», предоставляющий право на заморозку курса или перенос занятий без потери средств, по аналогии с академическим отпуском;

2) разработать типовой договор об оказании платных образовательных услуг и включить в него императивную норму о правах заказ-

---

¹ Письмо Министерства просвещения РФ и Министерства здравоохранения РФ от 24 августа 2023 г. № ТВ-1693/03, 1/и/2-15398; Приказ Минобрнауки России от 15 июля 2020 г. № 845.

чика при временной нетрудоспособности, чтобы граждане не были вынуждены судиться за возврат денег за пропущенные по болезни занятия.

Таким образом, российское законодательство создало прочный фундамент для защиты прав граждан на образование при временной нетрудоспособности, особенно в части общего образования. Механизмы индивидуальных учебных планов, госпитальных школ и академических отпусков позволяют не прерывать образовательный процесс. Однако сфера платных образовательных услуг для взрослых и краткосрочных курсов остается «серой зоной», где защита прав зависит от добросовестности конкретной организации. Внесение предложенных изменений позволило бы сделать систему более справедливой и закрыть существующие пробелы в законодательстве.

Научный руководитель: **Л. А. Хмелинина**

А. Д. Колесникова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Проблемы обеспечения прав родителей в сфере получения общего образования несовершеннолетними

Ключевые слова: несовершеннолетние; право на образование; общее образование; защита прав и свобод.

Родители имеют конституционное право на участие в образовании своих детей (ст. 43 Конституции РФ, ст. 44 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»). Основные права родителей в сфере получения общего образования несовершеннолетними регулируются Федеральным законом «Об образовании». При этом говоря о «правах родителей» мы имеем в виду не только родителей, но и иных законных представителей несовершеннолетних.

В первую очередь — это право выбора формы обучения. Родители имеют право выбирать, каким образом ребенок будет осваивать учебную программу — в образовательном учреждении либо с помощью семейного обучения (с 1 по 9 класс) либо самообразования (с 9 по 11 класс). При этом семейное обучение с каждым годом становится популярнее. Следующим правом родителей является право на получения информации. Родители имеют право быть в курсе всего, что происходит с ребенком. Так, сотрудники учебного заведения обязаны уведомлять их

о любых обследованиях и медицинских вмешательствах. Также родители должны иметь возможность в любой момент ознакомиться с оценками учащегося. Далее важнейшим правом является право родителей на участие в управлении учреждением. Форма и способы участия, как правильно, закреплены в уставе. Например, родителей могут включить в состав коллегиальных органов управления школой. Также необходимо отметить право на защиту интересов ребенка. У родителей есть право отстаивать интересы ребенка в любых ситуациях, но естественно в рамках действующего законодательства. Так при нарушении прав родителей и несовершеннолетних родители и иные законные представители имеют право: сообщать в вышестоящие органы о фактах злоупотребления работниками учреждения своим должностным положением; обращаться в комиссию по урегулированию конфликтов; обращаться в прокуратуру и т. д.

Однако на практике реализация этих прав сталкивается с рядом проблем. В первую очередь, необходимо отметить недостаточную информированность родителей о своих правах, что ограничивает их участие в образовательном процессе. И, как следствие, пассивность родителей, невозможность эффективного взаимодействия с образовательными учреждениями. Следующей проблемой является проблема ограничения права на выбор образовательной организации. Это происходит из-за отсутствия мест в желаемых учебных заведениях, а также непрозрачности правил зачисления (например, приоритет по территориальному признаку). Также достаточно распространенным является нарушение права на получение информации об образовании. Речь идет о сокрытии фактов буллинга или низкой успеваемости. Далее необходимо отметить факты ограничения прав на участие в управлении образовательной организацией. Причиной в данном случае является формальное отношение к родительским комитетам, отсутствие реальных механизмов участия. Также часто нарушаются права на защиту прав и законных интересов ребенка. В качестве примера можно указать игнорирование жалоб родителей со стороны администрации школы. В отношении реализации права на семейное образование родители, выбравшие семейное обучение, сталкиваются с нежеланием школ принимать детей на промежуточную аттестацию, отсутствием четких критериев оценки знаний. Достаточно весомой проблемой является и недостаточная правовая грамотность педагогов и администрации школ, что часто приводит к конфликтам.

Для решения вышеозначенных проблем на наш взгляд необходимо принятие следующих мер: повышение правовой грамотности родителей (проведение семинаров, распространение информационных материалов); усиление контроля за соблюдением прав родителей со

стороны органов образования; создание эффективных механизмов обратной связи между школой и родителями; развитие институтов общественного контроля (родительские комитеты, советы школ); упрощение процедуры защиты прав родителей в судебном и административном порядке. Таким образом, проблемы обеспечения прав родителей в сфере образования требуют комплексного подхода, включающего правовое просвещение, совершенствование законодательства и усиление контроля за его исполнением.

Научный руководитель: **С. Н. Буллака**

С. А. Кормин

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Персональные данные несовершеннолетних в сети Интернет: способы защиты и развитие цифровой гигиены

Ключевые слова: несовершеннолетние; сеть Интернет; цифровое пространство; защита прав и свобод граждан.

Современное поколение несовершеннолетних склонно к активной жизни в сети интернет и, без должной осознанности, оставляет огромное количество цифровых следов, оказываясь в уязвимом положении быть обманутым, подвергнутым манипуляциям и репутационным потерям, а также усиливая цифровую зависимость из-за манипулятивного цифрового контента.

В этой области, исходя из официальной статистики согласно МВД, общее число несовершеннолетних-жертв кибермошенников в 2025 г. заметно увеличилось «о росте на 120 % сообщали официальные представители УБК МВД»¹, на основе этого выявляется низкая образованность несовершеннолетних по отношению к цифровой гигиене и защите своих персональным данным на электронных платформах. Возникает потребность в теоретическом осмыслении проблемы.

В соответствии со ст. 3 Федерального закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», персональные данные — это любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному физическому лицу. На основании подходов, представленных в работах А. Г. Мираева, В. Д. Рузановой и И. Л. Бачило [1; 2; 3], можно сформу-

---

¹ Число пострадавших от кибермошенников детей выросло на 120 % // Коммерсантъ. — 2025. — 26 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8158698> (дата обращения: 09.02.2026).

лизовать более полное определение, персональные данные следует рассматривать как совокупность сведений о лице и его деятельности в сети Интернет, зафиксированных и хранящихся в цифровой форме, позволяющих прямо или косвенно идентифицировать личность, анализировать ее поведение и затрагивающих сферу частной жизни. Элементы персональных данных в существенной степени представляют собой сведения о несовершеннолетнем, которые сам субъект либо его социальное окружение нередко размещают в открытом доступе, не осознавая потенциальных последствий подобной публикации для сферы его частной жизни и обеспечения безопасности.

Государственная система защиты персональных данных несовершеннолетних реализуется посредством деятельности уполномоченных органов — Роскомнадзора и прокуратуры. На основании нормативно-правовой базы, включающей федеральные законы от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», а также Концепции информационной безопасности детей, государство определяет порядок обработки данных¹. Правовой механизм предусматривает не только установление правил обработки персональных данных детей, но и осуществление постоянного контроля за их соблюдением со стороны государственных органов. Особое внимание уделяется предотвращению случаев несанкционированной обработки данных и реагированию на факты их утечки. Цифровые сервисы как операторы персональных данных должны собирать только минимально необходимую информацию о ребенке², обрабатывать ее на законном основании, обеспечивать защиту и прозрачность, иначе несут административную и потенциально уголовную ответственность³. Рассмотренные механизмы государственного регулирования требуют совершенствования практических инструментов защиты, а именно создание единого онлайн-сервиса, который будет решать проблему разрозненных каналов обращений по

---

¹ Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации, утв. распоряжением Правительства РФ от 28 апреля 2023 г. № 1105-р.

² Обязанности оператора, осуществляющего обработку персональных данных / Роскомнадзор. — URL: <https://rkn.gov.ru/activity/personal-data/for-operators/> (дата обращения: 09.02.2026); Портал персональных данных (инциденты/утечки ПД) / Роскомнадзор. — URL: <https://pd.rkn.gov.ru/> (дата обращения: 09.02.2026); Уведомление о факте неправомерной или случайной передачи (утечки) персональных данных (форма) / Роскомнадзор. — URL: <https://pd.rkn.gov.ru/incidents/form/> (дата обращения: 09.02.2026).

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ); Уголовный кодекс Российской Федерации.

цифровым нарушениям прав ребенка, создавая «одно окно» для сообщений о сливе данных, кибербуллинге, вредном контенте и угрозах. Как это будет происходить: заявитель подает форму с доказательствами и анкетой-уточнением, система автоматически маршрутизирует по контурам (правозащитному, правоохранительному, платформам для удаления), выдает трек-номер со статусами, обеспечивает анонимность и защиту персональных данных. С понятным интерфейсом для детей и интеграцией в госинфраструктуру, сервис ускоряет реакцию, минимизирует ошибки и повышает доверие, стандартизируя защиту в цифровой среде.

Для самого ребенка и его окружения защита электронных следов сводится к цифровой гигиене и грамотным действиям при угрозах. Несовершеннолетнего нужно с раннего возраста учить не публиковать чувствительные данные, использовать сложные пароли и двухфакторную аутентификацию, не переходить по сомнительным ссылкам и не делиться кодами из SMS или мессенджеров, а также сразу сообщать взрослым о случаях кибербуллинга, вымогательства или подозрительных запросов личной информации.

В дополнение к правовым механизмам существенную роль играет формирование цифровой грамотности через инновационные форматы обучения. Стоит рассмотреть возможность создания мобильной платформы, превращающей защиту цифровых прав ребенка в увлекательный квест для детей и родителей: ребенок регистрирует аккаунты, проходит миссии по настройке приватности, (например, в социальной сети «ВКонтакте») жалуется на буллинг и распознаванию угроз, получая в качестве награды наборы стикеров, что делает обучение естественным и мотивирующим без принуждения.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. В современных условиях цифровизации общества защита персональных данных несовершеннолетних приобретает первостепенное значение. Анализ нормативно-правовой базы, статистических данных, научных трудов по теме и смежным темам свидетельствует о том, что имплементация механизмов защиты электронных следов несовершеннолетних должна осуществляться на основе глубокого понимания рисков и угроз, а не сводится к формальному выполнению требований. Излишек персональных сведений о несовершеннолетнем в онлайн-пространстве напрямую повышает риск мошенничества, преследования, кибербуллинга и давления через персональные данные. Дети начинают оставлять цифровой след очень рано и обычно не понимают, как публикации сегодня могут «аукнуться» в будущем — от психологической травмы из-за травли до проблем с репутацией при учебе и работе. Жесткие правила для сервисов и активная политика государства, в сочетании с осо-

знанным поведением самих детей и родителей, позволит уменьшить объем собираемых данных, сократить утечки и злоупотребления и дать ребенку шанс развиваться в цифровой среде без постоянного страха, что его личная информация будет использована против него.

Библиографический список

1. *Бачило И. Л.* Информационное право: учебник. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2026. — 419 с.
2. *Мираев А. Г.* Понятие персональных данных в Российской Федерации и Европейском союзе // *Юридическая наука*. — 2019. — № 5. — С. 76–82.
3. *Рузанова В. Д.* Персональные данные как гражданско-правовая категория // *Правовое государство: теория и практика*. — 2022. — Т. 18, № 3 (69). — С. 77–83.

Научный руководитель: **А. Ш. Вохидова**

А. Н. Коцюр

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Юридическая клиника: диалог с клиентом и профессиональное становление

Ключевые слова: защита прав граждан; юридическая клиника; правозащитная деятельность.

Официального разделения юристов на «коммерческих» и «некоммерческих» не существует, это скорее субъективное деление, отражающее моральный и профессиональный выбор человека. Как и в любой другой профессии, в юриспруденции есть как специалисты, имеющие главной целью получение прибыли, так и те, кто не ставит деньги главным приоритетом, а прежде всего руководствуется искренней вовлеченностью и личными принципами.

В современном обществе, граждане часто сталкиваются с правовыми проблемами, но не имеют достаточных знаний для защиты своих прав. Более того, они зачастую вообще и не осознают сам факт своих нарушений. Однако, высокая стоимость профессиональных юридических услуг делает правовую помощь малодоступной, что в сочетании с усиливающимся экономическим расслоением населения актуализирует роль института бесплатной юридической помощи, в частности, юридических клиник.

Деятельность юридических клиник регулируется Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической

помощи в Российской Федерации» (Закон № 324-ФЗ). Законодательно понятие «юридическая клиника» — это структурное подразделение образовательной организации высшего образования или научной организации, представляющее собой негосударственную систему оказания бесплатной юридической помощи и обеспечивающее практическую подготовку студентов. Но что если рассматривать данное понятие шире? Юридическая клиника — это социально-ориентированный проект, пространство, в котором принципы и вовлеченность превращаются в реальное дело — помощь тем, кому трудно ее оплатить.

Ч. 1 ст. 48 Конституции РФ закрепляет право каждого на квалифицированную юридическую помощь, а в случаях, предусмотренных федеральным законом, юридическая помощь оказывается безвозмездно. Нельзя говорить, что безвозмездная юридическая помощь приравнивается к неквалифицированной. Правовые консультации оказывают обучающиеся по соответствующему направлению подготовки, но они это делают под строгим руководством кураторов-профессионалов. Такой формат не снижает требований к качеству консультирования, однако накладывает определенные ограничения на предмет консультаций: не рассматриваются вопросы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, а также обращения неправового характера.

Стоит отметить, что федеральный закон не содержит прямого понятия «бесплатная юридическая помощь», раскрывая его лишь через отдельные признаки. То есть при наличии специального законодательства сохраняется некая неопределенность, открывающая возможности для различной интерпретации правоприменителями¹. Данную ситуацию нельзя оценивать однозначно: она несет в себе как риски, так и гибкость, позволяющую адаптировать нормы к конкретным обстоятельствам. При всей терминологической неточности закона, закрепляется конкретный круг субъектов, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи.

Согласно ст. 20 Закона № 324-ФЗ это право есть у определенных категорий граждан: малоимущие, маломобильные группы населения, многодетные семьи, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, дети-инвалиды, а также их законные представители, лица, желающие усыновить или уже усыновившие ребенка, ветераны Великой Отечественной Войны, герои СССР и РФ, участники боевых действий и члены их семей, и иные лица.

---

¹ Мещерягина В. А. Проблемы «смежного» правового регулирования бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2024. — № 3 (43). — С. 55–60.

Перечень указанных категорий граждан не является исчерпывающим, так как согласно п. 2 ч. 1 ст. 12 этого же федерального закона органы государственной власти субъектов РФ вправе расширять перечень издавая нормативные правовые акты. Также по решению руководителя юридической клиники, правовая помощь может оказываться всем гражданам, если их обращение соответствует правовым вопросам, по которым оказывается бесплатная юридическая помощь.

Согласно ст. 23.1 Закона № 324-ФЗ уполномоченный федеральный орган исполнительной власти (Министерство юстиции Российской Федерации) ведет список юридических клиник и размещает его на своем официальном сайте. Однако для обычного гражданина этот механизм доступа к информации не очевиден.

Во-первых, граждане не обязаны знать, какой именно орган уполномочен вести такой реестр, размещение на федеральном уровне приводит к проблеме, поскольку интуитивно люди скорее обратятся к региональным или муниципальным ресурсам.

Во-вторых, даже при целенаправленном поиске на сайте Минюста России информация о юридических клиниках не всегда обнаруживается быстро и просто.

В-третьих, важно учитывать, что вышеуказанные категории граждан зачастую обладают еще более низким уровнем цифровых навыков, что делает поиск для них особенно затруднительным.

Таким образом, существующий порядок информирования оказывается ориентированным не на конечного получателя помощи, а на формальное исполнение закона. В связи с этим назревает необходимость не просто вести единый федеральный список, но и адаптировать его: дублировать на сайтах региональных органов власти и местных администраций, а также разрабатывать понятные обывателю механизмы поиска (например, интерактивные карты).

Юридические клиники представляют собой современный и динамично развивающийся институт, который, однако, не получает должного внимания, хотя их допустимо рассматривать как инструмент оптимизации нагрузки на квалифицированных юристов-специалистов. Это эффективный проект, сочетающий в себе реализацию защиты прав граждан и развитие практических навыков у будущих юристов, ведь студенты, проявляя высокую вовлеченность, формируют собственный алгоритм работы и нарабатывают первичную базу, что в дальнейшем позволит им эффективнее разрешать аналогичные ситуации.

Научный руководитель: **А. В. Савоськин**,
доктор юридических наук, доцент

П. В. Николаева

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Помощь в трудоустройстве участникам специальной военной операции

Ключевые слова: защита прав граждан; социальные права; право на труд; участники СВО.

Участие в специальной военной операции (СВО) оставляет след в жизни каждого человека, участвующего в ней. После возвращения домой многие участники СВО сталкиваются с проблемой адаптации к гражданской жизни, одним из ключевых аспектов которой является трудоустройство. Государство и общественные организации прилагают усилия для обеспечения эффективной интеграции участников СВО в мирную жизнь через создание специальных программ и услуг, направленных на поддержку и содействие в поиске работы.

Вернувшись с фронта, участники специальной военной операции сталкиваются с рядом проблем, которые связаны с поиском подходящей работы. Часто возникает необходимость профессиональной переподготовки, поскольку имеющиеся навыки могут не соответствовать современному рынку труда. Также у военнослужащих существует психологический барьер, связанный с адаптацией к спокойной жизни и необходимостью восстановления социальных связей, вследствие чего период поиска места работы может растянуться на неопределенный срок.

Рассмотрим меры поддержки, специальные программы и услуги, которые помогают участникам специальной военной операции в решении вопросов с трудоустройством.

В России законодательно создана обширная база гарантий и мер социальной поддержки участникам СВО. В частности, им предоставляется право на социальную защиту, медицинское обслуживание, материальную поддержку, а также другие льготы и преференции. Важным аспектом правовой защиты участников СВО является также обеспечение им права на социальную реабилитацию. Это означает, что государство должно предоставить им не только материальную поддержку, но и психологическую помощь, профессиональную переподготовку, а также другие меры для успешной интеграции в общество после окончания службы¹.

---

¹ О государственной социальной помощи: федер. закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ.

Трудоустройство участников СВО стало одним из ключевых направлений государственной политики. Государство активно участвует в решении проблемы трудоустройства бойцов, разрабатывая большое количество специализированных программ.

С 1 марта 2024 г. в России реализуется федеральная кадровая программа «Время Героев»¹, направленная на реабилитацию, обучение и трудоустройство ветеранов боевых действий. Целью программы «Время героев» является — подготовка участников и ветеранов СВО к работе в госструктурах и организациях с государственным участием через обучение управленческим навыкам и развитие личных качеств.

Участники проходят отбор и начинают проходить обучение в системе дополнительного профобразования, организованное Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, которое полностью оплачивается Министерством обороны РФ. По окончании обучения, участники получают сертификат и возможность трудоустройства в органы государственной власти и местного самоуправления.

Также стоит отметить, что в 2025 г. большинство российских регионов начали реализацию собственных версий кадрового проекта «Время героев». Например:

- «Время героев Санкт-Петербурга» — Санкт-Петербург;
- «Управленческие кадры Урала» — Свердловская область
- «Герои Востока» — Хабаровский край;
- «Запорожские герои» — Запорожская область;
- «Турпалхо. Герои 95» — Чеченская Республика («турпалхо» — «герой», «богатырь»);
- «Батырлар. Герои Татарстана» — Республика Татарстан («батыр» — «смельчак», «богатырь»);
- «Доблесть гор» — Республика Дагестан;
- «Сталь» — Белгородская область;
- «Сибирский характер» — Красноярский край;
- «Сталинградский призыв» — Волгоградская область;
- «Победоносец» — Астраханская область.

Поддержка участников СВО в вопросе обучения новым профессиям и трудоустройства реализуется в рамках программ: «Кадры» и «Работа России» через центры занятости населения и поддержки фонда «Защитники Отечества». В рамках программы «Работа России», участники имеют специальные меры поддержки, такие как: приоритет-

---

¹ Об утверждении Порядка прохождения стажировки (практики) участников специальной программы обучения кадров «Время героев» в Минэкономразвития России: приказ Министерства экономического развития РФ от 16 августа 2024 г. № 522.

ное обслуживание и трудоустройство, бесплатное дополнительное образование, содействие в открытии собственного дела и др.¹

Также реализуется программа поддержки в трудоустройстве участников СВО через систему субсидий работодателям, которые стимулируют создание рабочих мест для ветеранов; компенсируют бизнесу часть затрат на зарплаты, помогают в профессиональной переориентации².

Реализация данных программ в Свердловской области ведется также в совместной координации со службами занятости, предприятиями промышленности, организациями социальной сферы и региональным филиалом фонда «Защитники Отечества». В регионе действуют меры, направленные на создание условий для профессиональной адаптации, повышения квалификации и дальнейшей интеграции в региональную экономику. Например, работодатели, трудоустроившие ветеранов, получают субсидию из областного бюджета — до 50 тыс. р. в месяц на человека в течение полугода³. А также в регионе продолжается программа переобучения: получить новую квалификацию могут как участники спецоперации, так и члены семей погибших бойцов, независимо от текущего статуса занятости.

В заключение можно сказать, что поддержка участников СВО по вопросам трудоустройства ведется в большом объеме, и что все большее количество регионов принимает в этом участие.

Успех многих регионов в решении данных вопросов показывает важность систематической и адресной работы, основанной на понимании потребностей каждой отдельной личности. Расширение мер содействия занятости и обучение создают условия для интеграции ветеранов в экономику региона и устойчивой работы с предприятиями, заинтересованными в привлечении кадров.

Эффективная система мер поддержки в трудоустройстве способствует укреплению социального статуса участников СВО, создает условия для достойной жизни и обеспечивает стабильность в обществе. Это свидетельствует о высокой значимости усилий, предпринятых гос-

---

¹ Об утверждении Положения о реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан: постановление Правительства РФ от 7 марта 2025 г. № 291.

² Об утверждении Решения о порядке предоставления субсидии на государственную поддержку стимулирования найма отдельных категорий граждан: приказ СФР от 29 декабря 2024 г. № 2714.

³ О внесении изменений в отдельные постановления Правительства Свердловской области в сфере занятости населения и утверждении изменений распределения бюджетных ассигнований по расходам областного бюджета: постановление Правительства Свердловской области от 25 сентября 2025 г. № 531-ПП.

ударством и региональными органами власти, направленными на решение сложных вопросов социально-экономического характера, оказываемых участникам СВО.

Научный руководитель: **В. А. Галицков**,
кандидат юридических наук, доцент

О. А. Огневская

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Права ученика: где заканчивается дисциплина и начинается произвол?

Ключевые слова: право на образование; защита прав и свобод несовершеннолетних; школа.

Каждый день в школах происходят конфликты: ученика могут отстранить от занятий за отсутствие формы, сделать замечание за длинные волосы или даже поставить на внутришкольный учет за «неподобающий вид». Родители возмущаются, но часто не знают, как защитить ребенка. Проблема в том, что школы устанавливают свои правила (локальные акты), но эти правила не всегда соответствуют закону. Ученик обязан соблюдать дисциплину, но его права как человека и гражданина при этом не должны нарушаться.

Главная проблема — размытость границ. В Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» сказано, что школа может устанавливать требования к внешнему виду и правила поведения. Но закон не уточняет: может ли школа запретить приходить на урок из-за отсутствия пиджака? Имеет ли право директор не допустить ученика до экзамена за «неправильную» стрижку? На практике такие решения принимаются на месте, и родителям приходится либо смириться, либо идти в суд, что долго и сложно.

Первая новаторская идея — создание «школьной конституции» с обязательным участием родителей. Предлагаю законодательно закрепить, что все локальные акты школы (правила формы, дисциплины, поощрений и наказаний) принимаются только на общем собрании родителей и учеников (старше 14 лет) с правом вето у каждой стороны. Сегодня директор утверждает такие документы единолично или с «галочкой» от совета родителей. Если же правила будут приниматься открытым голосованием и публиковаться с объяснением, зачем они нужны, это исключит произвол. Например, если большинство решит, что форма обязательна, то ее требование станет легитимным, но, если ро-

дители против жестких требований к прическам — школа не сможет наказывать за длинные волосы.

Вторая практическая идея — введение «дисциплинарного паспорта» ученика с четкой процедурой. Сегодня учитель или завуч может объявить выговор «устно» или «для галочки» в дневнике, что потом всплывает при поступлении в другой класс или даже при переводе. Предлагается создать единый для всех школ перечень взысканий и четкие правила их применения. Например: замечание — только письменное с указанием причины и срока обжалования (3 дня); выговор — только после объяснительной от ученика и в присутствии родителя; отстранение от занятий — только по решению комиссии с участием независимого медиатора. Любое взыскание должно автоматически сниматься через учебную четверть, если нет повторных нарушений. Это защитит ученика от «пожизненных» записей в личном деле, которые фактически являются неснимаемой судимостью внутри школы.

Третья новация — институт «школьного адвоката» на муниципальном уровне. Каждый район должен иметь специалиста (юриста), который бесплатно помогает родителям и ученикам обжаловать неправомерные наказания. Сегодня, если ребенка не пустили на урок из-за формы, родители вынуждены сами писать жалобы в департамент или прокуратуру, что требует времени и юридической грамотности. Школьный адвокат мог бы в течение суток выдать заключение: законно ли действие школы, и, если нет — требование об отмене взыскания имело бы силу до решения суда. Это сделает защиту прав оперативной, а не посмертной (когда четверть уже испорчена).

Таким образом, защита прав ученика — это не вседозволенность, а четкие и справедливые правила, которые одинаково обязательны для всех: и для ученика, и для школы. Предложенные меры — участие родителей в принятии школьных законов, прозрачная система наказаний и доступный юрист — помогут превратить школу из места, где «кто сильнее, тот и прав», в пространство, где уважают и дисциплину, и человеческое достоинство каждого. Право на образование не должно становиться правом на унижение.

Научный руководитель: **В. В. Курятников**,
кандидат юридических наук, доцент

Д. С. Прохорова

Колледж Западного филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

Современные подходы к реализации и защите прав несовершеннолетних граждан в сети Интернет

Ключевые слова: цифровизация; сеть Интернет; кибербуллинг.

В эпоху глобальной цифровизации и перехода к информационному обществу неотъемлемым компонентом жизни подрастающего поколения стало появление комплекса новых прав, реализуемых посредством сети Интернет. Необходимо отметить, что именно дети и подростки в наибольшей степени уязвимы перед угрозами, исходящими из сети Интернет, тогда как их гармоничное развитие является залогом благополучия как государства, так и общества.

Правовое положение несовершеннолетнего ребенка в информационной среде базируется на конституционных правовых нормах. Так, например, ст. 29 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Тем самым, сеть Интернет становится одним из условий свободного распространения информации и реализации личных прав человека. Однако реализация данного права имеет некоторые специфические особенности в том случае, когда речь идет о несовершеннолетних гражданах.

Принимая во внимание физическую и умственную незрелость, необходимо обеспечивать ребенку особую защиту от информации, представляющей опасность для его здоровья, нравственного и духовного развития. Детская психика — важная составляющая здоровья ребенка, которая наиболее подвержена негативному воздействию извне. Неспособность несовершеннолетних детей распознать вредное влияние информации и своевременно отказаться от ознакомления с ней делает их идеальной жертвой для злоумышленников, создающих и распространяющих опасный контент в виртуальном пространстве.

На первый взгляд, правовая система в полном объеме реагирует на угрозы и опасность, исходящие из сети Интернет. Основным законодательным актом, регулирующим данные правоотношения, является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а особое место занимает Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Однако действительность 2026 г. вносит свои коррективы: законодательство не поспевает за динамикой угроз. Возрастная фильтрация контента утратила свою защитную функцию, так как условное нажатие кнопки «мне есть 18 лет» не является преградой для доступа к вредоносной информации. За последнее десятилетие интернет-аудитория среди несовершеннолетних выросла с 82 % до почти 95 %. Изменился и характер взаимодействия: дети чаще скрывают от родителей свои действия в сети, используя пароли, дополнительные аккаунты, удаляя историю посещений. На этом фоне наблюдается 30 % рост киберпреступности, а 70 % несовершеннолетних граждан оказались жертвами и (или) свидетелями кибербуллинга.

Ситуация усугубляется признанием мировым сообществом проблемы, угрожающей обществу. На 61-й сессии Совета ООН по правам человека, проходящей с февраля по март 2026 г., было акцентировано внимание на технологиях искусственного интеллекта, таких как дипфейки и имитация голоса, которые повышают уязвимость населения, в особенности детей. В Российской Федерации данная проблема усложняется отсутствием специального законодательства о кибербуллинге. Правоприменительная практика вынужденно опирается на смежные составы правонарушений и (или) преступлений, что не позволяет адекватно оценивать и пресекать современные формы цифрового насилия.

Полагаю, что на сегодняшний момент вектор государственной политики должен быть целенаправлен на полное предотвращение угроз, исходящих из сети Интернет. Общемировой тренд на ужесточение правил использования общедоступной информационной сети отчетливо проявился в 2025–2026 гг. в ходе развернувшихся дискуссий о введении возрастного ценза для пользователей социальных сетей. Однако я убеждена, что всесторонний запрет — это путь, который противоречит задаче подготовки детей к жизни в информационном обществе, в котором им потребуется жить самостоятельно. Безусловно, опыт Австралии и Словакии в данном вопросе ценны и должны быть изучены в полном объеме, тем не менее механическое заимствование без учета российской специфики не даст результата.

Оптимальным представляется формирование трехкомпонентной модели безопасности, объединяющей правовые нормы, технологические решения и воспитательную функцию семьи. Именно родителям отведена первостепенная роль, так как именно на них возложена обязанность по воспитанию и защите детей. Сегодня индустрия родительского контроля предлагает широкий спектр инструментов: от систем искусственного интеллекта до настройки безопасных маршрутов посредством интернет-приложений. Однако потенциал указанных технологий может быть реализован в полной мере лишь при наличии надежной пра-

вовой базы, превращающей такую защиту из предлагаемой опции в общедоступный и действенный стандарт.

Изучение российского законодательства, понимание поведения несовершеннолетних детей в онлайн-среде на собственном примере и анализ зарубежного опыта дает основания предложить ряд конкретных мер. Эти инициативы, на мой взгляд, способны качественно улучшить защиту детей в цифровом пространстве и могут быть внедрены в самом ближайшем будущем.

Прежде всего, необходимо научиться использовать в качестве механизма предотвращения непосредственной угрозы искусственный интеллект, который с недавних пор стал ключевым инструментом в руках как взрослого, так и молодого поколения. Я предлагаю на законодательном уровне обязать операторов связи и владельцев социальных платформ и мессенджеров внедрять алгоритмы, созданные искусственным интеллектом, не просто для модерации контента, но и для выявления суицидального поведения, ранних признаков кибербуллинга или опасных контактов с потенциальными злоумышленниками. Подобный подход позволит отойти от системы наказания за уже распространенную информацию на механизм предотвращения возможной опасности.

Не менее важно сформировать культуру безопасного поведения непосредственно в образовательной среде. Вместо тотального и зачастую неработающего запрета телефонов в школах и иных учреждениях, занимающихся обучением детей, я предлагаю законодательно закрепить право школ самостоятельно разрабатывать и закреплять в уставе регламент использования гаджетов. Данный документ должен создаваться при участии родителей и самих учеников, превращая запрет в осознание школьниками существа проблемы и формируя у детей ответственность, а не стремление нарушать установленные правила.

Параллельно требуется постоянно модернизировать и правовые механизмы контроля за онлайн-платформами. Необходимо вовремя вносить поправки в федеральное законодательство, которые бы устанавливали пропорциональную ответственность платформ за обеспечение безопасности несовершеннолетних граждан в процессе получения и обмена информацией. При этом законодатель должен настаивать на внедрении эффективных механизмов возрастной верификации, исключающих фиктивное нажатие кнопки «мне есть 18 лет», но при этом не нарушающих право пользователей на приватность.

Наконец, самый долгосрочный и, пожалуй, самый важный механизм защиты — это формирование у ребенка современного мышления. Считаю необходимым включить в обязательную школьную программу образовательные модули по цифровой грамотности, где детей научат распознавать дипфейки, противостоять AI-мошенничествам, защищать

свои персональные данные и соблюдать установленные в цифровой среде правила и требования. Только воспитав внутреннюю культуру безопасности, мы сможем подготовить ребенка к жизни в информационном обществе, где технические средства защиты будут лишь подспорьем, а не единственным барьером.

Подводя итог, следует отметить, что уровень защиты прав и свобод несовершеннолетних граждан в сети Интернет должен соответствовать общему уровню безопасности и стабильности в государстве. Несмотря на существующую нормативную базу, проблемы решены не до конца. В связи с динамичным развитием технологий проблема соблюдения прав человека набирает все большую значимость и актуальность. В зоне риска находятся все пользователи, но наибольшую опасность представляет распространение пагубной информации среди несовершеннолетних детей.

Благополучное развитие детей определит будущее страны. Именно поэтому обеспечение их безопасности в сети Интернет требует внедрения системных новаторских решений. Развитие средств защиты должно прямо коррелировать с развитием технологий. Только совместив совершенствование правового регулирования, внедрение передовых технологических решений и повышение цифровой грамотности, будет возможно сформировать здоровое, защищенное молодое поколение граждан России.

Научный руководитель: **М. А. Шевченко**

К. Д. Серебряков

Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург

«Тень до факта»: почему российское право не видит подросткового суицида, пока не становится слишком поздно?

Ключевые слова: киберсуицид; защита прав несовершеннолетних; сеть Интернет; виртуальная реальность; подростки.

Современная информационная эпоха преподносит нам парадокс: никогда еще человечество не было так тесно связано, как сегодня, и никогда еще подросток не был так одинок в толпе виртуальных «друзей». Именно в этом цифровом одиночестве и расцветает новая, страшная реальность — киберсуицид, явление, ставшее одним из самых злове-

щих вызовов для России. И если общество уже говорит о «группах смерти» и нейролингвистическом программировании, то право, призванное защищать, по-прежнему не видит главной проблемы. Оно реагирует на свершившийся факт, на трагедию, но оказывается слепо к ее предвестникам. Как можно предотвратить пожар, если не признавать существование дыма?

Статистика неумолима: за период с 2009 г. число самоубийств среди несовершеннолетних в России выросло на 650 % [1]. За каждой цифрой — оборванная жизнь. Однако за этими трагедиями стоит еще более масштабная, но скрытая от глаз статистика — тысячи и тысячи подростков, которые находятся в состоянии суицидального кризиса. Они пишут прощальные посты, ищут в интернете способы уйти из жизни, наносят себе первые порезы — иными словами, демонстрируют устойчивые признаки суицидального поведения. Но для действующего законодательства этих детей не существует. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» не знает такой категории, а значит, они не могут быть поставлены на учет, с ними не может быть организована индивидуальная профилактическая работа. Государство, в лице своих уполномоченных органов, вынуждено ждать. Ждать, когда попытка станет покушением, а покушение — свершившимся фактом.

Исследования А. В. Антиповой показывают, что даже среди инспекторов по делам несовершеннолетних нет единого понимания того, что такое суицидальное поведение: для одних это только заверченный акт, для других — замыслы и намерения [1]. Как можно выстроить эффективную систему выявления рисков, если профессиональное сообщество оперирует разными понятиями? Это похоже на попытку лечить болезнь, не имея ее названия.

Особую остроту этой проблеме придает цифровая среда. Интернет, этот «полигон социального воспитания» по определению В. А. Плешакова [2], стал не только местом общения, но и площадкой для тонкой, почти незаметной манипуляции. «Группы смерти», администраторы которых используют методы социального инжиниринга, не запугивают подростков — они становятся для них «понимающими друзьями», постепенно подводя к мысли о неизбежности суицида. Выявить такого «друга» в сети, увидеть начало этого смертельного диалога можно только на стадии формирования суицидальных замыслов. Но если право не дает нам инструментов для работы с этой стадией, мы обречены вечно догонять уходящий поезд.

Что же делать? Ответ лежит на поверхности, но требует мужества признать недостатки существующей системы. Необходимо сделать шаг от реагирования к предупреждению. И первый, самый важный шаг —

законодательно закрепить в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» понятие «несовершеннолетние с суицидальным поведением», определив его как «лиц, демонстрирующих устойчивые признаки суицидальных наклонностей, включая замыслы, намерения, попытки или покушения на самоубийство». Это не просто новая юридическая дефиниция. Это — ключ, который открывает дверь к ранней профилактике.

Во-первых, такое изменение позволит легализовать постановку подростков из группы риска на внутришкольный учет, что даст школам и психологам правовое основание для коррекционной работы; во-вторых, это создаст базу для межведомственного взаимодействия: органы опеки, комиссии по делам несовершеннолетних, правоохранители получат единый, понятный критерий для оценки ситуации; в-третьих, это позволит направить ресурсы туда, где они нужнее всего — на реабилитацию детей, которые уже совершили попытку, и на помощь тем, кто только думает о ней.

Сегодня мы стоим перед выбором. Можно и дальше делать вид, что проблема сводится лишь к блокировке опасных сайтов и ужесточению наказаний за доведение до самоубийства. Но любой криминолог скажет: наказание без профилактики — это запоздалая расправа. А можно признать очевидное: право должно видеть не только преступление, но и того, кто стоит на краю пропасти. Пока в законодательстве нет понятия «суицидальное поведение», тысячи российских подростков остаются в тени, невидимыми для системы, которая призвана их защищать. И эта тень, увы, слишком часто становится последней.

Библиографический список

1. *Антипова А. В.* Криминологические и уголовно-правовые меры предупреждения доведения несовершеннолетних до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — М., 2020. — 210 с.
2. *Плешаков В. А.* Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens до Homo Cyberus'a. — М.: МПГУ, 2012. — 212 с.

Научный руководитель: **С. Ю. Андрейцо**,
кандидат юридических наук, доцент

Е. С. Скоблик

Колледж Западного филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

Современная тактика правозащитника: от формальной нормы к человекоцентричной защите

Ключевые слова: правозащитная деятельность; права и свободы граждан; юридическая помощь.

Правозащитная деятельность в юриспруденции направлена на защиту и восстановление нарушенных прав и свобод каждого гражданина. Работа с клиентами, обратившимися за правовой поддержкой, требует особого подхода, основанного на уважении достоинства личности, понимании специфики отдельных ситуаций и стремлении предложить наиболее эффективные пути решения проблем.

Тактика взаимодействия правозащитника с клиентом должна учитывать индивидуальные особенности обращения, уровень информированности клиента о своих правах и способность воспринимать юридическую помощь.

Одним из ключевых аспектов успешной тактики является умение установить доверительные отношения с получателем юридических услуг, что может быть достигнуто путем внимательного интервьюирования и уважения личного пространства. Юристконсульт обязан разъяснить суть возникшей проблемы, предложить все возможные варианты ее разрешения, оценить риски и последствия каждого выбранного пути действий. Важно помнить, что клиент часто находится в стрессовой ситуации, испытывает тревогу и неуверенность, поэтому эмоциональная поддержка наряду с профессиональной консультацией становится важным элементом успешного сотрудничества.

Не менее значимым моментом выступает необходимость предоставления объективной оценки перспектив дела. Человек, чьи права нарушены, часто находится в состоянии жертвы. Он ждет от юриста «волшебной таблетки» — мгновенного решения проблемы с полной гарантией благоприятного урегулирования возникшего вопроса. Но не стоит забывать о том, что клиент вправе рассчитывать на полную прозрачность процесса оказания помощи и ясное, объективное понимание перспектив достижения желаемого результата. В случае отсутствия реальных возможностей добиться удовлетворения требований заявителя правозащитник обязан своевременно уведомить его об этом, предложив альтернативные способы восстановления справедливости либо рекомендации по дальнейшим действиям.

Как в процессе осуществления правозащитной деятельности, так и за рамками такого процесса существует множество рисков в отношении гражданина, чьи права были нарушены: угрозы, давление, психологические травмы от общения с должностными лицами различных органов власти. Решением трудностей данного характера может стать разработка «протоколов безопасности» для клиента. Это не юридический, а коммуникативный инструмент. Правозащитник должен обучить клиента общим тактикам поведения в стрессовой ситуации. Так, следует разъяснить то, как дышать, как формулировать отказ, куда смотреть, что фиксировать на официальных визитах в государственные структуры, во время допроса или в ходе судебного заседания. Данный подход демонстрирует выход за рамки чистой юриспруденции в область прикладной психологии, но именно это сегодня позволит спасти права человека от нивелирования.

Кроме того, внедрение современных технологий, таких как онлайн-консультации, виртуальные юридические помощники и специализированные мобильные приложения, способно существенно расширить доступ населения к услугам правозащитных организаций. Подобные инновационные методы позволяют оперативно реагировать на запросы граждан, находящихся в удаленных регионах или ограниченных возможностями передвижения, снижая нагрузку на традиционные формы юридического сопровождения.

Таким образом, тактика работы с клиентом в правозащитной деятельности представляет собой комплексный, многоуровневый процесс, выходящий за пределы сугубо нормативного регулирования. Эффективность оказания правовой защиты напрямую связана со способностью юриста интегрировать в профессиональную коммуникацию элементы психологического сопровождения и адаптировать алгоритмы взаимодействия под конкретные обстоятельства дела.

С формально-юридической точки зрения, выстраивание отношений с доверителем должно базироваться на принципах транспарентности, достоверного информирования о перспективах дела и минимизации репутационных и процессуальных издержек. Внедрение превентивных мер и протоколов безопасности, а также использование цифровых инструментов, позволяет не только расширить доступность правосудия, но и повысить резистентность клиента к внешнему давлению, что в конечном итоге способствует наиболее полной реализации охранительной функции права и восстановлению нарушенных свобод граждан в условиях современного правового государства.

Научный руководитель: **М. А. Шевченко**

Безнадзорность несовершеннолетних: проблемы и пути их решения

Ключевые слова: защита прав и свобод граждан; несовершеннолетние; безнадзорность; социальная защита несовершеннолетних.

Актуальность темы обусловлена рядом взаимосвязанных социально-правовых и управленческих обстоятельств, отражающих современное состояние системы социальной защиты безнадзорных детей и подростков в Российской Федерации и ее субъектов.

Во-первых, проблема безнадзорности несовершеннолетних сохраняет устойчивый характер и представляет собой одну из наиболее острых угроз социальному развитию общества. Безнадзорность выступает не только следствием семейного неблагополучия и социально-экономических дисбалансов, но и фактором, напрямую влияющим на рост подростковой преступности, маргинализацию несовершеннолетних и нарушение их конституционных прав. В условиях реализации конституционного положения о том, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства, особое значение приобретает формирование эффективной системы публичного управления, ориентированной на профилактику и раннее выявление рисков социального неблагополучия.

Во-вторых, система социальной защиты безнадзорных детей и подростков характеризуется высокой степенью институциональной сложности и межведомственного характера. Реализация соответствующих мер осуществляется органами социальной защиты, образования, здравоохранения, внутренних дел, органами опеки и попечительства, комиссиями по делам несовершеннолетних, что требует согласованного стратегического планирования и устойчивых механизмов координации. Отсутствие единой управленческой логики и преобладание фрагментарных решений существенно снижают эффективность государственной политики в данной сфере.

Во-третьих, современные социальные процессы, включая цифровизацию, миграционные изменения, трансформацию семейных отношений и рост социальной мобильности, обуславливают изменение форм и причин безнадзорности. Это требует перехода от преимущественно реактивных мер государственного воздействия к стратегически выверенному, превентивно ориентированному управлению, основанному на анализе данных, прогнозировании и комплексной под-

держке семьи. В этой связи особую актуальность приобретают исследования, посвященные роли стратегического планирования и цифровых инструментов в системе социальной политики, в том числе работы В. Д. Саяпиной, раскрывающие потенциал цифровых платформ в планировании социальной политики в отношении детей и подростков.

Проблема исследования заключается в том, что, несмотря на наличие разветвленной нормативно-правовой базы и реализуемых государственных программ, система социальной защиты безнадзорных детей и подростков на региональном уровне демонстрирует ограниченную результативность. Это выражается в формализации стратегических целей, несовершенстве показателей эффективности, недостаточном межведомственном взаимодействии и преобладании карательных механизмов над профилактическими. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость комплексного анализа действующей системы и выработки направлений ее совершенствования.

Проблемы безнадзорности, профилактики правонарушений несовершеннолетних и деятельности органов публичной власти в сфере защиты детства достаточно широко представлены в трудах отечественных ученых. Значительный вклад в разработку административно-правовых и организационных аспектов системы профилактики внесли А. А. Беженцев, В. М. Вагайцев, М. В. Костенников, А. В. Куракин, Е. В. Ильгова, С. Н. Зайкова и другие авторы. Социально-правовой анализ безнадзорности и ее связи с подростковой преступностью отражен в работах Ю. А. Островецкой и В. Д. Саяпиной, где обоснована необходимость перехода от репрессивной к превентивной модели профилактики. Вместе с тем вопросы стратегического планирования системы социальной защиты безнадзорных детей и подростков на уровне субъекта Российской Федерации остаются недостаточно систематизированными и требуют дальнейшего научного осмысления с учетом региональной специфики.

Научный руководитель: **М. Н. Вилачева**

Проблемы самообороны в Российской Федерации и пути их решения

Ключевые слова: самооборона; защита прав граждан; оружие.

В жизни бывают разные ситуации. Иногда человек сталкивается с опасностью (угрозой) — в этот момент у него может просто не быть возможности вызвать полицию или убежать. А если рядом с ним близкие ему люди или даже незнакомые люди, которые просто не смогут себя защитить. В таких опасных ситуациях у человека должно быть фундаментальное право на самозащиту (самооборону) и защиту других людей (как близких, так и незнакомых, в том числе беззащитных)!

Для начала разберемся, как в РФ работает принцип самообороны (и как он регламентирован законодательно). Вопросам необходимой обороны посвящена ст. 37 Уголовного кодекса РФ. Однако у нее есть слабые места, например — так называемое «явное несоответствие» (согласно ч. 2 ст. 37 УК РФ). Отсутствует четкое определение, что такое «явное несоответствие» защиты (самообороны) характеру и опасности посягательства. Это дает возможность судьям субъективно оценивать действия обороняющегося. Что уже само по себе является нарушением принципа объективности, непредвзятости и беспристрастности судебной системы!

Также статья недостаточно учитывает тот факт, что жертва находится в состоянии сильного стресса и очень сильного страха и не может объективно рассчитать соразмерность обороны, что часто трактуется как умышленное превышение допустимых пределов. Нельзя забывать о самом сильном человеческом инстинкте — инстинкте самосохранения (выживания). Когда человеку угрожает опасность, включается этот инстинкт, который посылает сигнал — задачу головному мозгу и центральной нервной системе — выжить любой ценой.

Несмотря на теоретическое право человека на оборону, суды, к сожалению, могут переквалифицировать самооборону в превышение допустимых пределов (и на практике такое бывает довольно часто), особенно если нападавший получил более тяжкие травмы, чем обороняющийся. И здесь возникает еще один парадокс — вместо того, чтобы защищать пострадавшего (обороняющегося), судья может встать на защиту преступника (нападавшего).

Да, есть законодательное закрепление права на оборону «независимо от возможности избежать посягательства», но на практике ст. 37 УК РФ остается одной из самых противоречивых в уголовном праве Российской Федерации.

Следует обратить внимание на одно из постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2022 г. № 11 о внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». В 2022 г. были закреплены права на защиту дома («мой дом — моя крепость») и уточнены нормы о провокации.

В целом, Верховный Суд РФ работает над укреплением права граждан на самооборону. Вышеуказанное постановление является наглядным примером этой работы. Однако, судебная практика по вопросам самообороны в нашей стране далека от идеала.

Считаю, что право на самооборону должно находиться под защитой закона и государства. И чтобы люди не боялись защищать себя, своих близких и даже незнакомых людей (о чем я написал в самом начале), необходимо реформировать законодательство о праве на самооборону:

1) расширить ст. 37 УК РФ, дополнив ее (как минимум) доктриной крепости («Мой дом — моя крепость»), по аналогии с доктриной крепости в США (в нашей стране эта доктрина будет едина для всех субъектов РФ, так как будет закреплена в Уголовном кодексе РФ);

2) нужно законодательно регламентировать правомерным любое причинение вреда (вплоть до убийства) в случае незаконного проникновения в жилище, автомобиль (и это как минимум), даже если преступник безоружен. Это обосновано тем, что любое вторжение представляет собой прямую угрозу жизни;

3) нужно законодательно разрешить использование в целях защиты любого оружия (вплоть до травматического оружия — при наличии разрешения) и любых предметов и подручных средств, которые могут стать оружием для самообороны.

Могут быть открытое проникновение с насилием, тайное проникновение. Во всех случаях необходимо признавать действия обороняющегося правомерными.

Необходимо законодательно закрепить право «стоять на своем», которое позволяет применять силу для самообороны (защиты) за пределами дома без попытки бегства, если человек обоснованно опасается за свою жизнь или жизнь других людей (в том числе близких).

Нужно исключить понятие мнимой обороны. Многие эксперты указывают на необходимость учитывать, что в состоянии стресса и страха невозможно точно оценить реальность угрозы. Обороняющийся не должен нести ответственность, если он обоснованно полагал, что его жизни угрожает опасность.

Если говорить о средствах защиты, то человек должен иметь право использовать любые средства защиты (разрешенные), включая ОООП (огнестрельное оружие ограниченного поражения, т. е. травматическое оружие; при наличии разрешения), а также любые подручные средства (например, камень или кирпич).

А если говорить конкретно об использовании ОООП, то у человека должно быть право не делать предупредительный выстрел или какие-либо словесные предупреждения (например, кричать «Стреляю!»).

Также обороняющийся должен иметь полное право не оказывать какую-либо медицинскую помощь преступнику (например, нападавшему или грабителю, который незаконно проник в дом или автомобиль) и не вызывать скорую помощь на место происшествия. Он может вызвать скорую помощь, чтобы помочь себе; он должен вызвать скорую помощь, чтобы помочь тем, за кого заступился (если они нуждаются в медицинской помощи). Если в медицинской помощи нуждаются только преступники, потерпевший может вызвать машину скорой помощи, но не обязан этого делать.

Правоохранительные органы и суды должны при квалификации действий учитывать шоковое состояние жертвы и невозможность соразмерного ответа, особенно если нападающий вооружен (или сильнее), имеет судимость, а также если нападающих несколько.

Необходимо переложить бремя доказывания того, что самооборона была чрезмерной, с обороняющегося на следственные органы и прокуратуру.

Сейчас ситуация часто выглядит так: человек защищался, но именно он должен доказывать, что не имел возможности поступить иначе.

Хотя в Конституции РФ закреплена презумпция невиновности, на практике в делах о превышении пределов необходимой обороны часто действует обвинительный уклон: обороняющийся вынужден объяснять, почему он не убежал, почему ударил именно так, почему не выбрал менее «жесткий» способ защиты. Любая ошибка в оценке опасности (в состоянии стресса) трактуется против того, кто защищался. Это делает жертву преступником, а преступника — жертвой. И это несправедливо.

Чтобы это исправить, нужно законодательно закрепить принцип «презумпции правомерности защиты». Любые действия человека в ответ на нападение считаются законными по умолчанию.

Не вы должны доказывать, что защищались, а прокурор и следователь должны собрать неопровержимые улики того, что нападения на самом деле не было (или не было угроз нападения/насилия) или вы намеренно спровоцировали конфликт, чтобы применить оружие.

Если невозможно точно установить, была ли угроза жизни реальной, все сомнения по закону должны трактоваться в пользу оборонявшегося.

Эксперты подчеркивают, что человек в момент нападения находится в состоянии сильного стресса. Он не может рассчитать силу удара с математической точностью или оценить, настоящий ли нож/пистолет (и в целом, настоящее ли оружие) в руке преступника. Государство должно признать право гражданина на защиту как приоритетное и фундаментальное. Если следствие хочет наказать человека за «избыточную» защиту, оно должно проделать колоссальную работу, чтобы доказать злой умысел, а не просто констатировать факт травмы у нападавшего.

В заключение хочу сказать, что право на самооборону и защиту других (в том числе близких) — это фундаментальное право каждого человека. У людей должна быть возможность противостоять преступникам, оказывать им жесткий отпор. А преступники должны понимать и видеть, что государство и закон всегда будут на стороне потерпевшего!

Научный руководитель: **В. А. Курдюмова**,
кандидат юридических наук, доцент

М. Н. Южанинов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Вовлеченность детей в цифровое пространство: проблемы и ориентиры

Ключевые слова: права и свободы граждан; цифровое пространство; сеть Интернет; информационный контент.

В наши дни дети начинают пользоваться компьютерами, смартфонами и иными техническими средствами с раннего возраста. Зачастую технические средства обеспечивают выходом в сеть Интернет. Доступ к огромному количеству информационного контента разной степени качества ориентирует власть на разработку концепций воспитания психически здорового и защищенного с правовой стороны молодого поколения.

Цифровое пространство оказывает как позитивное, так и негативное влияние. Позитивное влияние заключается в доступе к учебным ресурсам, появлении новых способов взаимодействия и общения между несовершеннолетними. Негативное же влияние проявляется в психических и социальных проблемах при взаимодействии со сверстниками. Дети склонны к интернет-зависимости. Это приводит к расстройству сна, спаду физической активности, проблемам с концентрацией внимания. Помимо развития заболеваний и нежелательных состояний здоровья, они являются уязвимой группой для онлайн-преступности.

В России контролю за соблюдением прав несовершеннолетних в сети Интернет посвящено множество правовых актов. Особое место среди них имеют правовые акты Президента РФ, воспринимаемые как отправные, так как задают органам власти направления по принятию мер для обеспечения информационной безопасности детей¹. К примеру, Стратегия комплексной безопасности детей в РФ на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента РФ 17 мая 2023 г. № 358. Согласно п. 8 документа распространение информации, представляющей опасность для детей, в том числе через сеть Интернет, признано одной из значимых угроз безопасности детей. В связи с этим направлениями реализации государственной политики в сфере обеспечения безопасности детей является профилактика преступлений, совершаемых несовершеннолетними и в отношении их (пп. 3 п. 28) и формирование безопасной информационной среды для детей (пп. 4 п. 28).

Сегодня ведется активная работа по фильтрации контента в цифровой среде и информировании родителей (законных представителей) о том, как привить ребенку чувство осторожности при использовании технических средств с доступом в сеть Интернет. На родителей (законных представителей) возлагается задача сформировать у ребенка критическое восприятие любой попадающей в его поле зрения информации и развить самодисциплину в условиях обилия интернет-ресурсов. От государства в лице его органов зависит создание условий для развития эффективных механизмов реализации и защиты прав несовершеннолетних в сети Интернет.

Научный руководитель: **В. А. Руколеев**

---

¹ *Руколеев В. А. Информационная безопасность как конституционная ценность // Университетские правовые диалоги: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 28–29 марта 2024 г.). — Челябинск: ЮУрГУ, 2024. — С. 189–192.*

ОТДЕЛЬНЫЕ КОНКУРСЫ

ТЕЗИСЫ РАБОТ ФИНАЛИСТОВ КОНКУРСОВ

МОЛОДЫЕ СЕМЬИ — ОПОРА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Конкурс эссе

Я. С. Баранова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Молодая семья в феминистской перспективе: трансформация гендерных ролей, партнерства и семейной устойчивости

Ключевые слова: молодая семья; феминизм; гендерные роли; партнерский брак; гендерное равенство.

Семья — один из немногих институтов, который принято считать одновременно глубоко личным и абсолютно универсальным. Именно поэтому любые изменения внутри нее вызывают острую общественную реакцию. Когда молодые пары начинают иначе распределять обязанности, иначе понимать роли мужа и жены, иначе говорить о материнстве и отцовстве — это воспринимается одними как угроза, другими как давно назревшая необходимость. Феминистская теория в этом споре занимает конкретную позицию: она не отрицает семью, а ставит вопрос о том, на каких основаниях она держится и чьи интересы при этом учитываются. «Молодая семья» является важным этапом, на котором супруги впервые договариваются о том, кто за что отвечает, как принимаются решения и что считается общим делом. Именно здесь складываются практики, которые потом годами воспроизводятся на автомате. Поэтому то, как складываются отношения в первые годы брака, во многом определяет и его дальнейшую прочность, и качество жизни каждого из партнеров.

Традиционная модель семьи, при которой мужчина обеспечивает, а женщина занимается домом и детьми, держалась не потому, что была

единственно возможной, а потому что удобно вписывалась в определенный экономический уклад и систему культурных норм. Когда и то, и другое начало меняться, модель не исчезла — она стала источником напряжения. Российское общество сегодня находится именно в этой точке: декларируемые ценности равенства опережают фактическую организацию повседневной жизни. Это хорошо задокументировано в научных исследованиях: изменение ролевых ожиданий фиксируется, однако разрыв между установками и практикой сохраняется.

Цифры здесь говорят сами за себя. По данным структур ООН и МОТ за 2025 г., женщины выполняют 76,2 % всего неоплачиваемого труда по уходу и заботе о близких и тратят на него в 3,2 раза больше времени, чем мужчины¹. Эта диспропорция не исчезает даже там, где оба партнера работают и вносят сопоставимый вклад в семейный бюджет. Иными словами, занятость женщин на рынке труда не отменила их занятости дома — она просто добавилась к ней. Это явление давно получило название «двойной смены», и оно по-прежнему актуально для большинства молодых российских семей.

Чтобы проверить, насколько эта картина соответствует реальному опыту, в 2025 г. я провела социологическое анкетирование среди 46 молодых людей в возрасте от 21 до 34 лет, состоящих в браке или длительных партнерских отношениях. Участники проживали в Екатеринбурге и ряде городов Свердловской области. Полученные данные оказались показательными: 82 % респондентов назвали партнерскую модель наиболее справедливой формой семьи. Но когда речь зашла о реальном распределении домашних обязанностей, картина изменилась: лишь 46 % отметили, что нагрузка в их семье распределяется примерно поровну. 61 % женщин сообщили, что после работы именно они берут на себя основную часть домашних дел и ухода за ребенком; среди мужчин так ответили только 28 %².

Разрыв усиливается после рождения ребенка: 68 % участниц отметили, что материнство ограничило их профессиональные возможности ощутимо сильнее, чем партнера. Симптоматично, что 57 % мужчин воспринимают свое участие в быту скорее, как помощь, чем как равную ответственность. Пока домашний труд мужчины описывается именно так, равенство остается декларацией, а не практикой, что сказывается на качестве отношений: согласно тому же опросу 74 % респондентов

---

¹ *Measuring digital development: Facts and figures 2025* // International telecommunication union: the UN agency for digital technologies. — URL: https://www.itu.int/hub/publication/d-ind-ict_mdd-2025-3/ (дата обращения: 20.03.2026).

² Авторский социологический опрос на тему «Молодая семья и трансформация гендерных ролей» ($n = 46$, Свердловская область, 2025).

прямо связали справедливое распределение обязанностей с удовлетворенностью браком, а 69 % поставили диалог и совместное принятие решений выше соблюдения традиционных ролей¹. По данным опроса «Известий» начала 2025 г., 64 % мужчин заявили о регулярном участии в домашних делах, тогда как 56 % женщин по-прежнему воспринимают быт как свою сферу². Этот разрыв в восприятии одной реальности показывает: полноценное партнерство невозможно там, где стороны по-разному понимают, кому что принадлежит по умолчанию.

Дополнительную сложность создает цифровая среда. Молодые семьи формируют представления о браке и родительстве не только через опыт собственной семьи, но и через медиа, социальные сети и глобальное информационное пространство. По данным ITU, в 2025 г. около трех четвертей населения планеты имели доступ к интернету³. В результате традиционные и новые модели семейных отношений конкурируют в едином пространстве, а молодые пары вынуждены самостоятельно искать баланс среди нередко противоречивых образцов. В этих условиях феминизм оказывается полезным не как политическая платформа, а как интеллектуальный инструмент: он помогает замечать неравенство там, где оно привычно и потому незаметно, и выстраивать отношения осознанно, а не по инерции.

Молодая семья в феминистской перспективе представляет собой не симптом распада традиций, а пространство их критического переосмотра. Переход к партнерской модели не означает отказа от семьи или родительства; он означает отказ от норм, делавших эти институты несправедливыми для одного из партнеров. Результаты авторского исследования и международная статистика свидетельствуют об одном: молодое поколение ориентировано на семью, однако строит ее на иных основаниях, где в центре стоит не роль, а человек.

Научный руководитель: **А. И. Матвеева**,
доктор философских наук, доцент

---

¹ Авторский социологический опрос на тему «Молодая семья и трансформация гендерных ролей» ($n = 46$, Свердловская область, 2025).

² Горлатых А. Ю., Абрамов А. П. Гендерные роли в семье: меняющиеся ожидания и обязанности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2025. — Т. 15, № 1. — С. 247–259.

³ *Women perform 76.2 % of the total amount of unpaid care work, 3.2 times more time than men* // Human wrongs watch. — URL: <https://human-wrongs-watch.net/2025/10/30/women-perform-76-2-of-the-total-amount-of-unpaid-care-work-3-2-times-more-time-than-men/> (дата обращения: 20.03.2026).

Человеческий капитал: экономика будущего начинается с молодой семьи

Ключевые слова: молодая семья; меры поддержки; демографический потенциал; национальная экономика; возрастная группа.

Тема семьи традиционно относится к сфере социальной политики и демографии. Однако в условиях технологической трансформации экономики она приобретает новое измерение: семья становится не просто ячейкой воспроизводства населения, но и ключевым звеном в формировании главного ресурса развития экономики — человеческого капитала — совокупности знаний, компетенций, физического и психологического здоровья нации.

В экономической литературе отмечается противоречие: обновление материально-технической базы производства часто опережает перестройку профессионально-квалификационной структуры работников. Ключевой причиной этого запаздывания становится медленное освоение персоналом новых сложных технических средств в условиях старения рабочей силы [2]. Переход к VI технологическому укладу (внедрение искусственного интеллекта, роботизация и биотехнологии) требует принципиально иного качества кадров. Работники должны не просто обслуживать оборудование, а взаимодействовать с интеллектуальными системами, постоянно обновлять компетенции и адаптироваться к быстро меняющимся технологическим ландшафтам.

Ключевую роль в этом процессе играют молодые кадры, обладающие более высокой обучаемостью, когнитивной гибкостью и психологической готовностью к работе с новыми технологиями.

Дефицит молодых когорт сегодня означает замедление технологического развития завтра, что напрямую связывает демографическую политику и поддержку молодых семей с долгосрочной конкурентоспособностью экономики. Рожденные сегодня через лаг времени вступают в трудоспособный возраст, они формируют трудовой потенциал будущего.

Согласно среднему прогнозу Росстата, численность трудоспособного населения вырастет с 84 711 тыс. чел. в 2024 г. до 87 266,4 тыс. в 2030 г., затем к 2036 г. незначительно снизится до 86 801 тыс. чел.¹ Таким образом, ближайшие годы страна будет располагать растущим

---

¹ Федеральная служба государственной статистики. — URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 14.04.2026).

контингентом работников за счет вступления в активный возраст поколений, рожденных после 2006 г.

Актуальность исследования молодой семьи¹ в данном контексте приобретает высокую практическую значимость. Как отмечает доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета В. Н. Архангельский, именно возрастная группа до 35 лет формирует основной контингент родителей, которые решаются на рождение первых и вторых детей, следовательно, именно от их установок зависит итоговый коэффициент рождаемости [1].

Функционально молодая семья участвует в экономике будущего по триаде направлений.

Первое направление — демографическое воспроизводство. Дети, рожденные сегодня, через 20–25 лет станут налогоплательщиками, формирующими бюджетную систему. Сокращение рождаемости в текущем периоде неизбежно ведет к провалам на рынке труда в 2040–2050 гг. Суммарный коэффициент рождаемости в России в 2024 г. составил 1,4². Рост рождаемости предопределяется ориентации мер поддержки именно на молодые возрастные когорты. Это подтверждают и данные РПН-2022 Росстата³. Средний возраст матери при рождении первого ребенка составляет 23–25 лет, а второго — 27–29 лет. Разрыв между желаемым и ожидаемым числом детей (женщины в возрасте 25–29 лет в среднем хотели бы иметь 2,03 ребенка, но реально планируют только 1,95; в группе 30–34 лет этот разрыв еще заметнее — 2,15 против 1,99) свидетельствует о наличии объективных барьеров, мешающих молодым семьям реализовать свои репродуктивные планы, и подтверждает необходимость адресной государственной поддержки именно данной категории.

Второе направление — формирование человеческого капитала. Качество будущей рабочей силы закладывается в первые годы жизни. Как отмечается в исследованиях, разрыв в когнитивном развитии между детьми из семей с высоким и низким социально-экономическим статусом формируется уже к трем годам и сохраняется на протяжении всей жизни [4]. Это означает, что экономическая нестабильность молодой семьи напрямую влияет на качество будущего человеческого капитала страны.

---

¹ Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р.

² Суммарный коэффициент рождаемости // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 02.04.2026).

³ РПН-2022 / Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 02.04.2026).

Третье направление — потребительское поведение. Согласно данным Росстата об использовании ВВП в 2025 г. расходы на конечное потребление домашних хозяйств составили 108 457,2 млрд р. — это более 50 % от общего объема ВВП (213 515,8 млрд р.)¹. Иными словами, более половины российской экономики напрямую зависит от покупательной способности семей. Следовательно, экономическое благополучие молодой семьи становится не только социальной категорией, но и фактором, определяющим динамику совокупного спроса и, в конечном счете, экономический рост [3].

Существующая в России система мер поддержки охватывает основные сферы: жилье (льготная ипотека), рождаемость (материнский капитал), текущие доходы (единое пособие)². Однако ее эффективность сдерживается множеством факторов, среди которых несбалансированность рынка жилья, сложности совмещения работы, образования и семьи и рядом других). Экономика будущего требует перехода от простого субсидирования к созданию экосистемы, где молодая семья будет чувствовать себя защищенной и мотивированной к рождению и воспитанию детей. Только в этом случае можно рассчитывать на демографический рост и устойчивое увеличение численности трудоспособного населения в середине XXI века.

Библиографический список

1. *Архангельский В. Н., Золотарева О. А., Кучмаева О. В.* Возрастная модель рождаемости для календарных лет и реальных поколений: методика построения и аналитические возможности // Вопросы статистики. — 2024. — Т. 31, № 6. — С. 49–68.
2. *Вишневский А. Г.* Население и производство // Модели демографических связей: сб. ст. / под ред. А. Я. Боярского. — М.: Статистика, 1972. — С. 66–128.
3. *Курс демографии* / А. Я. Боярский, Д. И. Валентей, А. Г. Волков и др.; под ред. А. Я. Боярского. — М.: Статистика, 1967. — 400 с.

---

¹ Федеральная служба государственной статистики. — URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 14.04.2026).

² Статистика льготного ипотечного кредитования за 2023 г. и I кв. 2024 г. // Обьединенное кредитное бюро (ОКБ). — 2024. — 1 июня. — URL: <https://bki-okb.ru/press/news/statistika-lgotnogo-ipotechnogo-kreditovaniya-za-2023-g-i-i-kv-2024-g>; *Экономисты* оценили вклад материнского капитала в повышение рождаемости // НИУ ВШЭ. — 2022. — 8 авг. — URL: <https://www.hse.ru/news/science/720069557.html>; Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2023 г. / Минтруд России. — URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/2670?ysclid=mmv0cpf3ht6910056-97>; *Семья и дети в России. Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации*: стат. сб. / Росстат. — М.: ОП РФ, 2024. — 100 с.

4. *Strauß H., Venables P., Zentner M.* Associations between early childhood poverty and cognitive functioning throughout childhood and adolescence: A 14-year prospective longitudinal analysis of the Mauritius Child Health Project // PLoS ONE. — 2023. — Vol. 18, no. 2. — Article no. e0278618.

Научный руководитель: **О. А. Золотарева**,
кандидат экономических наук, доцент

Е. А. Васина

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Цена отказа от семьи в эпоху самореализации

Ключевые слова: молодая семья; инфантилизм; человеческий капитал.

«Сначала нужно добиться высот: купить жилье, авто, построить карьеру, посмотреть мир, а только потом заводить семью и детей», — так считают 68,6 % из 121 опрошенного студента в возрасте 19–24 лет¹. С одной стороны, такие данные демонстрируют амбициозную молодежь, которая задумывается о своем будущем, но этот же опрос вскрывает противоречие: 70,2 % называют главной проблемой построения семьи отсутствие стабильного дохода и собственного жилья, а 46,2 % даже при наличии материальной базы хотят «пожить для себя». Правильно ли полагать, что за «самореализацией» молодежи стоит более серьезная проблема — неуверенность в завтрашнем дне?

Проблема отказа от семьи — системное явление, которое ученые относят к разновидности социального инфантилизма. Как отмечают Ж. В. Пузанова, Т. И. Ларина и А. Г. Тертышникова [2], социальный инфантилизм уже приобрел характер «пандемии», а его ключевыми чертами стали пассивность и избегание ответственности. Речь идет о неспособности нынешнего поколения граждан, выходящих из юного возрастного этапа, выполнять взрослые функции: создавать семью, рожать и воспитывать детей. Возникновение такого социального явления нередко объясняется «тепличными условиями» взросления: нынешнему поколению 20–30-летних не досталось необходимых потрясений, формирующих психологическую устойчивость, которые прошли их предшественники. В результате, по логике З. Фрейда, в стрессовой ситуации — «необходимости взрослого выбора» — срабатывает механизм регрессии — возврата к простым, детским, способам удовлетво-

---

¹ Анкетирование проводилось автором среди студентов бакалавриата и специалитета ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет» (Иркутск) очной формы обучения.

рения потребностей. Этим простым способом становится гедонизм и потребление. А. Маслоу называл таких людей «марионетками», которые не сами создают содержание своего сознания, а доверяют это рекламе и медиа, что делает их слабыми и беспомощными перед реальными жизненными вызовами. Авторы научной работы [2] выделяют критерии зрелости: самостоятельность, независимость, профессиональная реализация, создание семьи и рождение детей. Человек, не прошедший эти ступени к 25–45 годам, имеет признаки инфантильной личности. Мой опрос подтверждает общественную широту проблемы: почти половина студентов даже при наличии материальной базы (собственного жилья с хорошими условиями и высокого стабильного дохода) психологически не готовы к семье, демонстрируя ту самую «тягу к гедонизму».

На этой почве процветает культ потребления, который пронизывает все сферы жизни молодежи. Как отмечают В. В. Левченко и Я. О. Баянзина [1], жизненные планы большинства молодых людей выстраиваются вокруг образования, карьеры, саморазвития, путешествий и обеспечения материального благосостояния, тогда как дети занимают последние места или вовсе исключаются. Социальная среда и ближайшее окружение убеждают, что самореализация — это впечатления, дорогостоящие вещи, карьерные достижения как статус успеха. Но все это — заблуждение. Полноценная самореализация человека невозможна без вклада в «длинные инвестиции» — детей, которые дадут гарантию чувства защищенности и опоры в будущем.

Вложение в детей — это вклад в более надежный семейный актив, который сможет позаботиться о родителях, когда те выйдут из трудоспособного возраста. И этот актив — человеческий капитал — наиболее ценный экономический потенциал государства, ставший теперь ценнее природных ресурсов. Качественное образование детей и формирование зрелых личностей — задача, которую нужно решать совместно родителям и государству.

Государство объявило о дефиците в 10,9 млн новых работников к 2030 г. Из них 10,1 млн чел. должны заместить выходящих на пенсию¹ Если граждане в юном и молодом возрасте откладывают рождение детей или отказываются от создания семьи, то для государства возрастает угроза ситуации, когда пенсионеров станет больше, чем рабочих рук, что повлечет за собой повышение пенсионного возраста или уменьшение размеров пенсионных выплат.

---

¹ Голикова: к 2030 г. нужно найти 11 млн новых работников // РБК. — 2025. — 18 февр. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/02/2025/67b44ebd9a79473c9a4a8ec7> (дата обращения: 18.03.2026).

Меры, которые сегодня принимает Российское государство для увеличения рождаемости, можно назвать беспрецедентными. Молодым семьям в России доступен ряд льгот: социальные выплаты на жилье, льготная ипотека, денежные пособия по беременности, при рождении ребенка и пособия на детей.

70% молодых людей не отказались от создания семьи в возрасте до 25 лет осознанно. Это страх неуверенности в завтрашнем дне, который маскируется под самореализацией. Собственная семья в этом возрасте — это лучшая школа жизни, от которой не нужно ждать идеальных условий, а нужно создавать их самим. Молодежи следует признать, что страх — это нормально. Люди никогда не будут достаточно готовы. Единственное, чего стоит бояться — остаться одному в своем «мирке», который человек выстроил из-за нежелания брать ответственность под видом самореализации. Государство готово подставить плечо, но пройти путь семейной жизни каждый должен сам.

Библиографический список

1. Левченко В. В., Баяндина Я. О. Отношение к феномену чайлдфри современной молодежи: региональный аспект // Вестник университета. — 2022. — № 12. — С. 188–196.

2. Пузанова Ж. В., Ларина Т. И., Тертышников А. Г. Социальный инфантилизм: теоретические предпосылки разработки методики измерения // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2021. — Т. 21, № 3. — С. 444–456.

Научный руководитель: **С. А. Кархова**,
кандидат экономических наук, доцент

К. Д. Волостнова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Реализация социальных проектов в формировании качества жизни: поддержка разных форм семей и их роли в общественном развитии

Ключевые слова: качество жизни; поддержка семей; демографическое развитие; равные возможности.

Сегодня тема качества жизни все чаще обсуждается не только в экономическом, но и в социальном смысле. Если раньше под качеством жизни в основном понимали уровень дохода, жилищные условия и доступ к базовым услугам, то сейчас становится ясно: человеку важно

не только иметь материальные ресурсы, но и чувствовать поддержку, безопасность, участие в жизни общества. Именно поэтому особую роль начинают играть социальные проекты, направленные на поддержку семьи. На мой взгляд, семья остается одной из главных опор общества, а помощь разным формам семей — это не частная задача социальной политики, а важное условие общественного развития.

Когда говорят о семье, нередко представляют только одну, «традиционную», модель. Однако в реальной жизни семьи бывают очень разными. Это молодые семьи, многодетные семьи, неполные семьи, семьи, воспитывающие детей с ограниченными возможностями здоровья, приемные семьи, семьи, где вместе живут несколько поколений. У каждой из них есть свои сильные стороны, но есть и свои трудности. И если государство и общество действительно заинтересованы в повышении качества жизни, то важно учитывать это разнообразие, а не пытаться применять ко всем одинаковые меры поддержки.

Социальные проекты в этой сфере особенно ценны тем, что они позволяют не просто формально оказывать помощь, а реагировать на реальные запросы людей. Например, для молодой семьи может быть особенно важна психологическая и информационная поддержка, помощь в вопросах занятости, жилья и воспитания первого ребенка. Для неполной семьи существенную роль могут играть проекты, связанные с юридическим консультированием, доступом к услугам няни, гибкими форматами занятости и дополнительной социальной адаптацией ребенка. Для семей, воспитывающих детей с особенностями развития, крайне важны инклюзивные программы, доступная среда, сопровождение специалистов и сообщества взаимопомощи. Получается, что качество жизни формируется не только через деньги, но и через возможность не оставаться один на один со своими проблемами.

Особенно важно, что социальные проекты часто становятся пространством доверия между человеком и обществом. Не все семьи готовы сразу обращаться в официальные структуры, потому что боятся осуждения, бюрократии или просто не верят, что им действительно помогут. Но когда проект реализуется в понятной, доброжелательной и человеческой форме, ситуация меняется. Например, семейные клубы, центры родительской поддержки, школы ответственного родительства, благотворительные инициативы, проекты наставничества и семейного досуга помогают не только решать конкретные бытовые вопросы, но и возвращают людям ощущение нормальности, нужности и включенности в жизнь сообщества.

На мой взгляд, одна из самых больших ценностей таких проектов состоит в том, что они работают на перспективу. Поддержка семьи —

это не разовая акция и не «социальная льгота ради отчета». Это вклад в будущее общества. Ребенок, который растет в атмосфере заботы, стабильности и уважения, с большей вероятностью станет социально активным, ответственным и психологически устойчивым взрослым. Родители, которые чувствуют помощь и участие, чаще сохраняют ресурсы для воспитания детей, труда и общественной жизни. Пожилые члены семьи, не исключенные из семейного и социального пространства, передают опыт, поддерживают связь поколений и тоже влияют на общую устойчивость общества.

При этом поддержка разных форм семей имеет не только гуманистическое, но и практическое значение. Чем меньше семья сталкивается с социальной изоляцией, хроническим стрессом и ощущением безвыходности, тем ниже риск многих серьезных проблем: бедности, семейных конфликтов, социального сиротства, эмоционального выгорания родителей, девиантного поведения подростков. Поэтому социальные проекты в этой области нужно рассматривать не как второстепенное направление, а как важный механизм профилактики социальных рисков. Гораздо разумнее и человечнее создать условия для поддержки семьи заранее, чем потом решать последствия ее кризиса.

В современном обществе все большее значение приобретает сотрудничество государства, некоммерческих организаций, образовательных учреждений, бизнеса и местных сообществ. По моему мнению, такое взаимодействие делает социальные проекты по-настоящему устойчивыми и полезными для людей. Университеты могут заниматься просветительской работой и исследованиями, а некоммерческие организации оказывать адресную помощь тем, кто в ней действительно нуждается, бизнес должен поддерживать важные инициативы через гранты и социальные программы, а местные сообщества создавать атмосферу принятия, участия и взаимной поддержки. Благодаря этому семья перестает восприниматься как исключительно личное дело каждого человека и начинает осознаваться как важная общественная ценность.

Здесь особенно важно подчеркнуть одну простую, но значимую мысль: поддержка семьи не должна строиться на жалости. Гораздо важнее, чтобы она основывалась на уважении, понимании и признании ценности каждой семьи. Семьи бывают разными, и это не отклонение от нормы, а естественное отражение реальной жизни. Если общество хочет быть устойчивым, справедливым и развивающимся, оно должно видеть в семье не проблему, а ресурс. По-настоящему эффективный социальный проект помогает семье раскрыть свои возможности, укрепить внутренние силы и почувствовать, что она не осталась один на один со своими трудностями.

Социальные проекты, направленные на поддержку разных форм семей, действительно влияют на качество жизни. Они дают людям не только конкретную помощь, но и чувство уверенности, социальные связи, возможность развиваться и строить планы на будущее. А значит, поддержка семьи должна быть, одновременно поддержкой детей, взрослых, пожилых людей и общества в целом. На мой взгляд, в этом и заключается одна из важнейших задач современного социального развития: сделать так, чтобы каждая семья, независимо от ее особенностей, чувствовала свою значимость, защищенность и право на достойную жизнь.

Научный руководитель: **Е. Н. Шарафутдинова**,
кандидат химических наук, доцент

С. Н. Ермакова

Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К. А. Тимирязева,
г. Москва

Невидимый фундамент: как семья формирует наше будущее

Ключевые слова: семья; человеческий потенциал; традиции; воспитание.

Вы когда-нибудь задумывались о том, откуда в нас берутся те самые качества, которые потом помогают нам в будущем достигать вершин, быть честным и порядочным человеком? Да, многие скажут, что тут влияние целого ряда факторов: генетика, окружение, то, в какой школе ты учился и на какие секции ходил. Да, нам всегда говорят «учись хорошо, это твоя инвестиция в будущее, от этого многое зависит». Но ведь на самом деле все важные «инвестиции» в нас закладываются гораздо раньше, и даже до того, как мы начинаем себя осознавать. Все это происходит благодаря семье.

Прежде, чем поговорить о том, какую роль играет семья в нашем человеческом потенциале или культурном уровне, разберемся с сутью всех этих понятий более детально. Что же такое семья? Конечно, это люди, связанные родственными узами. Семья — это первый социальный институт, в котором оказывается человек: здесь формируется его характер, привычки, отношение к миру и окружающим, национальная идентичность. Если же обратиться к трудам выдающегося социолога П. Сорокина, то он писал, что семья является первой и главной школой социализации, где индивид учится взаимодействовать с обществом [2].

И действительно, ведь умение любить, доверять, прощать, трудиться — всему этому мы учимся именно в семье.

Теперь разберемся с тем, что такое человеческий потенциал. Конечно, можно вспомнить про определение, которое связано с экономикой и производительностью труда. Но все же, человеческий потенциал — совокупность способностей, знаний, навыков, и, самое важное, ценностей человека, которые позволяют ему развиваться и приносить пользу обществу. Нобелевский лауреат Гэри Беккер называл это человеческим капиталом и доказывал, что инвестиции в человека самые выгодные [1]. И первый инвестор — это наша семья.

Но как же семья влияет на наш потенциал? Начну с того, что мне лучше всего известно. В моем детстве было множество различных событий, связанных с семейными праздниками: Новый год, Рождество, Пасха, 9 мая. Все это для меня не просто даты в календаре, а особые события. Бабушка всегда рассказывала, как важны традиции, как было в ее детстве, пока я помогала ей печь пирожки на Рождество. Пасха для меня имеет тоже очень важное значение, интересно же в детстве меняться этими разноцветными яйцами, а потом катать их с горки, чтобы попасть в лунку. И сейчас мы продолжаем традиции и уже привлекаем к этому моих племянников: с сестрой уже 3 года мы проводим небольшой квест для них и ребята ищут шоколадные яйца во дворе дома, поэтому теперь и они так же ждут праздника с нетерпением.

А 9 мая — ключевая дата, в нашей семье точно. наших героев мы вспоминаем не только раз в год — их портреты стоят у нас дома на видном месте. А в сам День Победы мы обязательно ежегодно ходим на митинг к памятнику, посвященному героям-односельчанам. В школьные годы я всегда участвовала в концертах-митингах, сейчас же просто прихожу поучаствовать в бессмертном полку, вспомнить со всеми наших защитников. И, конечно, с малых лет мои племянники тоже ходят с нами на митинги, возлагают цветы к памятнику. Что самое важное, они интересуются историей и спрашивают о прадедах.

Так же родители прививали любовь к труду, но не в форме нравов-учений, а на своем примере. В 4 года я уже стремилась помочь перебирать картошку с наших полей, а когда подросла, полноценно работала со всеми в поле в период сбора нашего урожая. Мое любимое событие — семейный день урожая: это когда вся картошка убрана с поля, и вы остаетесь пообедать всей дружной компанией прямо в поле различными вкусностями и сладким чаем. Любовь к труду и упорство — это те качества, которые потом помогают в спорте, учебе, в работе и просто в жизни. Получается, что семья закладывает в нас тот фундамент, на котором строится вся наша жизнь: наши успехи, достижения, отношение к людям и стране.

Также я недавно узнала, что в Чеченской Республике в рамках национального проекта «Семья» реализуется уникальная инициатива «Голос предков». Она направлена на сближение поколений и сохранение культурного наследия через живые встречи старейшин с молодежью. В уютной обстановке в доме культуры пожилые люди рассказывают о традициях, делятся семейными историями, а молодое поколение записывает эти рассказы для школьных проектов и музейных архивов. Проект уже объединил более 100 чел. и помог укрепить связь между поколениями, благодаря чему получил признание в регионе¹.

Я считаю, что эту инициативу нужно внедрять везде. И как было бы интересно, если бы каждый регион, каждый народ записал такие встречи, а потом эти видео показывать в школах, на уроках истории. Тем более 2026 г. объявлен Годом единства народов России. Единство обозначает, что у нас общая история, общие корни, общие ценности и именно семья, семейные истории и такие инициативы, как «Голос предков», помогают почувствовать и укрепить наши ценности и продолжают преемственность культуры.

Конечно, можно рассуждать о семье с научной точки зрения, приводить статистику. Но для меня семья — это в первую очередь место, где тебя любят и принимают. Именно здесь нас учат верить, надеяться, трудиться, здесь передают культурный код, делают частью чего-то большего — своего народа, своей страны. И я уверена, пока есть институт семьи, есть и будущее у человечества, у культуры, у России.

Библиографический список

1. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — 672 с.
2. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. — М.: Астрель, 2006. — 1176 с.

Научный руководитель: **В. В. Рокотянская**,
кандидат экономических наук, доцент

---

¹ Национальный проект «Семья»: уникальная инициатива «Голос предков» // Вести Чеченской Республики. — 2025. — 19 авг. — URL: <https://vesti095.ru/2025/08/natsionalnyj-proekt-semya-unikalnaya-initsiativa-golos-predkov/> (дата обращения: 27.02.2026).

Синергия права и менеджмента: стратегический подход к развитию «сотрудника-матери» в российском контексте

Ключевые слова: семья; управление персоналом; корпоративное управление.

Современная концепция управления персоналом (HRM) выходит за рамки простого администрирования трудовых договоров. Это, прежде всего, управление человеческим капиталом и качеством жизни. Основываясь на моем юридическом образовании, я рассматриваю права работающих женщин (особенно в период материнства) не просто как законодательные нормы, а как «профессиональное этическое обязательство» организации. С точки зрения моей текущей специализации в области HR, я убеждена, что игнорирование финансовой и профессиональной поддержки матери, возвращающейся к трудовой деятельности, является «стратегической потерей» интеллектуального капитала компании.

1. *Анализ проблемы.* «Скрытое финансовое наказание» и разрыв в доходах. Многие организации сталкиваются с проблемой «компетентностного и финансового разрыва», который отчетливо проявляется при выходе сотрудницы из декретного отпуска.

С юридической точки зрения: Законодательство гарантирует сохранение «рабочего места», но зачастую упускает из виду сохранение «реальной покупательной способности» сотрудницы. Мать часто оказывается лишенной индексаций и бонусов, начисленных в период ее отсутствия, что является формой «косвенной дискриминации».

С точки зрения управления персоналом, этот финансовый регресс ведет к снижению вовлеченности (employee engagement). Высококвалифицированные кадры теряют лояльность, что противоречит целям совершенствования деятельности по развитию персонала.

2. *Совершенствование деятельности по развитию персонала.* Инновационные решения. В рамках моей магистерской диссертации «Совершенствование деятельности по развитию персонала» я предлагаю переход от «реактивного» к «проактивному» управлению через следующие механизмы:

а) механизм финансово-правового выравнивания (salary catch-up): необходимо закрепить в локальных нормативных актах обязательство по корректировке оклада вышедшей из отпуска матери. Ее доход должен соответствовать среднему уровню индексаций, проведенных в от-

деле за период ее отсутствия. Юридически это укрепляет принцип «равной оплаты за труд равной ценности», а управленчески — устраняет чувство маргинализации;

б) гибридные технологии непрерывного обучения (L&D): развитие персонала не должно прекращаться в декрете. Мы предлагаем внедрение дистанционных платформ обучения, доступных сотрудницам на добровольной основе. Это позволяет сохранять «техническую грамотность» и актуальность навыков, делая процесс реинтеграции в рабочий ритм максимально эффективным.

в) модель «мягкого возврата» (phased re-entry): с управленческой позиции, начало работы на условиях неполного рабочего дня при сохранении полной мотивационной части снижает «шок возвращения». Это защищает право человека на баланс между работой и семьей, гарантируя организации стабильного и психологически устойчивого специалиста.

3. *Социально-демографический эффект.* Развитие человека как залог процветания государства. Деятельность HR-департамента не может быть изолирована от национальных интересов. Россия стоит перед серьезным демографическим вызовом. Рост рождаемости возможен только тогда, когда рабочая среда становится «дружественной к семье» (family-friendly).

Обеспечение качества жизни ребенка зависит от финансовой стабильности матери — это гарантия качественного развития ребенка, который в будущем станет квалифицированным кадром для экономики.

Национальные инвестиции могут выражаться в поддержке материнства — это инвестиция в будущее поколение, которое обеспечит долгосрочный экономический рост.

Подводя итог, как юрист и будущий магистр в области управления персоналом, подчеркиваю — решение проблемы лежит не только в плоскости законов, но и в корпоративной культуре.

Соблюдение прав человека — это правовой каркас, защищающий достоинство матери. А внедрение гибких программ развития — это управленческий инструмент, превращающий материнство из «финансового бремени» в конкурентное преимущество компании, повышающее ее эмоциональный интеллект и устойчивость.

Государство строится на крепких семьях, а крепкая семья начинается там, где организация ценит человека как высшую ценность.

Научный руководитель: **Т. А. Камарова**,
кандидат экономических наук

М. Е. Кичев

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Семья нового поколения как источник инновационных практик взаимопомощи молодых родителей

Ключевые слова: молодая семья; социальные инновации; демографическая политика; человеческий капитал; национальный проект «Семья».

В XXI веке молодая семья находится на пересечении демографического спада, цифровой трансформации и изменения роли государства в социальной поддержке. Масштаб государственного участия в этой сфере беспрецедентен: национальный проект «Семья» на 2025–2030 гг. предусматривает финансирование в объеме 17,9 трлн р. и охватывает более 60 мероприятий¹.

В таких условиях, по мнению автора, устойчивость семьи определяется не только объемом государственных мер, но и способностью самих родителей создавать новые формы взаимопомощи. Цель эссе — показать, как молодая семья нового поколения становится источником социальных инноваций во взаимопомощи и какие условия необходимы для развития таких практик.

Демографическая ситуация придает этой теме особую остроту. В 2024 г. в России родилось 1 222 408 детей при суммарном коэффициенте рождаемости 1,4 — ниже порога простого воспроизводства населения².

Средний возраст первого брака в 2025 г. достиг 33,2 лет у женщин и 35,3 лет у мужчин против 30,7 и 32,8 в 2021 г., соответственно семья создается в период максимальной профессиональной нагрузки, что меняет характер запроса на поддержку³.

Государственные расходы в интересах детей в 2024–2025 гг. составили около 1/20 ВВП страны, однако ни один бюджет не способен полностью компенсировать социальную нагрузку на молодые семьи —

---

¹ Национальный проект «Семья» на 2025–2030 гг.: официальные материалы // Правительство Российской Федерации. — URL: <https://национальныепроекты.рф/> (дата обращения: 10.03.2026).

² Росстат: в 2024 г. в России родилось более 1,2 млн младенцев // Российская газета. — 2025. — 20 февр. URL: <https://rg.ru/2025/02/21/rosstat-v-2024-godu-v-rossii-rodilos-bolee-12-mln-mладencev.html> (дата обращения: 10.03.2026).

³ Статистика-2025: возраст вступающих в брак и ставших родителями, популярные имена для детей // SibMama. — 2025. — 22 июля. URL: <https://sibmama.ru/stat-25-6-mes.htm> (дата обращения: 10.03.2026).

устойчивость института семьи требует развитой культуры горизонтальной взаимопомощи¹.

Молодая семья нового поколения — особый тип социального актора, которая, действуя в условиях дефицита времени и ресурсов вырабатывает нестандартные модели кооперации, нередко опережающие возможности формальных институтов. Инновационные практики взаимопомощи молодых родителей представляют собой явление, давно вышедшее за рамки стихийной бытовой кооперации, их принципиальное отличие состоит в том, что они возникают не как директивно предписанные механизмы, а как органичный ответ на реальные социальные потребности, такие как организация временного присмотра за детьми, совместные покупки, обмен товарами для новорожденных, взаимная передача профессиональных консультаций юристов, педагогов и медиков, психологическая поддержка в период родительской адаптации, а также адресная помощь семьям, оказавшимся в кризисных обстоятельствах. В каждом из этих случаев складываются горизонтальные связи, основанные не на административном предписании, а на личном участии и доверии, именно из таких повседневных практик формируется новая инфраструктура общественной солидарности — не менее значимая, чем формальные институты социальной поддержки.

Подлинная социальная инновация не всегда предполагает внедрение сложных технологий или масштабных реформ, в своей наиболее действенной форме она проявляется в способности общества по-новому организовать взаимную поддержку. Родительские сообщества, соседские клубы, сервисы совместных покупок и обмена детскими товарами, семейные пространства при культурных и образовательных учреждениях, добровольческие группы краткосрочной помощи — все это примеры социальной инновации в действии.

Особую роль в развитии таких практик играет цифровая среда. Современные молодые родители существуют в пространстве мгновенной сетевой коммуникации, что принципиально меняет архитектуру взаимопомощи; то, что прежде ограничивалось кругом ближайших родственников, сегодня организуется быстрее и охватывает несравнимо более широкий круг участников, а цифровая среда снижает психологический барьер обращения за помощью. Именно органичное сочетание цифровой самоорганизации и живого личного участия делает

---

¹ Бюджетные расходы в интересах детей составляют одну двадцатую ВВП / Научно-исследовательский финансовый институт (НИФИ) Минфина России. — URL: <https://www.nifi.ru/ru/news-ru/novosti/2793-nifi-byudzhetye-raskhody-v-interesakh-detej-sostavlyayut-odnu-dvadsatuyu-ot-vvp> (дата обращения: 10.03.2026).

новые формы взаимопомощи молодых родителей устойчивыми и воспроизводимыми.

Вместе с тем устойчивость любой социальной инновации определяется ее нравственным основанием. Взаимопомощь невозможна там, где участники готовы лишь получать поддержку, но не готовы откликаться на чужую потребность. Ответственность молодой семьи необходимо понимать значительно шире, чем формальное исполнение родительских обязательств. Она включает готовность участвовать в жизни сообщества, уважать время и труд других, соблюдать принятые договоренности, передавать опыт и поддерживать тех, кто оказался в более уязвимом положении. Ребенок, воспитывающийся в среде, где взрослые умеют сотрудничать и совместно находить решения, усваивает базовые модели гражданского поведения не как абстрактную норму, а как естественную практику повседневной жизни. В этом проявляется воспитательный потенциал семейной среды, не поддающийся воспроизведению ни в одной формальной образовательной системе.

Национальный проект «Семья» ставит целью, чтобы 80 % граждан считали семью главной жизненной ценностью¹. Число зарегистрированных браков сократилось до 880 тыс. в 2024 г., и достижение этого ориентира принципиально невозможно исключительно финансовыми инструментами — оно требует формирования культуры родительства, в которой семья воспринимается как открытое сообщество, производящее ценность для других². Эффективность семейной политики, таким образом, определяется не только объемом выделяемых средств, но и способностью общества поддерживать культуру взаимной ответственности. Осмысление молодой семьи как активного источника социальных инноваций должно стать приоритетным направлением научной дискуссии в сфере семейной политики Российской Федерации.

Научный руководитель: **А. И. Матвеева**,
доктор философских наук, доцент

---

¹ Национальный проект «Семья» на 2025–2030 гг.: официальные материалы // Правительство Российской Федерации. — URL: <https://национальныепроекты.рф/> (дата обращения: 10.03.2026).

² Статистика-2025: возраст вступающих в брак и ставших родителями, популярные имена для детей // SibMama. — 2025. = 22 июля. — URL: <https://sibmama.ru/stat-25-6-mes.htm> (дата обращения: 10.03.2026).

И. А. Коньков

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Культурный капитал молодой семьи в многонациональной России как фактор устойчивого экономического развития

Ключевые слова: культурный капитал; молодая семья; устойчивое развитие; межнациональный диалог; семейная политика.

Французский социолог П. Бурдьё определял культурный капитал как совокупность знаний, навыков, ценностей и культурных кодов, которые человек получает прежде всего в семье и которые впоследствии определяют его положение в обществе и возможности в экономике. Это понятие особенно актуально для России — страны, где более 190 народов веками живут в едином государственном пространстве. Молодая семья в такой стране является не просто демографической единицей, но хранителем и транслятором культурного наследия, языкового многообразия и трудовых моделей поведения. Вопрос о ее поддержке приобретает особое измерение: речь идет не только об экономической устойчивости конкретной семьи, но и о сохранении культурного богатства, составляющего одно из главных конкурентных преимуществ страны.

В 2025 г. я провел анкетирование среди молодых семей Уральского региона, чтобы понять, как они сами оценивают связь между культурными традициями и экономическим благополучием. В опросе приняли участие 50 семей в возрасте от 22 до 35 лет — русские, татары, башкиры и семьи смешанного национального состава. Выборка формировалась целенаправленно, с учетом того, чтобы отразить реальное межнациональное разнообразие региона и его роль в структуре российского общества.

Результаты показали достаточно ясную картину. 78 % респондентов считают культурные традиции своей семьи важным ресурсом для развития детей, а 64 % сообщили, что целенаправленно передают детям родной язык, обычаи и ценности. Одновременно 71 % опрошенных отметили, что финансовые трудности не позволяют им в полной мере обеспечивать культурное и образовательное развитие детей — посещение музеев, кружков, культурных мероприятий приходится сводить к минимуму. В итоге вырисовывается определенное противоречие: семьи осознают ценность культурного капитала, но объективно ограничены в возможностях его воспроизводства. Полученные данные позво-

ляют сделать вывод, что культурный капитал молодой семьи в значительной степени определяется ее материальным положением.

Особый интерес представляют данные о межнациональном взаимодействии. Среди семей смешанного национального состава 83 % отметили, что двуязычие и знание нескольких культурных традиций стали для их детей конкурентным преимуществом при поступлении в учебные заведения и трудоустройстве. Более того, 59 % респондентов в целом по выборке считают, что государство недостаточно поддерживает сохранение региональных культур и языков, и это воспринимается ими как угроза культурной преемственности. Полученные данные свидетельствуют о том, что молодые семьи осознают ценность культурного капитала, однако не всегда располагают условиями для его воспроизводства.

Данные исследования согласуются с общероссийской статистикой. По данным «ДОМ.РФ», в 2025 г. около 60 % семей с детьми проживали в стесненных жилищных условиях, а 7 % граждан имели менее 10 м² жилой площади на человека¹. В таких условиях сложно говорить о полноценной передаче культурного капитала: нет пространства для занятий, чтения, творчества и культурного досуга. Одновременно суммарный коэффициент рождаемости в декабре 2025 г. снизился до 1,374 при необходимом для воспроизводства уровне 2,1, что означает сокращение самой базы носителей культурного разнообразия страны².

Авторское исследование выявило тревожную тенденцию: 47 % опрошенных признали, что их дети практически не говорят на языке предков³. Причина, по словам самих родителей, не в нежелании сохранять культуру, а в отсутствии языковой среды и поддержки со стороны образовательных учреждений. Утрата языка означает утрату культурного кода — того уникального способа восприятия мира, который с трудом поддается восстановлению.

Между тем культурное разнообразие способно стать реальным экономическим ресурсом. В ходе того же опроса 68 % респондентов отметили, что знание нескольких языков и культурных традиций помогало им при трудоустройстве и деловом общении. Это подтверждает:

---

¹ «Дом.РФ» назвал долю россиян, живущих в стеснённых условиях // РБК Недвижимость. — 2025. — 10 апр. — URL: <https://realty.rbc.ru/news/67f7a3339a79478a8ac11a3c> (дата обращения: 19.03.2026).

² В России снизился суммарный коэффициент рождаемости в 2025 г. // Коммерсантъ. — 2026. — 22 янв. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8365181> (дата обращения: 19.03.2026).

³ Авторское социологическое исследование «Культурный капитал молодой семьи в условиях межнационального многообразия» (анкетирование, $n = 120$, Уральский регион, 2025 г.).

культурный капитал семьи напрямую конвертируется в профессиональные возможности и конкурентоспособность на рынке труда. Государственная поддержка молодой семьи должна учитывать культурное измерение. Помимо жилищных программ, мер занятости и финансовой помощи, необходимы условия для сохранения и передачи культурного наследия народов России. Программы поддержки родных языков, развитие учреждений дополнительного образования с этнокультурным компонентом, межкультурные молодежные проекты — все это не просто культурная политика, но инвестиция в качество человеческого капитала страны. По данным авторского исследования, 81 % опрошенных считают, что государство должно активнее поддерживать межкультурный диалог в молодежной среде, а 74 % готовы лично участвовать в таких инициативах при наличии соответствующих условий.

По моему убеждению, культурный капитал молодой семьи в многонациональной России является недооцененным ресурсом экономического развития. Результаты проведенного мною социологического исследования подтверждают: молодые семьи осознают ценность культурного разнообразия и готовы его передавать, однако нуждаются в реальной поддержке со стороны государства и общества. Разнообразие языков, традиций и ценностей народов страны является не источником противоречий, а основой творчества, адаптивности и инновационного мышления. Молодая семья, уверенная в своем будущем и гордая своим культурным происхождением, является подлинной основой устойчивого и процветающего государства.

Научный руководитель: **А. И. Матвеева**,
доктор философских наук, доцент

А. А. Копнин

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Цифровая экосистема молодой семьи как фактора устойчивого социально-экономического регионального развития

Ключевые слова: молодая семья; цифровая экосистема; региональное развитие; цифровое неравенство.

В соответствии с государственными приоритетами социального развития реализуются меры, направленные на поддержку семьи и укрепление семейных ценностей, включая национальные проекты

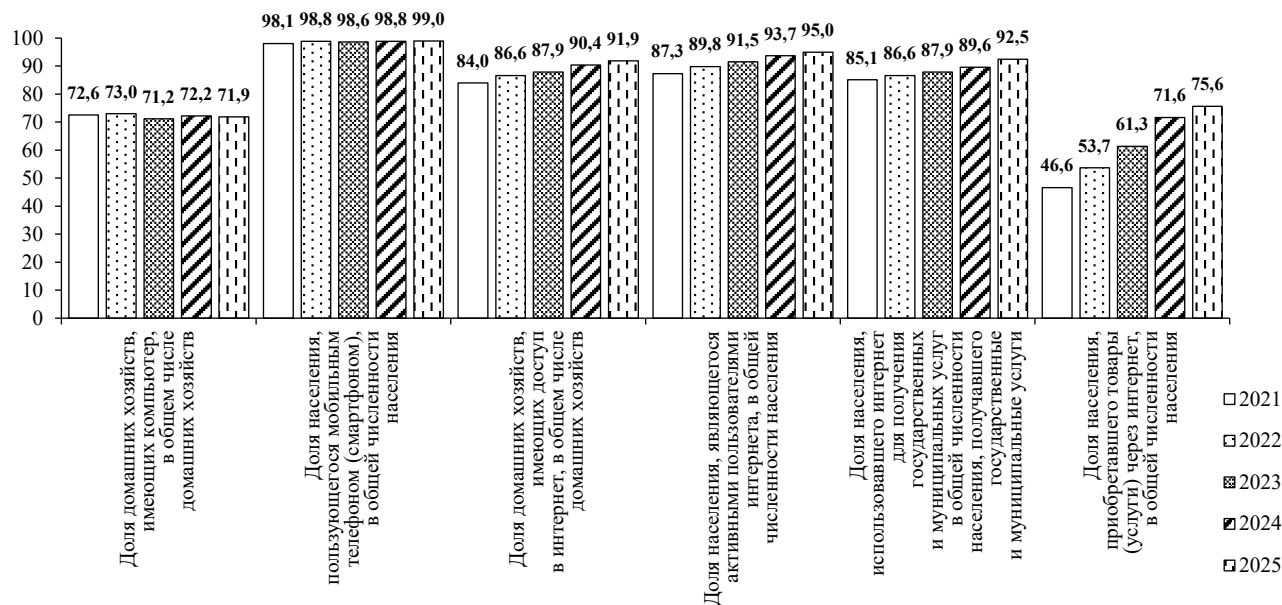
в демографической сфере¹. В условиях цифровой трансформации молодая семья выступает не только объектом социальной политики, но и активным участником цифровой экономики, где повседневные практики связаны с использованием электронных государственных услуг и цифровых сервисов. Социально-экономическое положение молодой семьи определяется не только традиционными факторами (доходы, жилищные условия, меры поддержки), но и степенью ее включенности в цифровую среду. При этом проблема имеет выраженное региональное измерение, поскольку уровень развития цифровой инфраструктуры и цифровых компетенций существенно различается по субъектам Российской Федерации, что обуславливает неоднородность включенности молодых семей в цифровые экосистемы и различия в их социально-экономическом потенциале.

По данным Федеральной службы государственной статистики, представленным в рамках мониторинга развития информационного общества в Российской Федерации (см. рисунок), в 2021–2025 гг. наблюдается положительная динамика использования информационно-коммуникационных технологий. В частности, доля домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, увеличилась, что свидетельствует о расширении инфраструктурной базы цифровой экономики. Параллельно растет и доля активных пользователей Интернета, что отражает не только количественное, но и качественное вовлечение населения в цифровое пространство. При этом практически повсеместное распространение мобильных устройств формирует технологическую основу для развития мобильных цифровых сервисов, востребованных в повседневной жизни молодых семей.

Особого внимания заслуживает динамика использования цифровых государственных и муниципальных услуг, что указывает на рост доверия населения к цифровым платформам государственного управления и повышение эффективности межведомственного взаимодействия, что для молодых семей имеет принципиальное значение, поскольку позволяет снижать транзакционные издержки при получении социальных услуг.

---

¹ *Национальный проект «Семья»* // Национальные проекты России. — URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/> (дата обращения: 14.03.2026).

Использование информационных и коммуникационных технологий домохозяйствами и населением в период с 2021 по 2025 г.¹

¹ Составлено по: План мероприятий по реализации Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 23 декабря 2025 г. № 39999-р.

Следовательно, одна и та же федеральная мера поддержки в разных регионах может давать разный фактический результат. В этом смысле цифровая экосистема молодой семьи становится фактором не только социальной, но и территориальной устойчивости, т. е. можно сказать о том, что чем равномернее распределены цифровые возможности, тем выше шансы сократить межрегиональные различия в доступе к образованию, медицине и социальной помощи¹. Электронное оформление пособий, запись к врачу, подача заявлений, регистрация рождения ребенка и получение справок позволяют сократить число очных обращений, снизить временные затраты и упростить взаимодействие с государством. По информации Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, за период с 2009 по 2025 г. более 1 млн детей были зарегистрированы при рождении в электронном виде, свыше 600 тыс. семей получили сертификат на материнский капитал в проактивном формате, а родители подали почти 6 млн заявлений на запись детей в школу. Кроме того, миллионы граждан используют цифровые сервисы в сфере образования и здравоохранения, включая подачу заявлений в вузы и запись к врачу².

Цифровая экосистема молодой семьи выступает значимым фактором социально-экономической устойчивости и регионального развития России. В сложившихся условиях задача государства и региональных систем управления заключается не только в расширении цифровых сервисов, но и в формировании безопасной, инклюзивной и человекоориентированной цифровой среды, способствующей укреплению молодой семьи как базового института демографического и пространственного развития.

Научный руководитель: **А. И. Матвеева**,
доктор философских наук, доцент

---

¹ План мероприятий по реализации Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 23 декабря 2025 г. № 3999-р.

² *Главному* portalу страны сегодня 16 лет // Минцифры России. — 2025. — 15 дек. — URL: <https://digital.gov.ru/news/glavnomu-portal-strany-segodnya-16-let> (дата обращения: 15.03.2026).

А. И. Коркишко

Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

Молодая семья в системе достижения национальных целей: потенциал и ограничения

Ключевые слова: гражданская ответственность; демографическое развитие; молодая семья; социальные инновации; социальный капитал.

Устойчивое развитие общества в XXI веке базируется не только на государственной политике, но и на гражданской активности населения. В этих условиях молодая семья выступает не просто как социальная единица, а как ключевой механизм формирования ценностей и будущего социального капитала. Именно здесь закладываются фундаментальные основы отношения личности к социуму и собственной ответственности. Считаю, что данный институт следует трактовать как двигатель социально-экономических изменений в регионах, поскольку семейные модели поведения напрямую воздействуют на качество человеческого капитала, паттерны потребления и локальные трудовые рынки.

Для меня эта проблема носит не абстрактный, а практический характер. В реальной жизни я наблюдаю, как молодые семьи готовы участвовать в общественных инициативах, но сталкиваются с нехваткой времени, ресурсов и неудобными форматами. Это подтверждается данными: свыше 70 % граждан связывают формирование гражданской позиции с семейным воспитанием¹, однако реальное участие молодых семей в общественной жизни составляет лишь 25–30 %. Данное противоречие указывает на системный институциональный разрыв, а не на дефицит ответственности.

Жесткие графики, отсутствие семейно-ориентированных форматов и, наконец, слабое информирование тормозят трансляцию ценностей в практики.

Особую значимость проблема приобретает в условиях демографического спада. По данным Росстата, коэффициент рождаемости в России составляет около 1,3 при необходимом уровне 2,1 для про-

---

¹ *Семья в системе российских ценностей: аналит. обзор* / ВЦИОМ. — 2024. — 22 нояб. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/senja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei> (дата обращения: 15.03.2026).

стого воспроизводства населения¹. Социальная пассивность молодых семей ослабляет общественные связи и перекладывает на муниципальные бюджеты функции, которые могли бы выполняться через волонтерство и горизонтальные взаимодействия. В свете Указа Президента РФ № 309 от 7 мая 2024 г., игнорирование семейного потенциала тормозит достижение национальных целей по росту человеческого капитала и социальной солидарности.

При этом современные семьи обладают высоким потенциалом для социальных инноваций. Цифровизация и сетевые сообщества создают благоприятную базу для новых форм участия. Однако 65 % родителей считают важными гражданские ценности, но лишь 40 % вовлечены в общественную деятельность², а уровень добровольчества остается на отметке 20–25 % [2]. Цифровые инструменты должны стать не каналом информирования, а инфраструктурой соуправления, где семьи выступают соавторами проектов, а не пассивными исполнителями. Переход от патерналистской модели к партнерской — необходимое условие раскрытия инновационного потенциала.

Опыт калининградского «Добро.Центра» доказывает эффективность гибких форматов: семейных волонтерских смен, совместного участия родителей и детей, адаптивного графика. При доступной инфраструктуре вовлеченность заметно растет, однако практики остаются локальными. Для их масштабирования требуется единый цифровой контур, интегрирующий федеральные, региональные и муниципальные ресурсы по аналогии с платформой «Добро.РФ», а также прозрачная система верификации волонтерских часов.

Ключевая задача — создать условия, при которых участие в общественной жизни становится естественным и социально значимым выбором. Необходима новая модель социальной политики, стимулирующая активность и конвертирующая ее в измеримый экономический ресурс. Перспективно развитие цифровых платформ «одного окна», объединяющих каталог проектов с модулем накопительного учета социального вклада. Конвертация часов участия в льготы, образовательные гранты или приоритетный доступ к программам полностью соответствует принципам Концепции государственной семейной политики до 2025 г.

---

¹ Демографический ежегодник России. 2023: стат. сб. / Росстат. — М., 2024. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

² Семья в системе российских ценностей: аналит. обзор / ВЦИОМ. — 2024. — 22 нояб. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/senja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei> (дата обращения: 15.03.2026).

Эффективным механизмом стимулирования может стать расширение применения ст. 219.1 НК РФ для семей, поддерживающих некоммерческие организации, а также внедрение региональных программ «семейного кешбэка» (субсидии на жилищно-коммунальное хозяйство, детские кружки). Это повысит покупательную способность, стимулирует сектор социальных услуг и сформирует устойчивый спрос на качественные общественные блага. Не менее важно развитие инфраструктуры: семейных общественных центров и локальных микроинициатив на уровне дворов. Совместные практики формируют межпоколенческую передачу гражданской ответственности, снижают асоциальные проявления и служат стартовой площадкой для социального предпринимательства в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Научный руководитель: **М. А. Мирюкова**,
кандидат социологических наук, доцент

Ю. К. Кортес-Переа

Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург

Диалог культур в одной семье: воспитание человеческого потенциала и сохранение русской идентичности

Ключевые слова: молодая семья; человеческий потенциал; культурная преемственность; межнациональный брак; идентичность.

Когда говорят, что семья — основа общества, для меня эти слова наполняются особым смыслом. В свои 20 лет я — студентка, жена гражданина Колумбии, живущего и работающего в России, и мама нашего общего ребенка. Наша семья — это не просто ячейка общества, а настоящее пространство межкультурного диалога, где каждый день встречаются и учатся понимать друг друга две цивилизационные традиции — латиноамериканская и русская.

Человеческий потенциал — это не абстрактная категория из учебников. Для меня это ежедневная реальность. Рождение сына кардинально изменило мою жизнь, заставив по-новому выстраивать режим дня, совмещая учебу с заботами о малыше. Но главное — я вижу, как в нашем ребенке закладываются основы его будущей личности. Та атмосфера любви, заботы и безопасности, которую мы с мужем стараемся создавать дома, дает сыну то самое «базовое доверие к миру»,

о котором говорят психологи. Этот ранний опыт станет фундаментом его будущей социальной активности, способности любить, доверять и созидать. Именно так — через ежедневный родительский труд — формируется тот самый человеческий потенциал, который в будущем станет достоянием всей страны¹.

Но наша семья уникальна тем, что культурная преемственность для нас — не просто традиция, а ежедневный осознанный диалог. Мой муж из Колумбии, и дома мы действительно живем на перекрестке культур: звучат два языка, встречаются две кухни, переплетаются два взгляда на воспитание. И в этом диалоге рождается наша общая цель: воспитать ребенка, который будет с уважением относиться к обеим культурам, но при этом чувствовать себя неотъемлемой частью России.

Моя роль как матери и носительницы русской культуры в этой семье — особая и очень ответственная. Я осознанно стараюсь передать сыну то, что составляет душу нашей страны: через русские колыбельные и сказки, через празднование Масленицы с блинами. Я хочу, чтобы он чувствовал свою кровную связь с Россией, понимал красоту и глубину русского языка, уважал нашу историю. Для меня сохранение русской идентичности в межнациональном браке — не просто слово, а каждодневный труд и одновременно дар, который я могу оставить своему ребенку. При этом мы не отвергаем культуру его отца — напротив, знакомим сына с колумбийскими традициями, учим испанским словам, рассказываем о далекой, но любимой родине папы. Так наш ребенок с ранних лет учится главному: можно сохранять свои корни и при этом быть открытым к другим культурам, можно любить Россию и Колумбию, можно быть гражданином мира, не теряя своей национальной идентичности.

Этот ежедневный «культурный мост» убеждает меня, что семья — самый главный хранитель идентичности. Именно здесь, а не в школе или интернете, ребенок впервые осознает: «я — часть своей семьи, а через нее — часть большой страны и мира». В эпоху глобализации и размывания ценностных границ эта функция семьи становится бесценной.

Научный руководитель: **Н. Ю. Лазукина**

---

¹ Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. — М.: Голос, 2001. — 692 с.

Поддержка молодой семьи как условие экономического роста России

Ключевые слова: молодая семья; экономический рост; человеческий капитал; демографическая устойчивость; социальная инфраструктура.

Когда речь заходит об экономическом росте, в первую очередь вспоминают ВВП, инвестиции, технологии. Семья в этом ряду звучит непривычно. Тем не менее именно в ней формируется будущий работник, налогоплательщик, потребитель и гражданин. Без устойчивой семьи невозможно ни воспроизводство населения, ни накопление человеческого капитала, ни достаточный внутренний спрос. В этом смысле поддержка молодых семей представляет собой не социальную благотворительность, а конкретное условие долгосрочного развития страны.

Демографическая ситуация в России не дает поводов для оптимизма. По данным Росстата, в январе 2025 г. в стране родилось 104 954 ребенка, что на 1,5 % больше показателя за аналогичный период прошлого года. Однако этот небольшой прирост не меняет общей тенденции: согласно прогнозу, заложенному в бюджет Социального фонда, число рождений составит 1,153 млн в 2025 г. и 1,143 млн в 2026 г. Суммарный коэффициент рождаемости в декабре 2025 г. опустился до 1,374 при том, что для простого воспроизводства населения необходимо не менее 2,1. Через 20–25 лет это выразится в сужении рынка труда, росте нагрузки на пенсионную систему и дефиците кадров¹.

Вкладывать средства в молодую семью означает инвестировать в качество следующего поколения. В семье ребенок получает первые установки на учебу, труд и ответственность. Именно это впоследствии называют человеческим капиталом, который напрямую определяет производительность экономики. Государство, уделяющее внимание семейной политике сегодня, получает более образованную, здоровую и мотивированную рабочую силу в будущем.

При этом молодые семьи в России сталкиваются с вполне конкретными трудностями. Пожалуй, главной из них остается жилье. По данным «ДОМ.РФ», в 2025 г. около 60 % семей с детьми проживали в стесненных условиях, а примерно 7 % граждан имели менее 10 м² жи-

---

¹ В России снизился суммарный коэффициент рождаемости в 2025 г. // Коммерсантъ. — 2026. — 23 янв. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8365181> (дата обращения: 19.03.2026).

лой площади на человека¹. Семейная ипотека со ставкой до 6 % остается одним из немногих реальных инструментов улучшения жилищных условий, однако высокая стоимость недвижимости и требование первоначального взноса от 20 % делают ее недоступной для значительной части молодых пар. Между тем каждый рубль, направленный на решение жилищного вопроса, одновременно стимулирует строительство, торговлю, банковский сектор и сферу услуг, то есть оказывает мультипликативный эффект на экономику в целом².

Острой остается и проблема занятости. После рождения ребенка семья нередко теряет часть дохода, а один из родителей рискует надолго выпасть из профессиональной среды. По статистике, семьи с детьми входят в число наиболее уязвимых групп по риску бедности. Ситуацию не исправить разовыми выплатами: нужны программы трудоустройства молодых специалистов, доступная переподготовка, гибкие форматы работы и реальные правовые гарантии для родителей. Совмещать воспитание детей с профессиональной реализацией удается далеко не всем, и именно это становится одной из причин, по которым люди откладывают рождение детей.

Отдельного внимания заслуживает социальная инфраструктура. Доступность детских садов, качественной медицины и дополнительного образования напрямую влияет на трудовую активность родителей. Зная, что ребенок в надежных руках, они могут полноценно работать и строить карьеру. Развитая инфраструктура удерживает родителей в экономике, то есть также вносит вклад в рост производительности и занятости.

Стоит учитывать и потребительское измерение. Молодые семьи активнее других приобретают жилье, бытовую технику, детские товары, образовательные и медицинские услуги. Рост их благосостояния питает внутренний спрос, что, в свою очередь, поддерживает производство и занятость. Кроме того, именно эта группа населения быстрее осваивает цифровые возможности, открывает небольшой бизнес и адаптируется к новым профессиям, выступая одним из источников экономической динамики.

По моему убеждению, перечисленные проблемы невозможно решить разрозненными мерами. Жилищная, демографическая, трудовая,

---

¹ «Дом.РФ» назвал долю россиян, живущих в стесненных условиях // РБК Недвижимость. — 2025. — 10 апр. — URL: <https://realty.rbc.ru/news/67f7a3339a79478a8ac11a3c> (дата обращения: 19.03.2026).

² Батыров Т. Коэффициент рождаемости в России в 2023 г. упал до минимума за 17 лет // Forbes Russia. — 2024. — 25 марта. — URL: <https://www.forbes.ru/society/508931-koefficient-rozdaemosti-v-rossii-v-2023-godu-upal-do-minimuma-za-17-let> (дата обращения: 19.03.2026).

налоговая и образовательная политика должны выстраиваться в единую систему. Только тогда семейная политика перестанет восприниматься как помощь нуждающимся и станет инструментом укрепления социальной устойчивости и экономического развития. Молодая семья, в которой уверены в завтрашнем дне, это не статья расходов бюджета, а основа, на которой строится будущее страны.

Научный руководитель: **А. И. Матвеева**,
доктор философских наук, доцент

А. В. Переверзева
Курский государственный университет, г. Курск

Духовные основы семьи и роль этноса в воспитании личности

Ключевые слова: семья; этическая культура; космос.

Семья — самое важное, что есть в жизни человека. Для меня семья не ограничивается классическим пониманием родственной системы, а является многомерным представлением. Еще сам К. Э. Циолковский считал человека существом глобальным и космическим, а в христианстве человек появляется в результате сотворения Бога из «праха земного», вдохнув в него «дыхание жизни», так описывается в книге Бытия. Философы, ученые, религии говорят о природе человека, как о части космоса, а значит семья, как и человек имеет свое духовное начало, а затем и материальное гораздо глобальнее, чем его род и в этом ее феномен. Космос представляется нам как безграничный потенциал и его система зеркально отображается на системе семьи, а в дальнейшем и в человеке.

Обратив внимание на этнос, мы увидим, что именно он раньше всех говорит нам о единстве человека с космосом, с духовным миром и природой. Говорит глубоко, осмысленно, аргументировано, метафорично объясняя для разных возвратов и жизненных периодов человека и его семьи. А точнее разговаривает сразу с бессознательным. Нам известно, что бессознательное «говорит и понимает» на языке образов, универсальный язык человечества и этническая культура его прекрасное проявление. Этнос доступен для межнационального понимания и в том числе для тех, кто еще не понимает грамоты, но кому так важно узнать законы мира, прежде всего нравственные и этические. Конечно же, это — наши дети.

Этническая культура раскрывает нам свои шифры в сказках, играх, прибаутках, игрушках, вышивке. Обращая наше внимание, что семья гораздо больше, чем мы привыкли думать. Семья, состоящая из мамы и папы, братьев и сестер, это отражение нашей большой семьи — природы и космоса, в духовном контексте, той необозримой семьи, где хранятся идеалы и эталоны нравственности. Главной истинной потребностью человека является познание духовного аспекта своей личности. Развивая ее в творчестве, человек знакомится с своей идентичностью, проявляя суть Творца, а Творец — это созидатель, и эта часть реализует духовную миссию человека, которая заключается в эволюции. Об этом нам подробно пишет академик А. Ю. Савин в рамках науки «Ноокосмология».

Духовные смыслы доступны в этносе каждому. Кто знает и понимает их владеет большой мудростью, обладает незримой инструкцией и возможностью создавать нечто уникальное в своей жизни. В семье хранители этноса — это наши бабушки и дедушки, которые несут с собой зерна мудрости от наших предков, увековечивая их: в рушниках, вышивках, игрушка, сказка, прибаутках, коврах, в технологиях и основах праздника, обрядах и традициях. Бабушка, напевая своей внучке колыбельную из ее детства, не просто распекает ее, убаюкивая, а дает прикосновение к «дыханию жизни», через живой голос о котором говорилось в начале. Передавая новым поколениям знания, наши бабушки, прабабушки передают сакральные смыслы, рассказывая их истинное значение, дают не только понимание законов духовных и природных, но и доступ к «Небесной» мудрости, рассказывают этические законы, развивая творческие навыки и устремления детей, тем самым совершенствуя наш мир, потому как в преображении совершается эволюция. Можно ли здесь рассуждать в ограниченности человеческого потенциала? Конечно же, нет. Но в отсутствии этноса, мы уже видим примеры обратного эффекта — это унификация. Сфера потребления растет, народ унифицируется, стираются особенности и черты, отличия. Наше отличие между собой заключается в своей культуре. Стираются этнические грани, в главенствующую роль становится сфера потребления. Когда человек потребляет, он не развивает внутри себя Творца, он закрывает свои потребности в удовольствии и наслаждении. А значит не эволюционирует и не познает себя в истинном аспекте своей личности. Обращаясь к нашим бабушкам, прабабушкам мы видим как этническая культура, побуждала их к творчеству, пробуждала потребность мастерить, вышивать, сочинять, создавать. Они не только украшали себя и свой дом, придавая уникальность, но и шифровали, кодировали в узорах, цветах, фразах для будущих поколений смыслы,

записывали информацию о своем роде. Рассматривая вышитые узоры на рушниках, можно узнать, чем занимались предки в данной семье.

Семья, которая сохраняет самобытность своего этноса является педагогической средой, потому что этническая среда — образовательная. Образовывает нравственность, дает понимание о добре и зле, о жизни и смерти, о чести и достоинстве, о детстве и взрослении, о труде и лени. Сделав вывод, мы можем понять, что семья — это ячейка этноса, она должна быть ее частью и не уходить от нее.

Семья есть культурный феномен. Как пример можно взять дымковскую игрушку. В ней преобладают яркие и чистые цвета красных и желтых оттенков, взор у игрушки ясный, игрушки полные и веселые. Они несут понимание физического и духовного здоровья, что выдает их румянец. Ценность игрушки премного велика, в первую очередь — для педагогики, в связи с ролью в воспитательном процессе. Игра — ведущий тип деятельности ребенка до школы, в этот период закладываются основные качества личности. А игрушка отражает мир самого человека, его природное окружение, мир его культуры и его место в нем. Народная игрушка способна гармонизировать сферу отношений, ориентируясь на положительные общечеловеческие ценности.

Этнос несет богатство красоты и сокровищницу добра, а в подтверждение данной мысли приведем слова академика Д. С. Лихачева, доктора филологических наук, профессора, активного защитника этноса, высоких идеалов мира и гуманизма: «По моему глубокому убеждению, добро и красота едины для всех народов. Едины — в двух смыслах: правда и красота — вечные спутники, они едины между собой и одинаковы для всех народов».

Семья — носитель этнической мудрости, не просто ячейка общества, а живой образ космоса, который раскрывает в человеке Творца.

Основываясь на сохранение этноса в семье, человек идет к единству, раскрытию творческого и духовного потенциала, где фундаментом и безграничным потенциалом лежит семья.

Научный руководитель: **О. П. Шабанова**,
доктор педагогических наук, профессор

Е. А. Распопова

Екатеринбургский экономико-технологический колледж, г. Екатеринбург

Семейный фундамент как основа культурной и профессиональной преемственности

Ключевые слова: профессиональные династии; преемственность поколений; «мягкая сила» профессии; человеческий потенциал; семья как социальный лифт.

Каким вырастет человек? Ответ для меня очевиден — фундамент закладывается в детстве, а главный архитектор этого фундамента — семья. Семья становится тем самым стартовым капиталом, который не измерить деньгами.

Сегодня вызовы и угрозы информационного общества никого не щадят на международных виражах, а последствия этих вызовов неизбежно отражаются во внутренней политике любого государства. Но задумывались ли мы когда-нибудь о том, что политика давно стала частью каждой семьи? Эту связь можно анализировать с точки зрения экономического пространства, а именно тех рабочих мест, которые являются доброй профессиональной традицией. Речь пойдет о тех семейных традициях, которые закладывают фундамент экономики, используя «мягкую силу» по привлечению в профессию. Разве можно переоценить силу примера, когда профессия становится не работой, а образом жизни, передающимся из поколения в поколение?

Семья закладывает основы поведения в обществе, основы мировоззренческих позиций, образовательные ориентиры и перспективы на будущее. А еще — безопасность, эмоциональное понимание, здоровый психологический климат, уверенность в себе. Что в современном мире может заменить этот фундамент? Семья — это социальный лифт, который уже наперед закладывает ценности, традиции, возможности, профессиональный выбор. У детей, которые являются членами профессиональных династий, есть возможность сделать образовательный выбор в пользу семейных профессий. Эта возможность становится преимуществом в процессе становления профессионального пути. А логика здесь достаточно простая — это любовь к профессии, которая берет свое начало не в одном поколении твоей семьи.

Россия поистине может гордиться целыми семейными династиями педагогов, врачей, инженеров, юристов. Человек, который родился в профессиональной династии, с детства знакомится с той реальностью, которая может стать частью жизни в будущем, а может и делом всей жизни. В чем же здесь уникальность? А в том, что в профессиональных династиях в процессе воспитания и становления происходит знакомство

не только с первичной социализацией, но и со вторичной — через профессиональный опыт членов семьи. Разве это не преимущество, которое дает семья? Разве может что-то заменить эту живую связь времен?

Атмосфера, царящая в профессиональных династиях, автоматически знакомит с образом и стилем жизни определенной профессии: режим дня, внешний вид, профессиональные компетенции, проблемные ситуации, эмоциональные настроения. А еще приходит понимание того, какой социальный статус можно иметь благодаря этой профессии — это заработная плата, возможность позаботиться о своем здоровье, доступ к качественной медицине и социальным гарантиям, стабильность в получении и приобретении экономических благ. И тогда приходит понимание: хочешь ли ты посвятить этому свой человеческий потенциал? Разве это не самый честный и осознанный выбор?

Президент РФ Владимир Владимирович Путин говорит о роли и важности семьи как фундаменте национальной идентичности и хранителе культурного наследия. По его словам, семья остается ключевым приоритетом, поскольку определяет будущее страны¹. В феврале 2024 г. президент назвал хорошей идеей учредить государственные награды для трудовых династий.

Позволю себе обратиться к личному примеру, который для меня стал самым убедительным доказательством этой истины. Я — молодой преподаватель обществознания и истории в колледже. Моя мама прошла достойный профессиональный путь в системе дошкольного образования. Она передала мне не просто любовь к образованию — она передала мне понимание того, что настоящий педагог живет своей профессией, дышит ею, и именно это делает его труд не просто работой, а делом жизни. Это именно та «мягкая сила», которая сформировала отношение к профессии через ежедневный, живой, невыдуманный пример родного человека.

Сегодня политика государства обращает особое внимание к рабочим специальностям, которые являются важной основой экономического благополучия страны. ФП «Профессионалитет» готовит не просто специалистов, а экономически активное население, которое готово стать новой экономической силой страны. Людей, которые нужны и важны государству как важный экономический ресурс. Но разве за этой логикой не стоит нечто большее — понимание того, что семья, профессия и судьба страны связаны воедино?

Научный руководитель: **И. В. Коновалова**

---

¹ *Послание* Президента Федеральному Собранию // Президент России. — 2024. — 29 февр. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 18.03.2026).

А. П. Сказоватова

Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К. А. Тимирязева,
г. Москва

Противоречие между ростом цифровых форм занятости и недостаточной адаптацией социальной политики и рынка труда к потребностям молодых семей

Ключевые слова: цифровизация экономики; гибридная занятость; родительское благополучие.

Цифровизация экономики приводит к трансформации структуры занятости и распространению новых форм трудовой деятельности, включая дистанционную, гибридную и платформенную занятость. Однако их потенциал для повышения родительского благополучия и поддержки молодых семей в Российской Федерации остается недостаточно реализованным.

Основным преимуществом гибридного формата работы является повышение автономии сотрудников, снижение издержек компаний и расширение возможностей привлечения специалистов из разных регионов. Тем не менее исследования показывают, что удаленная занятость может способствовать и развитию родительского благополучия, поскольку позволяет гибко выстраивать рабочий график и оставаться со своим ребенком в нужное время [1]. Несмотря на это, рынок труда и социальная политика пока не полностью адаптированы к новым форматам организации труда в России. Во-первых, многие работодатели продолжают ориентироваться на традиционную модель трудоустройства, предполагающую фиксированный график и обязательное присутствие сотрудника на рабочем месте. Даже в тех отраслях, где возможно удаленное оформление, компании не всегда готовы внедрять гибкие режимы работы, опасаясь снижения эффективности контроля и ухудшения взаимодействия в коллективе. Исследования показывают, что удаленная работа действительно может сопровождаться проблемами коммуникации и координации задач, требующими изменений в практике управления и корпоративной культуре [2].

Во-вторых, действующая система социальной поддержки семей в большей степени ориентирована на временный уход родителей с работы (например, отпуск по уходу за ребенком), в то время как механизмы комбинированного трудоустройства развиты гораздо меньше. В результате родители часто оказываются перед выбором между полной занятостью и длительным перерывом в карьере. Исследование, проведенное лауреатом Нобелевской премии по экономике 2023 г.

Клаудией Голдин, показывает, что после родов доходы женщин начинают расти гораздо медленнее, чем у мужчин с аналогичным образованием и опытом — это явление называется «штрафом за материнство»¹. Развитие гибридных форм занятости может частично снизить этот эффект, позволяя матерям не отказываться полностью от профессиональной деятельности и сохранять свои позиции на рынке труда.

Статистика подтверждает ограниченное распространение гибких форм работы в России. По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, удаленная работа до пандемии использовалась редко: в 2019 г. в этом формате работало около 215 тыс. чел. Во втором квартале 2024 г. около 1,32 млн чел. (1,8 % от общей численности занятых) работали удаленно, и даже среди высококвалифицированных специалистов их доля не превышала 4 %².

На мой взгляд, гибридная форма занятости может оказывать значительное положительное влияние на атмосферу в семье. Примером тому служит опыт моей хорошей знакомой, которая после рождения ребенка перешла на комбинированный формат работы. Она выполняет свои обязанности удаленно несколько дней в неделю, а в остальное время — в офисе. Такой режим позволяет ей продолжать профессиональную деятельность и одновременно уделять больше времени ребенку, сокращая время на дорогу. Приведенные примеры показывают, что гибридная занятость может быть важным инструментом поддержки молодых родителей.

Опыт гибридной занятости свидетельствует о том, что такая модель организации работы может способствовать укреплению семейных связей и улучшению благополучия родителей. Российское законодательство уже допускает следующие форматы: в соответствии со ст. 312.1 ТК РФ, трудовая функция может выполняться дистанционно на постоянной, временной или периодической основе с чередованием удаленной и офисной работы. Однако конкретные параметры этого режима не установлены и определяются соглашением сторон. Поэтому важно расширять практику комбинированной занятости для родителей с маленькими детьми, поощрять работодателей внедрять гибкие графики и развивать цифровую инфраструктуру работы. Использование этих возможностей позволит более эффективно адаптировать рынок

---

¹ Гильмуллина Л. Нобелевская лауреатка доказала: женщины всего мира платят «штраф за материнство» // Дзен. — 2023. — 16 окт. — URL: <https://dzen.ru/a/ZS0BaV-lzYzOyrg7P> (дата обращения: 17.03.2026).

² Удаленная занятость в России // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. — 2024. — 17 окт. — URL: <https://issek.hse.ru/news/9760404-62.html> (дата обращения: 17.03.2026).

труда к потребностям молодых семей и создать условия для совмещения профессиональной деятельности и воспитания детей.

В условиях цифровизации экономики гибкие формы занятости могут стать важным ресурсом укрепления молодых семей, позволяя гармонично сочетать профессиональную реализацию и воспитание детей.

Библиографический список

1. *Маркова Т. Л., Тонких Н. В.* Дистанционная занятость как фактор родительского благополучия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2023. — Т. 16, № 4. — С. 439–457.

2. *Еремченко А. Г., Шипов О. И.* Анализ эффективности командной работы в удаленных условиях // Экономика и парадигма нового времени. — 2024. — № 11 (32). — С. 78–82.

Научный руководитель: **Т.А. Васильченко**,
кандидат филологических наук

С. Д. Цыбизова

Колледж Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург

Молодая семья в системе социально-экономических приоритетов России

Ключевые слова: молодая семья; экономика будущего; человеческий капитал; финансовая устойчивость; социально-экономическая политика.

Экономика оказывает определяющее влияние на жизнь молодой семьи, формируя ее возможности и перспективы. В современных условиях именно молодая семья становится ключевым агентом экономических преобразований, но одновременно и наиболее уязвимым субъектом, чья финансовая устойчивость напрямую влияет на будущее всей страны. Данное эссе отражает мое личное мнение, основанное на анализе личных наблюдениях.

Главный парадокс современности заключается в том, что, играя центральную роль в экономике России, молодая семья сталкивается с системными вызовами, подрывающими ее развитие. С одной стороны, она является драйвером потребления, стимулирует жилищное строительство и формирует будущий человеческий капитал. С другой стороны, повсеместная ситуация, когда расходы устойчиво превышают доходы, лишает семьи главного — уверенности в завтрашнем дне. Высокая стоимость жилья, растущие тарифы жилищно-коммунального хозяйства, цены на базовые товары и услуги создают режим постоян-

ного финансового выживания. Это вынуждает откладывать рождение детей, отказываться от инвестиций в образование и собственное здоровье, что в долгосрочной перспективе сужает потенциал экономического роста.

Таким образом, молодая семья сталкивается с рядом экономических вызовов, которые требуют не пассивного ожидания, а внимания и активных действий со стороны всех институтов общества. Подготовка к будущему должна включать не только личные инвестиции семьи в образование и адаптацию к новому рынку труда, но и системные изменения. Я убеждена, что разумное использование ресурсов начинается с формирования государственной политики, направленной на сокращение разрыва между доходами и жизненно необходимыми расходами. Это предполагает не только адресную поддержку, но и создание условий для роста реальных заработных плат, развитие доступной арендной инфраструктуры и реализацию программ льготного кредитования для молодых специалистов.

Молодая семья уже сегодня является локомотивом перемен, выбирая гибкие формы занятости, цифровые инструменты и ответственное потребление. Однако ее инновационный потенциал может быть полностью раскрыт только в условиях финансовой стабильности. Только объединив усилия семьи, бизнеса и государства, можно построить успешное и финансово устойчивое будущее. Стратегия должна быть комплексной: от воспитания финансовой грамотности на уровне домохозяйств до формирования национальной системы поддержки молодых родителей. Только тогда молодая семья сможет в полной мере выполнить свою историческую миссию — стать несущей опорой социально-экономического развития России, воспитывая поколение, способное ответить на вызовы экономики будущего.

Научный руководитель: **Н. А. Шаидова**

А. А. Шавкунова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Малая родина и экономика будущего: потенциал молодой семьи в Российской Федерации на примере ее субъекта – Удмуртской Республики

Ключевые слова: молодая семья; Удмуртская Республика; промышленный кластер; национальные ценности; демографические барьеры.

В современной России формирование молодой семьи происходит в условиях жесткого давления глобальных экономических трендов. Экономика будущего, ориентированная на высокие технологии и человеческий капитал, требует от молодежи мобильности и длительного периода обучения. Это вступает в противоречие с традиционным жизненным циклом семьи¹.

Объектом исследования стала Удмуртская Республика. Выбор региона обусловлен личной сопричастностью автора, которая родилась и прожила в Удмуртии до 18 лет, активно участвуя в общественной жизни. Удмуртия — это «родниковый край» с богатым этнокультурным наследием и мощный индустриальный центр. Опыт автора позволяет глубже интерпретировать статистику и понимать запросы местной молодежи в контексте федеральной повестки².

Анализ базируется на результатах социологического опроса, проведенного в Удмуртской Республике³. В опросе приняли участие 1 182 респондента. Основную группу (81,4%) составили студенты профессиональных образовательных организаций (сузов). Основной массив данных (около 75 %) получен от молодежи в возрасте 16–19 лет, что позволяет оценить установки поколения, которое только вступает в период активного планирования жизни. Демографический срез участников эмпирического мониторинга выявил незначительное преобладание женской аудитории: 54,2 % против 45,8 % юношей. Инструментарий предполагал анкетирование с применением пятибалльной шкалы, что позволило квантифицировать субъективные приоритеты респондентов (см. таблицу).

---

¹ *О проведении* в Российской Федерации Года семьи: указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875.

² *О мерах* по социальной поддержке многодетных семей: закон Удмуртской Республики от 4 июля 2007 г. № 39-РЗ.

³ *Результаты* исследования в рамках проекта «Семейная сессия» от АНО «Во Имя Семьи». — URL: https://vk.com/wall-219303620_178 (дата обращения: 01.04.2026).

Сравнение факторов готовности к браку (по данным 2024–2025 гг.)

Фактор готовности	Удмуртская Республика, балл	Российская Федерация (тренд)
Наличие постоянной работы	3,9	Критично для 72% молодежи
Наличие отдельного жилья	3,8	Решающее условие для 68% пар
Оптимальный возраст первенца	22–25 лет (сдвиг к 29)	28,5 лет (средний по РФ)
Запрос на помощь специалистов	74–77 %	Рост спроса на психологию по РФ

Полученные массивы данных демонстрируют доминирование рационального, утилитарного подхода к жизненному планированию. Показатели значимости «высокого дохода» и «вертикальной мобильности» достигают отметки 4,4 балла, что свидетельствует о смещении акцентов в сторону экономической безопасности.

Конфигурация ценностей не случайна и напрямую коррелирует со структурой регионального рынка труда. Удмуртия ориентируется на высокотехнологичные производства, в частности предприятия оборонно-промышленного комплекса.

По данным Росстата и ВЦИОМ на начало 2025 г., средний возраст молодоженов в России увеличился на 2,5–3 года по сравнению с 2021 г. Это подтверждает общероссийский тренд на «взросление» брака. При этом 91 % молодых россиян по-прежнему считают теплые отношения в семье важными, но материальный барьер остается определяющим¹.

Несмотря на прагматизм, в Удмуртии силен национальный компонент. Культура региона исторически базируется на многопоколенной семье. Однако статистика показывает, что городская экономика будущего вытесняет эти традиции: ценность «регистрации брака» составляет всего 3,0 балла, что коррелирует с общероссийским ростом числа гражданских союзов.

Чтобы молодая семья стала драйвером экономики будущего в Удмуртии и в России в целом, можно внедрить следующие рекомендации в систему социальной защиты населения:

1) промышленная ипотека 2.0: внедрение для молодых специалистов заводов и промышленных предприятий программ списания долга: 25 % при рождении первого ребенка, 50 % — при втором, полное погашение — при третьем;

2) студенческий капитал: введение региональных выплат (от 100 тыс. р.) для студентов сузов и вузов, вступивших в брак в период обучения;

¹ *Ценности молодежи / ВЦИОМ. — 2022. — 14 дек. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 12.04.2026).*

3) гибкая социальная аренда: создание фонда государственного арендного жилья для молодых семей с платой не более 10 % от дохода семьи;

4) популяризация через традиции: использование национального колорита Удмуртии для создания модных медиа-проектов о современных этно-семьях.

Экономика будущего не должна вытеснять семейные ценности; она должна создавать условия, где карьерный успех и родительство дополняют друг друга. Только через снижение материального «порога входа» мы обеспечим процветание моей малой родины и всей России в целом.

Научный руководитель: **Е. Г. Шеина**,
кандидат экономических наук, доцент

С. Д. Шарыпкина

Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург

Молодая семья как драйвер демографического роста

Ключевые слова: молодая семья; материнский капитал; семейная ипотека.

В XXI веке демография стала не просто статистикой, а вопросом национальной важности. Для России с ее огромной территорией и относительно невысокой плотностью населения численность граждан является стратегическим ресурсом. Кто же является главным звеном в решении этой задачи?

Именно молодая семья выступает главным действующим лицом в демографическом развитии страны, она является уникальным элементом общества. С одной стороны, это период максимальной энергии, амбиций и трудоспособности, с другой — время наименьшей финансовой стабильности. Молодые люди только начинают карьеру, поэтому их доходы чаще всего невысоки, а потребности, напротив, растут в геометрической прогрессии.

Здесь возникает главный парадокс: самые здоровые и способные к деторождению люди часто откладывают рождение детей из-за отсутствия «экономической почвы под ногами». Государство, осознавая эту проблему, запустило механизм поддержки молодых семей, ключевыми элементами которого стали материнский капитал и ипотечные программы.

Программа материнского (семейного) капитала, введенная 1 января 2007 г., представляет собой меру государственной поддержкой се-

мем с детьми, предоставляемую в виде сертификата на определенную сумму¹. Первоначально данная программа задумывалась как стимул для рождения второго ребенка, и статистика первых лет подтвердила эффективность пособия, поскольку число детей в семьях стремительно увеличивалось. Однако, по мере развития программы стало очевидно, что просто выдать денежные средства родителям недостаточно, их нужно куда-то вложить, инвестировать, например в улучшение жилищных условий. Так материнский капитал пересекался с ипотекой.

Льготная ипотечная программа для молодых семей и семей с детьми стала вторым стимулом, поскольку жилье — это базовый актив и потребность. Молодая семья, решающая жилищный вопрос, получает не просто квадратные метры, а автономию, возможность планировать собственное будущее.

В поддержку молодых семей решением Министерства финансов Российской Федерации от 14 января 2026 г. № 25-67381-01850-Р «О порядке предоставления субсидии» была введена льготная (семейная) ипотека. Именно программа «Семейной ипотеки» предоставила уникальную возможность приобрести собственное жилье с ежемесячным платежом по ипотеки примерно равном арендной плате за найм жилого помещения. Примечательно, что в феврале 2026 г. были введены значительные изменения, связанные с процедурой предоставления льготной (семейной) ипотеки, а именно добавились новые требования, среди которых включение супруга в состав заемщиков по кредитному договору становится обязательным.

Казалось бы, проблема полностью решена, однако сегодня мы наблюдаем иную картину. Несмотря на меры поддержки, многие молодые семьи по-прежнему откладывают рождение детей, стремясь «встать на ноги», поскольку рождение ребенка часто снижает уровень жизни семьи, так как один из родителей временно выпадает с рынка труда.

В период с января по ноябрь 2025 г. суммарный коэффициент рождаемости (сокращенно СКР) в России снизился 1,399 до 1,376 ребенка на одну женщину. Такие данные озвучил директор Аналитического центра ВЦИОМ, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при правительстве РФ Валерий Федоров в пресс-центре «Россия сегодня», где состоялся экспертный круглый стол на тему «Демография России — 2026: вызовы и будущие стратегии». В 2025 г. в России также уменьшился СКР тре-

---

¹ О порядке предоставления субсидии: решение Министерства финансов Российской Федерации от 14.01.2026 г. № 25-67381-01850-Р.

тых и последующих детей. В декабре прошлого года он составил 0,362 против 0,376 в 2024 г.¹

Нами предлагается ввести «ипотечные каникулы» для семей, в которых рождается ребенок, поскольку траты во время беременности женщины и в первый год жизни малыша составляют наибольшую долю всех расходов семьи. То есть, мы считаем, что временная отсрочка платежей по ипотеке позволит молодым родителям купить все необходимо для малыша без финансовых рисков.

Подводя итог, можно сказать, что тандем материнского капитала и льготной ипотеки стал важнейшим механизмом реализации демографической политики. Помогая молодым семьям решать жилищную проблему, государство не просто стимулирует рождаемость, но и закладывает основу для стабильности ключевой ячейки общества. А молодая семья, обретшая уверенность в завтрашнем дне, действительно становится тем самым «кирпичиком», на котором держится будущее страны.

Научный руководитель: **В. А. Назарова**

А. А. Шумилов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Семья как предел и смысл человеческого пути

Ключевые слова: человеческий потенциал; любовь; семья; спасение.

И потому я верю, что однажды обрету свое спасение...

Думаю, каждый человек хотя бы раз в жизни задумывался о том, кто он такой и в чем заключается его предназначение. Где кончается его путешествие и чего он в конечном итоге сможет достичь. Эти вопросы не случайны. Человек по своей природе — существо сомневающееся, а порой и вовсе потерянное. Недаром румынский философ Э. М. Чоран писал о том, что человек — это «пропадающее создание», возникшее по воле случайности [3].

В этом эссе я хочу поделиться своим пониманием человеческого потенциала, в особенности мужского, а также размышлениями о том, что важнее: стремление к совершенствованию мира или создание семьи и сохранение любви даже после утраты близкого человека.

---

¹ Дорощеева Е. Суммарный коэффициент рождаемости продолжил снижаться в 2025 г. // Ведомости. — 2026. — 23 янв. — URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/01/23/1171174-summarnii-koeffitsient-rozhdaemosti-prodolzhil-snizhatsya> (дата обращения: 10.03.2026).

Начать я хочу с философии, которая во многом сформировала мое мировоззрение. Речь идет о немецком мыслителе Фридрихе Ницше и его произведении «Так говорил Заратустра». В нем звучит одна из самых провокационных идей: «Бог мертв, и мы убили его». Это не столько утверждение, сколько вызов, предлагающий человеку принять мир без высшего смысла и научиться опираться только на самого себя.

Вместе с этим Ницше вводит образ сверхчеловека — личности, способной преодолеть ограничения общества, морали и собственной природы. Такой человек не поддается страху, не ищет одобрения и не следует за большинством. Его путешествие — это путь постоянного преодоления, в котором одиночество становится неизбежной платой за внутреннюю независимость [2].

Идеи Ницше находят отклик в концепции американского исследователя мифологии Джозефа Кэмпбелла, автора книги «Тысячеликий герой». Он описывает универсальный путь героя: через испытания к достижению цели, за которым, вопреки ожиданиям, не следует покой. Даже достигнув желаемого, герой сталкивается с внутренней пустотой и продолжает движение вперед [1].

Если объединить эти два образа, мы получаем человека, обреченного на постоянное преодоление и движение. Однако в этой конструкции, на мой взгляд, не хватает главного — спасения.

Под спасением я понимаю не религиозную категорию в привычном смысле, а человека, который окажется рядом в моменты, когда рушится мир или, наоборот, все теряет смысл. Того, кто способен вырвать тебя из одиночества и внутренней пустоты. Именно осознание ценности такого спасения заставляет задуматься о том, что такое потенциал человеческой души и как он раскрывается.

Говоря о человеческом потенциале, важно различать потенциал души в целом и мужской потенциал. Мужчина, стремящийся к величию, хочет оставить след, доказать свою значимость и преодолеть пределы возможного, пускай даже в одиночку. В этом контексте особенно важны образы, о которых говорилось ранее — «тысячеликий герой» Кэмпбелла и сверхчеловек Ницше: оба воплощают личность, противопоставленную миру, идущую своим путем, не согласующуюся с мнением большинства. Если мужчина воспринимает себя как героя собственной истории, энергия внутреннего сопротивления становится движущей силой его развития, позволяя преодолевать трудности и ограничения, формируя внутренний стержень на пути к величию.

Но здесь есть тонкая грань. Потеряв чувствительность, мужчина рискует потерять нечто гораздо более важное — способность любить. Поэтому, как бы ни складывались обстоятельства, важно сохранить

в себе романтика. Этого внутреннего ребенка, который способен видеть красоту, верить в любовь и стремиться к свету, чей огонь подобен «неопалимой купине» являющейся проводником между человеком, вне зависимости от его пола, и Богом. Потому что, достигнув даже самых больших высот, человек может столкнуться с пустотой. Слава, деньги и признание — все это приносит удовлетворение, но не заполняет внутреннюю тишину, а одиночество на вершине ощущается особенно остро.

Я понимаю это уже сейчас и допускаю, что однажды сам столкнусь с этим чувством. Именно поэтому для меня важна идея встречи «своего человека» — не просто партнера, а соратника. Того, с кем можно пройти путь становления личности и прожить жизнь. Однако, чтобы кто-то стал твоим спасением, ты сам должен быть готов стать спасением для него. Любовь — это не только чувство, но и ответственность: без нее можно ранить человека так глубоко, при которой его душа будет напоминать выжженную землю.

Именно поэтому любовь, на мой взгляд, является фундаментом семьи. Да, семью можно создать и без нее — из удобства или ради детей. Но такая конструкция остается хрупкой: дети вырастают и уходят, а два человека остаются наедине друг с другом. И тогда возникает вопрос: готовы ли они прожить жизнь вместе без любви?

Семья — это прежде всего союз двух людей. Дети, родственники и социальные роли важны, но вторичны. В основе семьи лежит связь двух личностей и их выбор быть вместе несмотря ни на что. Я понимаю, что с этим многие не согласятся. Кто-то скажет, что человек в любом случае одинок, приходит в этот мир один и уходит точно также, что в первую очередь нужно любить себя, а все остальное лишь временные связи. Я не отрицаю эту точку зрения. Но моя вера иная.

Я верю в любовь, которая связывает людей настолько глубоко, что они готовы разделить друг с другом все — даже свою свободу. Речь не идет о зависимости или разрушительных отношениях. Речь о верности, о выборе, который остается неизменным даже после утраты. Такая любовь, на мой взгляд, и раскрывает подлинный потенциал человеческой души. Она делает человека не просто сильным или достойным, а по-настоящему живым.

Сегодня мы все чаще наблюдаем, как институт семьи теряет свое значение. Мир сосредоточен на достижениях, выгоде и личном успехе. Отношения все чаще рассматриваются как инструмент, а не как ценность. Но в этой гонке легко потерять главное — смысл. Ведь в конечном счете человек оценивает свою жизнь не только по тому, чего он достиг, но и по тому, с кем он этот путь прошел.

Если бы сегодняшний день оказался моим последним, то я считал бы себя достойным человеком. Однако не смог бы назвать себя счастливым. Потому что, как бы ни был реализован мой мужской потенциал на данный момент, без любви, в свою очередь, человеческий потенциал остается незавершенным.

И потому я верю, что однажды обрету свое спасение... Человека, с которым смогу разделить жизнь. Человека, с которым мы будем вместе смотреть на отражение лавандового заката в воде, по которой бегают маленькие ножки.

Библиографический список

1. *Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой. — СПб.: Питер, 2018. — 352 с.
2. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. — М.: Эксмо, 2019. — 416 с.
3. *Чоран Э. М.* На вершинах отчаяния. — М.: АСТ, 2020. — 416 с.

Научный руководитель: **Р. А. Долженко**,
доктор экономических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

КОНГРЕСС УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВА

ТЕЗИСЫ РАБОТ ФИНАЛИСТОВ КОНКУРСОВ

ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И СТУДЕНТОВ

Брыкалова Д. С., Мамбве Д. Оценка эффективности государственных и муниципальных проектов в сфере молодежной политики: доказательный подход на примере фестивальной экосистемы города Ставрополя.....	5
Егорова В. А., Овчинников А. К. Выработка рекомендаций и предложений по улучшению вовлеченности молодежи в оценку регулирующего воздействия на всех уровнях государственного управления.....	8
Клутье Н. С. Чат-бот МФЦ Санкт-Петербурга и принцип «единого окна» как инструмент снижения административной нагрузки заявителей.....	9
Ковлякова К. Д., Ким Д. О., Луканина З. В., Лехельт Ю. О., Соболев К. А. Платформа по интеллектуальному управлению совещаниями и решениями в органах власти.....	12
Маркина В. С., Бобровцева К. В., Шагретдинов А. А. Государственное регулирование туристического бизнеса в Челябинской области	14
Сеидова Л. Р. Особенности процессов и инструментов проектного управления на примере Пермского края	17

Соловьев Л. С. Оценка регулирующего воздействия экспериментальных правовых режимов: эффективность регуляторных песочниц в государственном управлении	19
Сулейманова Е. А. Оценка регулирующего воздействия в сфере жилищно-коммунального хозяйства: проблемы и перспективы.....	21
Черепанов Д. Н. Проблемы реализации государственной демографической политики на региональном уровне и пути их решения	23
Чермянинова А. Ю. Региональные модели оценки регулирующего воздействия: лучшие практики и возможности тиражирования.....	26

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВАЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ЭВОЛЮЦИЯ И ИННОВАЦИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ

Акулова М. С. Особенности превентивной политики в сфере предупреждения доведения несовершеннолетних до самоубийства в школе	28
Бецко Е. О. Преступления, связанные с бытовым насилием: предпосылки и меры.....	31
Демина П. И. Профессиональный стресс у сотрудников правоохранительных органов.....	33
Кудояров А. Е. Использование искусственного интеллекта для оптимизации документооборота в МВД России.....	35
Кучина А. А. Экономические преступления в сфере здравоохранения в странах ЕАЭС	37
Лю Л. Коррупция как объект теоретико-правового исследования.....	40
Любимский Р. В. Государственная политика по обеспечению социально-экономических прав участников специальной военной операции: правовые основы и специфика реализации на территории Республики Крым.....	42
Маратканова О. С., Жук В. И. Взяточничество в России: деструктивный фактор развития, проблемы доказывания и перспективы усиления ответственности.....	44
Шастова Ю. К. Ужесточение наказания за должностные преступления.....	46
Шестакова С. А. Регламентация деятельности общеобразовательной организации среднего образования.....	49

ЦИФРОВОЕ ОТКРЫТИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ

Аверин С. Е. Токенизация недвижимости: новые возможности инвестирования и правовые риски	52

Алешина А. И. Цифровизация миграционных правоотношений в Российской Федерации и государствах — членах ЕАЭС: сравнительно-правовой анализ частноправовых механизмов регулирования	54
Дедаева В. Д. Интеллектуальные права на результаты работ, созданные искусственным интеллектом	56
Зотова С. Д., Сальникова С. Д., Исмагилова Е. Э. Правовой режим искусственного интеллекта	58
Кормин С. А. Проблематика правового регулирования гражданского оборота виртуального игрового имущества	60
Маланина В. П. Актуальные проблемы правового регулирования оборота цифровых произведений и защиты интеллектуальных прав в интернете	62
Мандра А. Е. Правовые риски цифрового рубля: защита прав граждан при массовом внедрении	64
Мельчакова Э. Э. Цифровизация судебной системы в России и странах ЕАЭС: сравнительный анализ	67
Михалев Б. О. Трансформация юридической профессии под влиянием искусственного интеллекта: вызовы и модели адаптации для России и стран ЕАЭС	69
Мищенко Д. В., Тончинская К. В. Ответственность за «галлюцинации» и клевету искусственного интеллекта	71
Невьянцева А. В. Цифровые правонарушения в России и странах ЕАЭС: сравнительная характеристика видов и ответственности	73
Суханова Н. Д. Правовое регулирование дипфейков в Российской Федерации и странах Евразийского экономического союза	75
Худокормова Д. А., Ушкова В. С., Мирзоева А. Ф. Гражданско-правовое регулирование деятельности цифровых платформ на трансграничном рынке ЕАЭС	77
Шихирева А. А. Регуляторные «песочницы» для финтеха: инновации в эпоху цифровизации (сравнительный анализ практики Евразийского экономического союза на примере Кыргызской Республики)	79

Точка кипения: АНАЛИТИКА, ЭКСПЕРТИЗА, АУДИТ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСАЙТ-ПРОЕКТОВ

Аверин С. Е. Общественная безопасность в цифровой среде: роль российского национального мессенджера «Макс» в противодействии мошенничеству и киберугрозам	80
Афонина Д. А. Реклама как способ формирования ценностей молодого поколения	83
Блюденова У. А. Судебная экспертиза в области патентного права	85
Буц А. А. Регулирование демографии как проблема мировой политики	87
Гребенкина П. В. Слактивизм как помеха эффективной коммуникации между властью и обществом на примере г. Екатеринбурга	90
Ежова Е. С. Правовые проблемы регулирования рекламной деятельности	92

Ермолаева Н. Д. Проблемы правовой квалификации цифровых доказательств	94
Кивилева В. П. Общественная безопасность под угрозой: анализ эффективности института независимой антикоррупционной экспертизы	97
Коцюр А. Н. Пробелы законодательства и проблемы правоприменительной практики охраны изображения гражданина	99
Куницкая А. С. Роль социума и государства в обеспечении общественной безопасности	101
Серебряков К. Д. Влияние интерфейсов на структуру политической коммуникации пользователей цифровых платформ в области городского благоустройства	104
Угрюмова А. А. К вопросу о цифровой грамотности избирателей при дистанционном электронном голосовании	106
Ярцев К. А. Разработка модели перехода от функциональной к процессной оргструктуре: роль бизнес-аналитика как архитектора изменений	108
Ярына Я. В. Деприватизационные иски прокуратуры России и их влияние на экономическую деятельность	110

КОНГРЕСС СТРАТЕГОВ

ТЕЗИСЫ РАБОТ ФИНАЛИСТОВ КОНКУРСОВ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МИРА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ЭССЕ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И СТУДЕНТОВ

Аббосов А. У. Искусственный интеллект в цифровой экономике: возможности, риски и система самоконтроля AI Guardian	115
Белькова Е. Д. Влияние криптовалют на экономическую независимость стран	117
Варникова М. С. Трансформация механизмов конкуренции в условиях цифровой экономики	119
Вилькоцкий М. О. Цифровизация общества в Центральной Азии: социальные риски и возможности под влиянием внешней технологической «мягкой силы»	122
Жанабергенова А. Т. Развитие искусственного интеллекта и автоматизации	125
Зикриллаев Ж. С. Цифровая трансформация как фактор перераспределения глобальной экономической власти	127
Каратеев К. И. Логистический суверенитет и обеспечение социальной стабильности в условиях фрагментации глобальных рынков	132

Кичев М. Е. Социальные вызовы трансформации глобального порядка: неравенство, цифровизация и доверие в контексте России	134
Кудратиллаев М. Б. Применение цифровых технологий в медицинских методах исследований	137
Маевская Я. А. Догнать, чтобы перегнать? Что на самом деле мешает нашему технологическому рывку	139
Мельникова А. Е. Влияние цифровой трансформации на рынок труда	143
Мирзозода М. Экономическая безопасность государств в эпоху технологической зависимости	145
Петрова Д. Н. Социально-экономическое развитие России и ее взаимодействие с другими странами: вызовы и траектории посткризисной адаптации	149
Пилипенко В. Д. Практическое применение беспилотных транспортных грузовиков между распределительными центрами	151
Шавкунова А. А. Стратегическое и проектное управление как детерминанта обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации	154

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

КОНКУРС НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ

Аверин С. Е. Защита прав в сфере дополнительного образования: инструменты обжалования некачественного обучения — от досудебной претензии до иска	157
Бардыгина А. А. Реализация и защита прав несовершеннолетних в сети Интернет	161
Бельдина А. О. Краудсорсинг как инструмент стратегического партнерства органов власти и граждан	163
Евстигнеев Н. А. Современное местное самоуправление	165
Каменских А. В. Зеленый город — право каждого?	169
Кашапов А. А. Демографическая ситуация в России: анализ проблем и пути выхода	173
Киселева З. С. Право совершеннолетних граждан на образование в условиях временной нетрудоспособности	177
Колесникова А. Д. Проблемы обеспечения прав родителей в сфере получения общего образования несовершеннолетними	180
Кормин С. А. Персональные данные несовершеннолетних в сети Интернет: способы защиты и развитие цифровой гигиены	182
Коцюр А. Н. Юридическая клиника: диалог с клиентом и профессиональное становление	185
Николаева П. В. Помощь в трудоустройстве участникам специальной военной операции	188
Огневская О. А. Права ученика: где заканчивается дисциплина и начинается произвол?	191
Прохорова Д. С. Современные подходы к реализации и защите прав несовершеннолетних граждан в сети Интернет	193

Серебряков К. Д. «Тень до факта»: почему российское право не видит подросткового суицида, пока не становится слишком поздно?	196
Скоблик Е. С. Современная тактика правозащитника: от формальной нормы к человекоцентричной защите.....	199
Чехомов М. А. Безнадзорность несовершеннолетних: проблемы и пути их решения	201
Широковских Д. М. Проблемы самообороны в Российской Федерации и пути их решения	203
Южанинов М. Н. Вовлеченность детей в цифровое пространство: проблемы и ориентиры	206

ОТДЕЛЬНЫЕ КОНКУРСЫ

ТЕЗИСЫ РАБОТ ФИНАЛИСТОВ КОНКУРСОВ

Молодые семьи — ОПОРА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

КОНКУРС ЭССЕ

Баранова Я. С. Молодая семья в феминистской перспективе: трансформация гендерных ролей, партнерства и семейной устойчивости	211
Безгребельная А. А. Человеческий капитал: экономика будущего начинается с молодой семьи.....	214
Васина Е. А. Цена отказа от семьи в эпоху самореализации	217
Волостнова К. Д. Реализация социальных проектов в формировании качества жизни: поддержка разных форм семей и их роли в общественном развитии	219
Ермакова С. Н. Невидимый фундамент: как семья формирует наше будущее	222
Каддур Р. Синергия права и менеджмента: стратегический подход к развитию «сотрудника-матери» в российском контексте	225
Кичев М. Е. Семья нового поколения как источник инновационных практик взаимопомощи молодых родителей	227
Коньков И. А. Культурный капитал молодой семьи в многонациональной России как фактор устойчивого экономического развития	230
Копнин А. А. Цифровая экосистема молодой семьи как фактора устойчивого социально-экономического регионального развития.....	232
Коркишко А. И. Молодая семья в системе достижения национальных целей: потенциал и ограничения	236
Кортес-Перейра Ю. К. Диалог культур в одной семье: воспитание человеческого потенциала и сохранение русской идентичности.....	238
Маому Ж.-К. Поддержка молодой семьи как условие экономического роста России.....	240

Переверзева А. В. Духовные основы семьи и роль этноса в воспитании личности	242
Распопова Е. А. Семейный фундамент как основа культурной и профессиональной преемственности	245
Сказоватова А. П. Противоречие между ростом цифровых форм занятости и недостаточной адаптацией социальной политики и рынка труда к потребностям молодых семей.....	247
Цыбизова С. Д. Молодая семья в системе социально-экономических приоритетов России.....	249
Шавкунова А. А. Малая родина и экономика будущего: потенциал молодой семьи в Российской Федерации на примере ее субъекта — Удмуртской Республики.....	251
Шарыпкина С. Д. Молодая семья как драйвер демографического роста....	253
Шумилов А. А. Семья как предел и смысл человеческого пути	255

Научное издание

**ЕВРАЗИЙСКАЯ СИНЕРГИЯ:
ЕДИНСТВО НАРОДОВ РОССИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН**

М а т е р и а л ы
XVI Евразийского экономического форума молодежи

(Екатеринбург, 21–24 апреля 2026 г.)

Том 3

Печатается в авторской редакции и без издательской корректуры

Компьютерная верстка Н. И. Якимовой

Поз. 39. Подписано в печать 30.06.2026.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать плоская.

Уч.-изд. л. 14,2. Усл. печ. л. 15,58. Печ. л. 16,75. Заказ 217. Тираж 50 экз.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУБЕРНАТОР И ПРАВИТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

РОССИЙСКАЯ
АССОЦИАЦИЯ
СОДЕЙСТВИЯ
ООН

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО РОССИИ

Свердловская региональная
общественная организация ВЭО России

МЕДИАГРУППА
**КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА**
ГАЗЕТА • САЙТ • РАДИО • КНИГИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ТЕЛЕКАНАЛ

Областная
Газета

УБРИР

В апреле 2026 г. в Уральском государственном экономическом университете состоялся XVI Евразийский экономический форум молодежи — самый масштабный за всю историю проведения форума. Для участия в конкурсной программе XVI ЕЭФМ было подано 15 828 заявок от представителей 117 стран мира и 87 регионов России.

XVI ЕЭФМ объединил 24 216 участников, 556 экспертов, делегации 217 вузов и журналисты 46 средств массовой информации России и стран СНГ, а также 92 представителя дипмиссий, включая 31 посла! Большое внимание к Форуму проявили представители органов власти, научного и предпринимательского сообщества.

Помимо УрГЭУ, площадками форума стали 12 крупнейших университетов Калининграда, Магадана, Санкт-Петербурга, Алма-Аты, Астаны, Бишкека, Душанбе, Коломбо, Минска, Оша, Ташкента, Харбина, что подчеркнуло масштаб и значимость научного и общественного диалога.

Программа XVI ЕЭФМ включала в себя 42 конкурса в рамках шести конгрессов, Форум ректоров, Медиафорум, Форум дипломатов, VI Турнир по быстрым шахматам «Уральский ферзь», выставки и другие мероприятия. Торжественное открытие вновь состоялось на площадке международного уровня — в выставочном центре «Екатеринбург-Экспо», собрав более 5 000 зрителей.

«Для нас глубоко символично, что XVI ЕЭФМ проходит именно в Год единства народов России. Особо хочу обратиться к молодежи! Ваши научные и творческие изыскания — это мощный и прагматичный ответ на любые попытки затормозить развитие. Именно вы станете теми, кто превратит идеи в реальность, а диалог — в синергию».

И. о. ректора УрГЭУ, доктор экономических наук, профессор
Я. П. Силин

